

Роман Медведев

Лети, не бойся!

фэнтези роман

16+

Роман Медведев

Лети, не бойся

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Медведев Р. Б.

Лети, не бойся / Р. Б. Медведев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Роман жанра национального фэнтези. Герой романа прежде числится пропавшим. Его рассказ и становится сюжетом с грандиозным мирозданием. Лица романа путешествуют в землях живых и мертвых, встречаются с диковинными народами, оказываются вовлечены в приключения, где на кону стоит их жизнь. Повествование приоткрывает завесу над множеством явлений, происходящих и в нашем мире. Каждый день героев романа как судный, где они вынуждены бороться не только с врагами, но и сами с собой. Их мир станет и вашим. Приглашение войти в него в книге. Фото обложки сделано автором в подвалах Дуомо, Милан.

Содержание

– Что ты имеешь в виду? Как и везде, кто чем. Работают, занимаются хозяйством. Сидят по квартирам и домам. Встречаются на улицах. Ну и, конечно, пьют и воруют. Как у Салтыкова-Щедрина. Помните? «Если я усну и проснусь через сто лет, и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу, – пьют и воруют». И ведь не поспоришь!	9
Конец ознакомительного фрагмента.	87

ЛЕТИ, НЕ БОЙСЯ

Пролог.

Знакомство.

В привычном нам мире время от времени пропадают люди. Это давно стало фактом, с которым редко кто спорит. Исчезновения происходят из года в год в разных уголках планеты и списываются на случай. На фатальное происшествие, которому при всяких обстоятельствах кто-нибудь да найдёт объяснение.

Жил некий человек, имел круг общения, соседей, располагал имуществом, и вдруг человека не стало. В большинстве случаев за этим следует государственный розыск, появляются листы с фотографиями пропавшего на фасадах домов и столбах, его ищут волонтеры. Несчастному присваивается статус: «без вести пропавший». Без вести – пожалуй, ключевое выражение. Выходит, нет о человеке слова – нет и его самого.

А что до мероприятий, то, как правило, толка от них никакого. Был человек и сплыл. Доходит и до того, что пустой гроб в землю опускают, спроваживая пропавшего со свету по всем правилам. Лишь немногие продолжают искать близких годами, не желая мириться с событием, которому не нашлось объяснения. Большинству же до этого совсем скоро становится никакого дела. Память о пропащих также теряется без вести.

Но случается, что неожиданно ранее исчезнувшие возвращаются. Появляются в родных им местах, либо доносится о них известие с чужбины. От живых, но словно с того света. И сами они не могут припомнить, а что же с ними случилось в эти дни, месяцы или годы отсутствия? Их имуществом как бесхозным уже пользуются те, кого наделили таким правом, а они лишь разводят руками в судах: – Мне нечего сказать. Я не помню, где был.

А может, они просто не хотят говорить или вспоминать об этом?

Не стану отвечать за всех, но за одного человека свидетельствую лично. Он не хотел. По многим причинам, одной из которых является и то, что вряд ли имел шанс оказаться понятым.

Я повстречал его ненастным октябрьским днём в закуской родного города. И именно о нём пойдёт мой рассказ. О возвращенце с другого света в прямом и переносном смысле. О человеке, полностью перевернувшем моё представление о мире.

Впрочем, чтобы надлежащим образом объяснить обстоятельства нашей встречи, и из вежливости конечно, мне следует представиться. Зовут меня Орлов Алексей. Тридцати восьми лет от роду. Урождённый города Соликамск Пермского края. Имею оконченное педагогическое образование, но работаю в библиотеке. С семейной жизнью не сложилось. Потому что... Да просто не сложилось. Отчего я предоставлен, по большей части, самому себе и собственным увлечениям.

Наша библиотека насчитывает более пяти тысяч книг советской поры и современных издательств. Последних, разумеется, больше. За минувшую пятилетку фонд библиотеки скудно обновлялся. Централизованных поставок, увы, почти не стало. От издательств экземпляры поступают редко. Чаще люди приносят мне книги сами безвозмездно. И пускай их объяснения звучат дико для образованного уха, вроде: «Делаю ремонт в квартире, книги некуда девать; мешают...», я искренне благодарен приносящим. Ведь кому-то непосилен не то что ремонт, но и лишний кусок масла на столе. А у меня они могут получить Пушкина, Достоевского, Бунина, Байрона и Селинджера во вполне сносном переплете и почти бесплатно. Библиотечный абонемент стоит сущие пустяки.

Когда-то за день у меня бывало до сорока – пятидесяти выдач книг. О нынешних временах нечего и говорить. Поэтому времени свободного предостаточно. Раньше всё, бывало,

читал, да занимался переводами. Мой базовый иностранный язык французский, но за не востребованностью его в родном городе, самостоятельно освоил английский на коём и подрабатываю время от времени.

Однако в последние годы стал предаваться собственным литературным опытам и, признаюсь, безуспешно. Моим малочисленным друзьям и знакомым были предъявлены повесть о несчастной любви дезертира марсельского иностранного легиона и цикл рассказов о подвигах шахтёров. Получивших, между прочим, восторженные отклики. Хоть и людей, которых, полагаю руку на сердце, следует считать отчасти заинтересованными в моей судьбе.

В тот примечательный день я как раз размышлял о сюжете для своего нового творения, которое смело решил выполнить в большой форме романа. С утра я набросал на листе исходную фабулу и, терзаемый поиском перипетии, что переместит героя романа в нужную мне точку, отправился в ближайшую закусочную. В дороге всё больше деталей обретали главные лица моей истории, что прежде были нанесены на будущее полотно романа жирными мазками. Пребывая в возбужденном состоянии предвкушения работы, я намеревался отметить это событие полноценным обедом, сдобренным кружкой приятно щипающего нёбо пива.

С подносом, на котором красной волной набегал на берег тарелки борщ и каменным плато среди барханов картофельного пюре возвышался слегка заветренный бифштекс, я приземлился за круглым столиком у окна. В закусочной было тепло и хорошо. Незамысловатый интерьер из выцветших репродукций советских пейзажистов, посеянных на бежевом фоне стен, создавал уют знакомого места. В подавляющем числе публика мужского пола неспешно переговаривалась за трапезой, убивая время. С потолка щедро разливались светом выдавшие виды пластиковые фонари плафонов.

Я расположился поудобнее, с удовольствием посматривая на стучащие снаружи о стекло капли дождя, и потягивал холодное пиво.

В обеденное время, да в такую погоду в этом заведении традиционно бывало людно. Не стал исключением и тот день. За дюжиной столиков закусочной размещались за раз по два-три посетителя, поэтому я совершенно обыденно отнёсся к появлению за моим столом Михаила. Вернее тогда я ещё не знал его имени и лишь бегло оценил бородатую физиономию новоявленного соседа.

– Как вы находите местное пиво? – густым с хрипотцой голосом бросил мне незнакомец, оперев смуглые ладони по обеим сторонам тарелки с сосисками и обломками заводского каравая чёрного хлеба.

– Вполне сносное, – ответил я.

– Что ж..., – он встал и отправился к раздаточной стойке.

Я с любопытством проследил за высокой фигурой мужчины. Он был облачён в джинсовые куртку и штаны, которые от голени уместались в высоких армейских ботинках нового образца. Под курткой угадывались массивные мышцы, при каждом движении натягивающие намокшую от дождя ткань. Незнакомец носил длинные волосы, стянутые на затылке в хвост.

Через пару минут он вернулся за столик с двумя кружками пива. Одну из них мужчина придвинул мне.

– Не хотел показаться невежливым. Только и всего. Продолжения не будет. На сегодня мой бюджет исчерпан. Так что..., – он поднял кружку и, окунув в пену усы, отпил из неё двумя большими глотками, отмеченным величественным движением кадыка на шее. Будто твёрдые камни неспешно проследовали по его гортани напрямик в утробу.

– Не стоило беспокоиться. И тем более тратить деньги. Заберите кружку, судя по всему, она и вам не окажется лишней, – я отодвинул незнакомцу пиво обратно.

Он вытер губы ладонью и пристально посмотрел мне в лицо. Под колючим взглядом небесно-голубых глаз мужчины мне стало не по себе. Будто холод и брызги дождя ворвались вместе с ним с улицы и ощипали лицо.

– Не отталкивайте тех, кто приходит с добрыми намерениями. Когда вас угощают – негоже отказываться.

– Откуда мне знать с какими вы пришли намерениями, – возразил я.

– Отказавшись, вы так и не узнаете. В то время как встреча может оказаться для вас благом. Встречайте проходящее в вашей жизни с достоинством. Никогда не поздно сказать нет. Но очень часто становится поздно сказать да, – незнакомец говорил размеренно, обнаруживая качества уверенного в себе человека; человека с немалым багажом жизни. – Здесь совсем разучились искренности.

– В нашем городе?

– Везде. Впрочем, не важно. Если какие-то мои слова покажутся вам странными – не придавайте им большого значения. Я долго отсутствовал. Пейте и уважьте моё угощение. Я не желаю вам ничего дурного, – он подвинул мне кружку обратно, поднял свою, качнул ею в мою сторону и сделал новый глоток.

Хорошо, что ко времени нашей беседы я успел прикончить хотя бы борщ, потому как аппетит мой куда-то бесследно исчез. Однако, понемногу прикладываясь к пиву, я ощутил хмель в голове, что обычно способствует примирению со многими негативными эмоциями.

Я смотрел, как мой сосед расправляется с сосисками, сдабривая их солодом. За его четкими и в чём-то даже красивыми движениями. И вдруг поймал себя на ощущении, что не испытываю к нему ничего плохого. Напротив, его уверенность и излучаемая сила внезапно откликнулись во мне полным к нему доверием, словно к близкому товарищу. Тем более, выглядел он всего немногим старше меня.

– Сколько вам лет? – решил я на вопрос.

Мужчина улыбнулся, и морщинки в уголках его глаз приветливо рассеялись лучиками солнца. Крупные скулы заставили зашевелиться щетину на лице, блеснувшую мелкими росинками оставшейся на ней пивной пены.

– Пожалуй, тридцать пять. Спасибо за вопрос, – он проглотил последний кусок хлеба, вытер руки и протянул мне ладонь. – Как вас зовут?

– Алексей Петрович. Орлов.

Я постарался сжать его ладонь, но мои потуги остались незамеченными в крепкой хватке руки мужчины, не приложившего к тому никаких усилий.

– Михаил, – ответил он.

– Алексей, – поправился я, смутившись.

– Без обид, Алексей, но пиво здесь порядочная дрянь! – он раскатисто захохотал, обратив внимание обитателей соседних столов к собственной персоне.

Я улыбнулся: – Не могу себя считать экспертом по этой части. Но мне казалось, что всё не так уж плохо.

– А перестаньте, – он махнул рукой. – Я вовсе не виню вас. Просто мне есть с чем сравнивать. Там оно... впрочем, не важно. – Он обернулся к окну, и на секунды лицо Михаила погрузилось в задумчивость. Как мне показалось, отягощённую каким-то неразрешённым вопросом. Чем-то слишком серьёзным для этого места.

– Дождь пришёл надолго, – вымолвил он. Затем возвратился ко мне и морщины на его лбу приветливо разгладились. – Я рад знакомству с вами и надеюсь на взаимность. Вы не очень торопитесь?

В моей голове промелькнули мысли о свёрстанной фабуле романа и уже немного затёртом этой встречей азарте к предстоящему письму.

– Вообще-то у меня есть дела. Да и рабочий день в самом разгаре, – я сказал то, что должен был и, что на самом деле являлось чистой правдой. Но в то же время поймал себя на мысли, что этот человек достаточно заинтриговал меня для того, чтобы вот так расстаться именно сейчас. Тем более захмелевшим я вряд ли напишу что-то путное. А рабочее время библиотеки – чуть ли не последнее, что волновало жителей нашего города.

– Я понимаю, – ответил Михаил, – и все же попрошу вас об одолжении составить мне компанию ещё некоторое время.

Я как раз завершил глоток из пузатой кружки и согласно кивнул с полным ртом.

– Отлично! После знакомства мы можем на «ты». Так мне будет проще, если не возражаешь.

Я снова кивнул: – Совершенно не возражаю.

– Ну и славно. Так чем у вас живут в городе?

– Что ты имеешь в виду? Как и везде, кто чем. Работают, занимаются хозяйством. Сидят по квартирам и домам. Встречаются на улицах. Ну и, конечно, пьют и воруют. Как у Салтыкова-Щедрина. Помните? «Если я усну и проснусь через сто лет, и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу, – пьют и воруют». И ведь не поспоришь! – Через сто лет...

– Да. Он так посчитал. Думаю, можно поставить и тысячу, – я заметил, как брови Михаила сердито сошлись у переносицы. – В твоём городе разве не так? Ты, насколько я понял, не местный?

– Не местный. Работа здесь есть?

– Работа? Да конечно есть. В городе такие монстры как «Уралкалий» и магниевый завод. Все зависит от твоих аппетитов относительно заработной платы. Хочешь остановиться здесь на работу?

– Именно. Поэтому и спрашиваю. Сам чем занимаешься?

– О! – я улыбнулся. – На мою работу ставку делать не стоит. Я библиотекарь. Совсем не прибыльное ремесло. Больше для души. Тебе то, – я ещё раз оглядел нового знакомого, – с твоими данными любая физическая работа по плечу!

– Видел бы ты меня раньше, – усмехнулся Михаил. – Но ты прав, я могу выполнять почти любую работу. Однако, есть и некие обстоятельства... Что ж, – вздохнул он, – вижу, что с трудоустройством ты вряд ли поможешь. Женат? Дети есть?

Признаюсь, реплика Михаила про обстоятельства меня насторожила. И возникшая мысль о неладах моего собеседника с законом несколько отрезвила и призвала меня к сдержанности в беседе.

Я замялся с ответом, а Михаил, словно читая мои мысли, замахал руками: – Нет-нет! Не думай ни о чём таком! Я не мошенник, не вор и не убийца. Просто поверь моему слову, потому как доказать чем либо ещё тебе этого не могу. Вспомни, я предупреждал тебя относиться к моим словам снисходительно. Я многое не могу и не хочу пока объяснять. И на то есть, уж поверь, уважительные причины. Осведомлённость, которой мне не хватает о твоём городе, не пустая болтовня. Мне следует решить, могу ли я здесь задержаться. А ты всё ещё единственный человек, кто мне знаком из местных. Впрочем, я не настаиваю на ответах. Тем более личных. Твоё молчание меня не обидит.

Я снова засмутился и поспешил исправиться: – Да я, собственно, и не думал... Я не женат. Живу один. И бояться мне нечего, потому как нечего терять. Всё моё состояние – это библиотека с книгами. Но по бумагам она принадлежит городу.

Полагая, что сострил, я улыбнулся. Однако, взвешивая мне в ответ, Михаил даже и не подумал вернуть улыбку. Когда он вот так смотрел, на меня находило какое-то оцепенение. И суетливо отводя глаза, я искал дело для рук, чтобы скрыть нервы.

Я схватился за кружку, но та оказалась уже пуста.

– Теперь моя очередь угостить, – нашёлся я чем заполнить паузу в разговоре и, не дожидаясь ответа Михаила, улизнул из-за столика к раздаче.

В горле действительно пересохло. Поэтому, пока наливали вторую кружку, я пригубил из первой ещё у прилавка. Вернувшись за стол, я нашёл своего знакомого вновь уставившимся в окно. Он будто ждал там появления чего-то так не достающего ему в окружающем мире. Такое чувство знакомо большинству, когда боль разлуки не может примирить тебя с реальностью, и ты всё ждёшь, что вот-вот, одиночество пройдёт словно сон, и счастье к тебе вернётся снова.

– А вот и пиво! – я постарался придать голосу беззаботности и поставил ему кружку.

Михаил медленно повернулся и молча выпил. Затем помассировал пальцами глаза и по наступившей в них красноте я вдруг понял, насколько уставшим выглядел мой собеседник. За скальной внешностью крутого парня мне удалось разглядеть измождённого странствиями человека. С ранимой как у многих скитальцев душой. И, может быть, большим добрым сердцем.

– Спасибо тебе, Лёша, – вымолвил он. – Сегодня для меня памятный день. Почти пять лет назад я оставил родной дом. И ровно пять дней назад я оставил свой новый дом, который стал ещё роднее прежнего... Но не спрашивай меня ни о чём. И не сердись на молчание. Ты всё равно не поверишь моим словам.

– Но почему ты...

Михаил поднял ладонь: – Довольно об этом! Не спорь. Тебе нужно творить свою судьбу, а не копать в чужих. Уверен, книги в библиотеке и так рассказали тебе слишком много, сбив с толку. Прислушайся к своей жизни и находи в ней каждый час, каждую минуту открытия для души. Ведь жизнь неповторимо прекрасна именно тем мигом, что мы проживаем. А память вместит в себя лишь её жалкую часть... Наслаждайся здесь и сейчас. Я знал людей, которые умеют жить. И будь ты знаком с ними, понял бы о чём я толкую.

– Да и мне доводилось встречать таких людей, – я словно оправдывался. – Хочу признаться, что я пишу рассказы, где моими героями выступают люди, которые зачастую рискуют жизнью каждый день. Каждый день!

– Поверишь, я совсем не удивлён тем, что ты пишешь. И кто же эти люди?

– Шахтёры и горноспасатели. Из бесед с людьми, избравшими эти смертельно опасные профессии, по большому счёту, я понял, чего стоит человеческая жизнь. Что она значит, когда остаёшься под землей, в завале. Когда рядом бушует пламя, а лёгкие душит ядовитый газ. И как потом смотрят на жизнь, обретя вновь над головой небо.

Михаил окинул взглядом наш стол.

– Наши кружки ещё полны пивом, – справедливо констатировал он. – Расскажи мне одну из своих историй. С некоторых пор я полюбил сказы о героях и подвигах. И не взыщи, что обращаюсь к тебе с просьбами, когда мы знакомы всего ничего.

– А! О чём ты?! Ерунда. Это вовсе не одолжение. Но должен признаться, что рассказчик из меня никудышный!

– Брось скромничать, – Михаил кивнул. – Предоставь мне право судить самому. Итак...

Он облокотился на столик, и тот жалобно скрипнул.

– Итак, – охотно начал я, – эта история случилась январским утром 1983 года на шахте № 22 Казахской ССР. Страна жила событиями наступившего нового года. Дети наслаждались праздниками и радовались середине солнечной зимы. Ничто не предвещало трагедии.

Когда на электронных часах в здании администрации шахты последняя из светящихся цифр отмерила 9 часов 28 минут, поступил первый сигнал о взрыве. Земля под администрацией отозвалась глухим урчанием и дрогнула. Возникший на глубине более пятисот метров пожар, спровоцировал взрыв метана и угольной пыли. С добычного участка верхнего этажа поступили сведения о крайне опасной ситуации. С нижними этажами забоя, где прогремел взрыв, связь прервалась...

Я пересказал Михаилу историю, которая в действительности имела место. На подземных выработках от ядовитого газа и травм за завалами погибли около сорока человек.

Согласно позднее раскрытой официальной статистике тридцать тел были подняты спасателями на поверхность. Точное число жертв так и не было установлено. Но каждый из выживших горняков мог бы назвать, находившегося по соседству, погибшего товарища.

Трагическим событиям того года не суждено было стать достоянием гласности. Советская цензура с усердием пресекала распространение информации обо всех несчастных случаях, происходивших в СССР, чтобы не дать гражданам великой державы и малейшего повода думать о слабости системы. В том числе, поэтому я счёл своим долгом написать рассказ о подвиге тех горняков, кто вопреки всему смог не только выжить в смертельной шахте сам, но и спасти своих товарищей. Когда на расстоянии вытянутой руки дым не позволяет тебе видеть ничего. Когда жар запекает рвань защитной одежды на теле. Когда газ и взвесь пыли душат тебя. Ты мыслями уже на том свете...

Эта история была первой и предварила целый цикл моих рассказов о подобных авариях и спасательных операциях. Изначально история была записана мной со слов живущих и по сей день действующих лиц того происшествия. Но при написании рассказа, я изменил имена и некоторые обстоятельства действия, чтобы не привлекать лишнего внимания к этим людям. По их же просьбе. Слава обошла их стороной тогда, и вряд ли досталась бы сейчас, когда в цене другие истории.

Увлёкшись, я старался донести до моего слушателя эмоциональный накал тех событий. Животный ужас и борьбу с ним героев истории. Стоящую за спиной смерть и мужество людей, спасающихся от протянутых ей рук.

За всё время моего рассказа Михаил не проронил ни слова. Но я видел, как блестели его глаза, когда шла речь об усилиях огнеборцев, о спасателях, прорывающихся к завалам, об эвакуации вырвавшихся из ада пламени и грохота людей. О действиях простых мужчин, оказавшихся наедине со стихией. Михаил будто вспыхивал изнутри, присутствуя там, в зёве тоннелей с ними. Тогда я ещё не знал, что мой новый знакомый испытывал нечто похожее на собственной шкуре.

Во время повествования я успел сбегать за ещё одной парой пива, которую мы незаметно приговорили. И, заканчивая историю, ощущал себя изрядно захмелевшим.

Михаил, на глазах которого в конце рассказа выступили слёзы, протянул мне руку: – Спасибо тебе. Это одна из самых ярких историй, что я слышал в своей жизни. Ты не зря ешь свой хлеб на земле. Знай, что твои рассказы будут нужны людям во все времена. – И он крепко сжал мою ладонь.

– Что ты! – я снова засмутился. – Таких писателей как я не мало. Эти истории пленили меня самого, но они далеки от того, чтобы стать бестселлером. Да и потом, наблюдая за тем, что нынче читают, я не строю иллюзий насчёт своей аудитории. Сейчас востребован модный эпатаж в литературе, детективы и пророчества.

– Не скажи. Твои книги о главном. О чём же, чёрт побери, ещё писать как не о любви и подвигах?! Помяни моё слово, хорошие книги сами найдут читателя. Ты лишь вдохни в них жизнь!

Я не нашёлся чем ответить, покорно соглашаясь.

– Ну, – Михаил откинулся на спинку стула, – я виноват, что злоупотребил твоим вниманием. Пора и честь знать.

– Перестань ты! – Я посмотрел на часы. Было почти шесть часов вечера. – Рабочий день всё равно уже кончился. Я напротив рад, что провёл время здесь, с тобой. Было как-то... душевно что ли. Можно было бы ещё посидеть, но по вечерам тут собирается всякий сброд. И нормально, увы, не общаемся.

– Ну, раз так, и поскольку я твой должник, позволь мне проводить тебя до твоей работы или куда ты там ещё соберёшься. – Он поднялся из-за стола, ничуть не шатаясь. Чего я не мог сказать о себе.

Михаил придержал мой локоть: – Я не ошибся, когда решил подойти к тебе. Знай, Алексей, что ты хороший человек. Слишком хороший, чтобы быть сильным и подчинить жизнь своим желаниям, а мир заставить себя слушать. И вдвойне жаль, оттого, что тебе действительно есть, что ему сказать. Может быть, мы сейчас расстанемся и никогда не увидимся снова. Но если такому суждено будет случиться, знай, что ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

– Что ты, Миша? – мне вдруг захотелось его обнять как близкого друга. – Не прощайся раньше времени. Я ещё, может, помогу тебе устроиться в нашем городе на работу и тогда мы увидимся и не раз.

Он улыбнулся в ответ. И снова морщинки у глаз рассыпались лучезарным солнцем на его незаурядном лице.

На не совсем твёрдых ногах я направился к входной стеклянной двери. Михаил пошёл за мной следом. Стройный порядок квадратов на линолеуме пола чуть вскружил мне голову. Я запретил себе смотреть под ноги и прибавил шаг. Миша держался в паре метров за моей спиной.

Сквозь двойное мутное стекло я разглядел, как со стороны улицы, под всё ещё морозящим дождем ко входу в закусочную спешат три невысокие фигуры парней в спортивных костюмах.

Я навалился на дверь, открыв её почти целиком, и в то же время с улицы в открывшийся проём предбанника заскочил молодой кавказец лицом к лицу с моей физиономией. Не выдержав натиск тяжелой двери, я случайно подался на него и толкнул парня плечом навстречу.

– Ты куда прёшь, баран? – воскликнул тот, обнажив острые, как у обезьяны, зубы в злобной гримасе.

– Извините, я нечаян... ооxxx, – выдохнул я, не успев окончить фразу, когда слева в селезёнку воткнулся его твердый как камень кулак.

В глазах разошлись чёрно-красные круги, закрутившись в воронку водоворота, и я сполз спиной по открытой двери.

Где-то над головой раздался сперва презрительный смех, а затем, заглушающий его, голос Михаила: – Он извинился.

Следом послышался отвратительный звук тяжёлого шлепка, вперемежку с хрустом кости, и сдавленный хрип. Я поднял глаза и увидел стремящееся к полу лицо моего обидчика, превратившееся в кровавую отбивную. Будто по нему врезали железным рельсом, сравнив профиль в почти плоскую тарелку.

Чернявый товарищ кавказца, похожий на него как две капли воды, ринулся вперёд. Но молниеносное движение Михаила отбросило того метра на три назад на улицу. Мой глаз не уловил движения, но, похоже, что Михаил нанёс сокрушающий встречный удар. Потому что отлетевшее тело рухнуло мешком в лужу и не шевелилось. Третий приятель поверженных вытащил из кармана нож. На мгновение застыл с ним в руке в нерешительности. И тут же припустил куда-то бегом, сверкая пятками от страха.

Михаил отпихнул ботинком ноющего и булькающего собственной кровью врага, помог мне встать и преспокойно выпроводил на улицу. В то время как я пребывал в шоке, на лице моего нового знакомого покоилось безучастное выражение безразличия к происшедшему. Мне кажется, прибив комара, я был бы более эмоционален, нежели этот человек, мимоходом сделавший калеками двух крепких мужчин.

– Ты в порядке? – спросил меня Михаил.

Я отдышался и мог уже идти самостоятельно. Но возбуждение переполняло меня. Полученная травма не отзывалась болью только по причине того, что кровь моя бурлила и требовала объяснения случившемуся.

– Да. Но как ты это сделал?! Зачем? – я развёл руками, осыпаясь каплями дождя, но вовсе не чувствующий их.

– Не вижу здесь ничего особенного. Эта шваль должна быть благодарной мне за преподнесённый урок, – он окинул спокойным взглядом место боя и распластавшихся на нем неприятелей. – За необдуманные поступки следует отвечать. Они напали на тебя. Ты имел право на защиту. Что же тебя удивляет?

– Это же преступники! Они весь город держат. У них оружие и связи в полиции! Никак невозможно противостоять этому. Все привыкли!

Михаил бережно стёр с намокшей руки следы крови и сплюнул под ноги. – Ах, ты об этом...

Я обернулся к окнам закуской и увидел в них с десятков физиономий посетителей, взирающих изнутри на нас как на инопланетян, которым, впрочем, осталось недолго ходить по земле. У кассы наметилась очередь из людей, спешащих как можно скорее закрыть счёт и ретироваться подальше от этого места, пока ещё не поздно.

– Миша, – я схватил его за руку, – мы должны литься отсюда! И быстро.

Тот вопросительно взглянул на меня, и я в очередной раз поразился его невозмутимости.

– Знаю, что ты сильный здоровый мужик, но через несколько минут здесь будет пять, ... десять машин с вооружёнными людьми, которые изрешетят нас в душлаг! Это не шутка!

– Если хочешь, уходи. Меня изрядно разозлили твои рассуждения и я, пожалуй, встречу угрозу лицом к лицу, чтобы навести порядок в вашем трусливом городишке.

– Чёрта с два я пойду один! Ты мне обещал, что проводишь меня, помнишь? Или ты хочешь, чтобы по дороге мне оторвали голову? Это останется на твоей совести, между прочим.

Михаил оценивающе взирал мне в лицо и молчал. Моё сердце отстукивало не менее двухсот ударов в минуту. Лицо горело. А хмеля в голове будто бы и не бывало.

В намокшую одежду пробирался холодными иголками ветер. Серый свет сумерек стремительно шёл на убыль, сменяясь чернотой надвигающегося осеннего вечера. Фонари ещё не зажгли.

Я утёр капли дождя с лица. Где-то вдалеке раздался нервный клаксон машины.

– Нужно что-то решать, – я умоляюще поглядел на Михаила. – Не связывайся с ними. Подумай о себе. Что бы ни случилось – всё останется, как и есть сейчас. Ты не исправишь мир в одиночку. А помощи не дождёшься. Измельчал народ. И не наша в том вина... Пойдём! Давай сделаем это как можно быстрее. Обсохнем у меня в библиотеке, а дальше делай как знаешь.

Михаил оглянулся ещё раз на вход в закусочную. Оттуда, укрыв головы куртками, семенили люди. Затем положил тяжёлую руку на моё плечо: – Идём. Показывай дорогу.

Закрыв за нами дверь библиотеки, я погасил уличный плафон и заперся на два замка. В дороге я старался припомнить посетителей столовой, и не было ли среди них тех, кто мог знать меня лично. Показалось, что таких не видел, но полной уверенности не появилось. А значит, сохранялась вероятность того, что разозлённые бандиты запросто могли явиться сюда в поисках своих обидчиков.

Я провёл нового знакомого в дальний зал с книгами, окна которого выходили во двор, и только там зажёл свет. Остальные помещения оставил тёмными. «Здесь мы хотя бы сможем продержаться какое-то время, – подумал я. – Ещё в прошлом году город заменил мне дверь на новую металлическую, а на окнах сварили решётки. Поборемся!»

Благодаря холодным октябрьским ночам уже неделю как включили центральное отопление, и в библиотеке стало тепло и уютно. Я прикрыл дверь освещённого зала и усадил Михаила за своё рабочее место. А сам пошёл ставить чайник.

С зале стояли два стола для чтения. Четыре стула за ними. Стеллажи с книгами почти упирались в невысокий потолок. На подоконниках двух окон расположились горшки с эхинопсисами, фиалки и денежное дерево, за которым я особо ухаживал, хоть и не извлёк пока из этого причитающихся дивидендов.

Стены зала я перекрашивал ещё сам несколько лет назад. И планировал сделать это снова в ближайшее время, не только потому, что они покрылись царапинами и тёмными отметинами. Просто надоел салатный цвет. Душа просила обновления. В помещениях витал запах плесени и книжная пыль. И если я к тому давно привык, то редкому посетителю специфический аромат мог показаться навязчивым. Впрочем, слышал о том, что некоторым людям наоборот он очень нравится.

Я поставил своему гостю кружку горячего чая и сам присел за гостевой стол.

– Ну, вот и моё логово, – улыбнулся я.

Мы проговорили довольно долго. Михаил настаивал на том, что разобщённость обывателей, порождённая ленью и безразличием, загнала в угол лучшие качества личности русского человека. Возрос и стал нормой эгоизм, преследующий цель приумножить собственные пожитки любой ценой, не гнушаясь соседского добра, что не объединяло, а разобщало людей. Если общество и существовало, то давно распалось, а без него личности быть не может. Забытая добродетельная мораль уже не может служить её воспитанию. Предложенная современностью замена утраченной морали не выдерживает критики. Её тезисы так и не ожили на практике. Взять хотя бы сегодняшний пример...

Простым и доходчивым языком он разбил все мои доводы об обоснованности самосохранения под лозунгом «моя хата с краю, ничего не знаю». И в итоге, я напрочь растерял основы собственных убеждений под весомостью его смелых и мудрых изречений, возникших, казалось, из какой-то глубины веков.

Затем мы благополучно позабыли эту тему и болтали обо всём подряд. Я рассказал ему о нашем городе, который искренне любил, несмотря ни на что. Дал полистать свои рассказы. Показал редкие собрания сочинений молодой русской литературы девятнадцатого века, являвшиеся гордостью моей библиотеки. Поведал о своих хобби в коллекционировании. Одним словом, незаметно для себя, раскрылся перед человеком, знакомым мне всего-то несколько часов.

И лишь немного обидно было за то, что на все мои вопросы о жизни самого Михаила, он не желал отвечать прямо. А вежливо извинялся и старался отвести их в сторону. Но я не подавал виду, что тревожусь об этом. Миша мне сильно импонировал своей живостью и цельностью. Заподозрить его в подлости и преступных деяниях даже не приходило в голову.

Тем временем подступила ночь. Одежда наша просохла. И на том можно было бы разбежаться по разным сторонам, подведя черту под этим необычным днём. Однако, я ловил себя на мысли, что вовсе не хочу идти домой. Расставшись с Михаилом, идти придётся одному, а было всё-таки боязно. Остаться здесь одному было, пожалуй, ещё опаснее. И я полагал, что разрешение возникшей дилеммы зависело уже не только от меня.

– Ещё чай? – я поднялся на ноги и застыл, потирая руки, некоторым образом провоцируя на действие своего гостя.

Михаил мгновенно сообразил в чём дело и встал сам.

– Нет, нет. Достаточно на сегодня. Я засиделся и задерживаю тебя.

– Абсолютно не задерживаешь, – я возразил, однако не совсем убедительно. – Я, наверное, останусь ночевать здесь. Погода дрянная. А идти не близко.

– Всё равно. Мне тоже пора, – он стал одевать куртку.

– Тебе далеко?

- Ну, ... не очень, – Михаил слегка стушевался и отвернулся поправить одежду.
- Может, я тебе подскажу короткий путь, если не знаешь город? Какой адрес?
- Я найду. Не беспокойся.

– Как скажешь. Но просто хотелось помочь... Ты всё скрываешь от меня, – я неожиданно высказал крутившуюся в голове мысль.

Михаил, начавший было уже движение к двери, остановился. Повисла пауза. Затем он резко обернулся: – Прости, Алексей. Я действительно много от тебя скрываю. Знаю, что это не честно.

- Уверен, у тебя есть на то причины.

– Именно так. Есть. Но, понимаешь... Ты прав. Я чересчур увлёкся тайнами. В общем, нет у меня никакого дома и ночлега. Вчера я ночевал на вокзале. Теперь ты знаешь правду. Но это ничего не меняет.

Он развернулся и пошёл к двери.

– Пстой! – я нагнал его, – постой. Нет никакой необходимости уходить. Я в чём-то даже рад, что тебе некуда идти! Честное слово. Быть может, это выглядит глупо, но так у меня есть повод оставить тебя на ночь здесь.

Брови Михаила вопросительно приподнялись.

– Ты знаешь, что я опасаюсь... боюсь этих бандитов. Если ты останешься на ночь в библиотеке со мной, мне будет куда спокойнее. Места хватит.

Михаил не решался: – Ты уверен, что это не причинит тебе неудобств?

– О чём ты говоришь? Если я уж и сам... Нет никаких проблем! Захоти ты облапошить меня и наоборот, сделал бы своё дело уже давно. Никто не знает тебя, и никто не видел, как мы вошли в библиотеку. Да и потом, мне хочется тебе верить.

- Ты можешь верить.

Его выразительный взгляд, обращённый ко мне, подтверждал сказанное, почище всяких слов. Собственно, мне и не требовалось дополнительного убеждения, поскольку я уже для себя решил, что этому человеку не только можно, но и хочется довериться. Таких не часто встретишь. Каждое слово Михаила было сказано к месту, припечатано будто сургучом. Каждая мысль имела значение. Он великолепно владел собой, на зависть простому обывателю вроде меня. Не тратил лишних эмоций. Не заботился о произведенном впечатлении, не оценивал себя и не подстраивался под собеседника. Но если хочешь обрести такого друга, будь готов слышать о себе правду. И мне казалось, что я был готов.

Мы расположились на ночлег и затем встретили утро. Здесь не о чем рассказывать. Выпавшие на мою долю приключения, благополучно были исчерпаны прежним днем, о котором я и так довольно много помянул. Но, признаюсь, с той лишь целью, чтобы ввести читателя в обстоятельства моего знакомства с историей, о которой намереваюсь поведать. Ну и конечно, познакомить с её главным действующим лицом – Михаилом. Надеюсь, мне удалось хоть отчасти передать ощущения своего вдохновения этой выдающейся личностью. Это пригодились бы читателю наперёд, чтобы лучше представить себе произошедшие с героем романа перемены.

Я сдержал слово и свёл Михаила с одним из своих приятелей, который помог пристроить того на автокомбинат разнорабочим. Вся сложность состояла в том, что у моего нового товарища не было никаких документов о личности. То есть вообще никаких! Но мир не без добрых людей. Определив Мише значительно урезанный, по сравнению с той работой, что предполагалось выполнять, оклад, на отсутствие документов закрыли глаза.

Ночевать он приходил в библиотеку. Положа руку на сердце, признаюсь, я искренне рассчитывал, что Михаил совсем скоро определится с жильём. Ведь в случае внезапной проверки, мне хорошенько влетело бы за его визиты.

Мы по-прежнему болтали с ним по вечерам о жизни. И только ближе к полуночи я уходил спать домой. Раз Миша проговорился, что скучает по родному городу Златоусту. Уральский Златоуст я знал и довольно неплохо. Несколько раз бывал там, хоть и находится он в полтысячи верст от Соликамска. Поэтому я вцепился в Михаила, пока тот не признался.

– Я не хотел упоминать свою прежнюю жизнь. Не хочу, чтобы меня что-то связывало с ней. Только по этой причине не желал бы, чтобы кто-то мог это сделать за меня. Но уж коли проговорился, знай, что родился я в Уртюшке Кусинского района. Это недалеко от Златоуста. В город уехал в восемнадцать лет. Там и остался, выучившись, работать. За два дня до встречи с тобой я ездил в посёлок, а затем и в город. Видел мать..., – он потёр глаза, – небольшое изменилось. Она лишь постарела сильно. И боюсь, что я к тому оказался значительно сопричастен. Однако «таким» я не смог бы там остаться. Вот, пожалуй, и всё на этом. И дай слово, что услышанное тобой останется между нами.

Я дал слово. И только теперь его нарушил, но читатель вскоре поймёт почему.

Со дня нашего знакомства минул месяц. И вот, в один из дней, табу молчания моего друга пало. Это случилось в вечер пятницы.

Я сидел в библиотеке, отстукивая по клавиатуре очередной лист черновика своего нового романа. В нём уже поселилась личность, похожая на Мишу. Так велика оказалась сила воздействия его на меня.

Время от времени, я поглядывал на настенные часы, обеспокоенный задержкой товарища. В это время он обычно всегда возвращался. А как бы я ни старался, всё не мог выкинуть из головы тот инцидент с бандитами у закуской. Я до сих пор оглядывался в темноте, ожидая удара в спину. Поэтому беспокойство за друга тут же приобрело мрачные очертания разыгравшейся фантазии. Где поножовщина шла по цене одной сигареты.

Наконец, ближе к девяти вечера раздался звонок у двери. Я сорвался с места и бросился ко входу. Это оказался он.

– Чёрт побери, где ты пропадал?!

Михаил молча прошёл мимо меня и направился в освещённый зал библиотеки. Я хотел что-то сказать ему вдогонку, но, обескураженный его поведением, просто последовал за ним.

В светлом помещении я лучше рассмотрел Мишу, и беспокойство моё только усилилось. Нет, он был цел и невредим. Только вот привычная уверенность и блеск глаз слетели с него как листва под ветром ноября. Заметно бледным, ссутулившись как знак вопроса, он сел к стене и повесил голову на грудь.

– С тобой всё в порядке? – я положил ему руку на плечо.

– Не совсем, Лёш. Не согреешь чаю?

– Конечно, – я поставил чайник и набил ситечко его любимым Шен Пуэр.

Когда я вернулся с подносом, Миша уже перебрался за стол и сидел там, подпирая ладонями голову. Я оставил ему чай и ушёл к стеллажам расставлять книги, ожидая пока мой друг придёт в себя в знакомой обстановке. Спустя двадцать минут я вернулся.

Кружка была пуста, а Михаил гонял пальцем по столешнице пачку Мальборо.

– Не знал, что ты куришь, – удивился я.

– Когда-то я выкуривал по две таких пачки за день. И ещё несколько часов назад считал, что навсегда забыл, как это делается.

– Может, ты расскажешь, что всё-таки случилось?

– Ты не возражаешь, если я закурю?

– Ну, кури, что с тобой поделаться! Сегодня пятница. За выходные выветрится.

– Хорошо, – он чиркнул спичкой и на конце сигареты расцвели красные угольки. Сизый дым клубящимися вензелями потянулся к потолку и растянулся под ним едва заметным маревом. – Я хочу тебе рассказать о себе.

От неожиданности я растерялся.

– Закончи свои дела. Это будет долгая история.

Я наспех завершил работу компьютера. Занёс сведения о книгах в журнал. Заварил себе тот же чай и вскоре расположился с ним напротив Миши. За окном чернела пустота позднего ноябрьского вечера. Старая липа стучала обнажённой ветвью по стеклу, и скребла по нему словно костлявая рука бедного мытаря, забытого всеми в непогоду. Внутри же было хорошо и тепло.

– Я готов, – сигнализировал я другу, прихлебывая чай.

Михаил откинулся на спинку стула и заложил ногу за ногу: – Что ж, это будет долгая и необычная история, конец которой ещё не дописан. Рассказав тебе её всю, я уйду и больше мы с тобой никогда не увидимся.

Предваряя мои возражения, он поднял руку: – Не спорь со мной и старайся не перебивать. Я не жду, что ты поверишь мне. В мою историю так же сложно поверить, как и в счастливую жизнь. Но она правда от первого и до последнего слова. В этом порукой тебе моя честь, которой я очень дорожу.

Я хочу рассказать тебе всё, потому что ты умеешь слушать. Эту, казалось бы, незатейливую способность люди в твоём мире почти утратили. А ты хочешь оставаться человеком... Как я сказал, мне придётся оставить тебя. И не только тебя, но и эту реальность, которую ты, и окружающие, да и я сам именуем сегодняшним днем. Но на то мне дан знак, полученный сегодня. И чему я, признаться, несказанно рад, хоть и боюсь. Впрочем, обо всём по порядку.

Он достал ещё одну сигарету и закурил. Я терпеливо ждал продолжения, хотя уже готов был засыпать его вопросами.

– Алексей, моя история должна была остаться неизвестной ни тебе, ни кому бы то ни было ещё в этом мире. Однако, по моему возвращению, судьба свела нас с тобой не случайно. Через тебя я смог снова ощутить своё присутствие в мире машин и компьютерных технологий. Вспомнить и даже полюбить свою прежнюю жизнь. Твои слова о маме наполнили моё сердце болью от собственной жестокости и несправедливости к своей матери. О, как я хотел бы многое исправить!... Но, увы, это мне не под силу. Я решил открыться тебе, потому что ты сможешь потом записать и осмыслить мой путь. Может быть, мои некогда близкие люди прочтут и простят меня за всё, что я сделал дурного в жизни. А тем, кто поверит в мою историю, она чем-то послужит уроком. Одним словом, не сочти за труд превратиться на время в уши.

Я только пожал плечами: – Всё, что ты попросишь. Я могу записывать что-нибудь в тетрадь, пока буду слушать? Если ты хочешь, чтобы я потом это записал, так будет легче.

– Как считаешь нужным. Располагайся поудобнее. Итак... Как ты уже знаешь, я родился в поселке Уртюшка Челябинской области. Отец нас с матерью оставил, когда мне было всего шесть лет. Поэтому я его почти не помню. Зато хорошо помню маму. Её доброе сердце ни разу так и не позволило ей обвинить в своих трудностях отца. Она всегда находила объяснение любым дурным поступкам людей. Даже самым дурным.

Мама работала продавцом, и на отсутствие достатка нам было грех жаловаться. Она учила меня жизни. Собственным примером трудолюбия и ангельского терпения ко всем тяготам, свалившимся на её плечи. Я же рос обычным пареньком. Не шибко резвым. Где-то наверно даже увальнем. Учился при том неплохо. И подавал некие надежды.

Как и у любого мальчишки, у меня была детская мечта. Стать артистом цирка и колесить с ним по нашей огромной стране. Выходить на арену в свете софитов. Поражать собственным

искусством и видеть восторг в глазах публики. Чудесная мечта для сельского малого, верно? А всего-то стоило увидеть один лишь раз цирк вживую.

И кто знает, может, мечте суждено было бы сбыться, не помешай тому здоровье. В девять лет мне впервые диагностировали миопию – близорукость. На рубеже одиннадцати и двенадцати лет она стала почти в шесть диоптрий. Скажу проще, без очков с таким зрением я не смог бы отыскать и дверь в собственном доме.

С мечтами о каскадерских трюках под куполом цирка пришлось расстаться. Как и, по большому счету, вообще с активными играми. На смену им пришли книги. Про приключения и фантастические земли. Где так легко слиться мыслями с настоящими героями и даже примерить на себя их облик. В реальности же, будучи и без того от природы с излишним весом, я превращался в рыхлого подростка очкарика. Который избегал девчонок, не веря в возможность взаимности чувств.

Я слушал Михаила и не мог поверить, что он рассказывает о себе. Настолько не вязалось это с его нынешним образом крутого мужчины. Казалось, твёрдость и решительность характера приходит как раз из детства.

– Неужели ты говоришь правду? Я представляю тебя совсем другим! – прервал я рассказчика, не удержавшись.

– Отнюдь, нет. Я был именно таким. И наберись терпения, Алексей. Если ты не веришь таким обыденным обстоятельствам, тебе ни за что не справиться с моей главной историей. А ведь к этому я и веду. Моя жизнь на этом свете – лишь прелюдия. Тебе нужно помнить то, о чем я сказал прежде: здесь всё правда от начала и до конца. Ты готов слушать дальше?

Я согласно кивнул.

– Хорошо. Так вот... Отшумели школьные года и с маминым напутствием я отправился в Златоуст поступать в Челябинский государственный технический университет (бывший политех). Я был прекрасно начитан и эрудирован. В пику физической неполноценности тела, мой мозг был мобилен, силен и внушал надежды на успешную научную карьеру. Подтверждением чему и явились пять блестящих лет в постижении гранита науки и красный диплом выпускника машиностроительного факультета. Жаль лишь, что в эпоху перехода от советских ценностей к тотальному нигилизму, моё материальное положение оставляло желать лучшего. И мне всё чаще требовалось отказываться от любимой работы в пользу путей обретения заветных монет в кармане. В остальном же, жизнь виделась мне в радужном свете будущих свершений на благо моих земляков.

Я поступил на службу инженером Златоустовского машиностроительного завода и продолжал там работать до того самого дня. Дня, с которого перевернулась вся моя жизнь. Это случилось двадцать пятого мая 2007 года. За месяц до летнего солнцестояния и самой короткой ночи года. Накануне дня празднования Ивана Купалы...

С этого момента ваш покорный слуга прервётся. Цитировать рассказ Михаила выше моих скромных способностей. Я представлю вам, дорогие читатели, его целиком ниже как повествование от третьего лица. Весь его ход и обилие действующих лиц предопределяет такой мой выбор. Впрочем, судить об итогах изложения вам. Отправляйтесь с богом в неведомый край и не пытайтесь сверять истину. Может, где-то Михаил и ошибся в деталях. Может, что-то приукрасил и я. Вы легко найдёте некоторые свидетельства написанному в истории наших мест, в донёсшихся, как думают, невесть откуда преданиях и верованиях русского народа. Я же всего-навсего стенограф того, кто поручился светлой головою за правдивость этой истории. А что увидите в ней вы, решать вам. Итак...

Глава 1.

Переход.

Михаил Жаров, инженер машиностроительного завода города Златоуста Челябинской области, возрастом немногим менее тридцати лет, следовал вдоль проспекта Мира к улице Грибоедова. Оттуда до его дома было рукой подать.

Стояла замечательная для Златоуста ясная погода. Пригревало солнце и приятно пощипывало жаром лицо. Ветра почти не было. Виднеющиеся поодаль горы отливали яркой зеленью свежей поросли. Раскинули широкие объятия, приглашая устроиться в них созерцателем природного великолепия.

Пятничное настроение витало в воздухе города под невидимой сенью, раскинутой Бахусом и Купидоном. Щекотало нос чем-то приятным. Его вбирали в себя грудью молодые девчонки, смех которых ярко резонировал среди стен домов. Дополнял к пятничному букету столь нужные компоненты. Уличные киоски заманивали соблазнительными рисунками мороженого.

Михаил прогуливался не спеша. В наплечной сумке болтались приобретённые им на неделе шеллак, ацетат целлюлозы, медный купорос и анилиновые краски. Части ингредиентов, которые понадобятся ему сегодня для обработки буковых тарелок под рисунок и покрытие их лаком. Михаил давно и всерьёз увлекся резьбой по дереву. После работы на заводе его досуг сосредотачивался дома у широкой столешницы с тисками, стамесками, ножами и резцами самых изысканных форм. Мужчина отдавался этому делу с любовью и со свойственным ей вниманием. После изготовления поделки следовали необходимые сушка, обработка и отделка орнамента. Самые, что ни на есть обожаемые им этапы. Как раз сегодня он планировал начать вязь каёмки изделия, что наполняло Михаила ощущением цельности и пользы предстоящих выходных дней.

Обнаружив на пути к дому свободную лавочку, Михаил присел, закурил сигарету и обжегал мысленным взором домашнюю мастерскую, припоминая, все ли материалы имеются у него в наличии. Обстоятельность была ключом к сохранению непрерывности будущего удовольствия от творчества. Итак: сандарак, этиловый спирт, купорос... Инвентаризацию неожиданно прервала кошка, назойливо трущаяся о его левую штанину.

Михаил любил животных, но сейчас по его расчётам кошка казалась совершенно неуместной. Он строго посмотрел на неё и даже погрозил пальцем. Но пушистое существо не поддало и виду, что замечание относится к ней. Кошка выгнула спину и, напротив, бесцеремонно расширила свою территорию до правой штанины Михаила. Тогда тот подчёрпнул ногой под её брюшком и отбросил животное на метр в сторону. Одна из её лап угодила на лежащую обертку и съехала в сторону. Кошка недовольно подала голос.

Терпентин, сажа... – продолжил счёт молодой инженер. Однако незваная гостья и не думала отступаться от него. Она снова нырнула к Мише в ноги и стала тереться о них, казалось, с удвоенным рвением.

– Чёрте что! – в сердцах бросил мужчина. Поправил на носу очки с толстыми линзами и, сокрушённо кряхтя, встал. Движения его были скованны лишним весом, уместившимся в обтянутый рубашкой живот. Тот, разделяя недовольство хозяина, колыхнулся и снова устроился над ремнём штанов. Миша давно помышлял об утренней физкультуре, но слишком трепетно относился к минутам утреннего сна. «Когда-нибудь, – обещал он себе, – я займусь диетой и самбо». Но сам в это верил не больше, чем в скорое пришествие пророка на землю. Он был агностиком от науки, чем время от времени даже бравировал в беседе.

Сочтя поединок с кошкой завершённым, Михаил направил стопы к дому. Солнце глядело ему в тыл и играло лучами на облысевшем затылке. Он ступил было к пешеходной зебре проезжей части, отделявшей его от родного микрорайона, когда пресловутая кошка вновь бросилась ему под ноги. Удивительным образом, Михаил не клюнул носом асфальт. Он устоял на

конечностях и, прижав к пузу самое дорогое, что имел при себе – сумку с лаком и красками – впечатался плечом в фонарный столб. Взметнувшаяся со столба ворона обматерила неустойчивого инженера и упорхнула в неизвестном направлении.

– Ну, знаете ли! – негодуя, воскликнул Миша, выравнивая собственное положение.

Кошка меж тем вызывающе смотрела на мужчину и громко мяукала. Затем она отбежала на пару метров в сторону от дороги, обернулась к Михаилу и вновь стала кричать во всё горло.

Обескураженный инженер оправил одежду и задал давно назревший у него вопрос: – Что вам от меня надо?

Кошка прыгнула к нему назад, заставив Михаила отступить в защитную позу, но затем снова отбежала на несколько метров. Она повернулась и стала мяукать, словно подзывая его к себе. Михаил застыл в нерешительности. Он верил в теорию Дарвина и допускал у животных наличие разума, но вступать с ними в диалог считал преждевременным не только для своей истории, но и для истории человечества в целом. Тем не менее, животное повторило маневр и вновь, отойдя на расстояние, неожиданно подняло лапку, подманивая к себе мужчину.

Михаил открыл рот и выдохнул: – Это поразительно!

Заинтригованный он всё же пошёл в направлении кошки. Та бежала вперёд, то и дело, оглядываясь и мяукая, одобряя действия человека, если тот не отклонялся от заданного курса. А тот действительно шёл за ней следом в состоянии близком к гипнозу. Внутренне, разумеется, с этим, то и дело, не соглашаясь и даже подумывая о том, чтобы остановиться. Но разбуженное любопытство не позволяло, и Михаил отдавался во власть ему, а не рациональности.

Шаг за шагом странная парочка добралась до тупика дороги, за которым простирался гаражный мегаполис. Союз металлических стен, словно панцирь защитного гарнизона вцепился в землю длинной, уходящей к горизонту, полосой. Эти места считались одной из окраин города. Далее Златоуст на природу уже не наступал, и та зеленела борщевиком и полынью в том порядке, в котором избрала для себя нужным.

Кошка перебежала насыпную дорогу из щебня и остановилась у густых зарослей кустов. Подойдя следом, мужчина удовлетворённо крякнул: – Малина! И как много!

Он встал вплотную к кустарнику и вопросительно посмотрел на животное: – Что, мол, далее? Песню спеть?

Кошка в ответ мяукнула и уставилась в глаза Михаилу. На сей раз он не отвернулся от странного общения, а поддался ему как естественному. Перекинув друг к другу незримый мост, глаза молчаливых собеседников словно поползли навстречу. Миша видел, как зрачки животного расширились и с каждой секундой становились всё ярче, пока не накалились оранжевым свечением, поглотившим для мужчины иные цвета. Кошка зашипела, и её шерсть приподнялась, отчего животное сделалось больше. Миша невольно поддался вперёд. Однако, спустя мгновение, глаза кошки погасли. Будто её отключили от розетки. Став вполне заурядным животным, она неспешно залезла в кусты, лишь махнув на прощание хвостом, и исчезла.

Михаил приподнял очки и потёр пальцами глаза: – Привидится тоже. Бред, какой-то!

Он раздвинул ладонями колючие ветки и удостоверился в том, что кошка пропала. Собравшись было уже уходить, Михаил обратил внимание на обилие на кустах зрелой крупной малины. Вроде рановато, – подумал он и, сорвав ближнюю ягоду, засунул ту в рот. Сладкая какая! – он потянулся было за следующей ягодой, как наступила темнота.

Очнулся Михаил, сидя на заду и прижимая к груди голые колени. Пристроившуюся на глазах пелену сна разгонял, падающий на лицо, яркий солнечный свет. Мужчина прижал пальцы к глазам и помассировал их. Взгляд не стал чётче, но и того было достаточно, чтобы удостовериться в том, что он находится в совершенно неожиданной обстановке. Михаил вер-

нулся мыслями к последней сцене, что разыгралась в его жизни. Окраина города. Кошка. Где это треклятое создание? И где же он сам?

Миша осмотрелся. Впереди была поляна. Яркие-зеленые пятна кружили хороводом перед ним, ниспадая поодаль с уступа. Холм? Мужчина ошупал руками ближайшее окружение. Он сидел, прислонившись спиной к дереву. На земле. И абсолютно голый.

Верный спутник всей его сознательной жизни – очки исчезли также. Этим объяснялись туманные очертания мира и скрытые его мелкие детали. Первой возникла паническая мысль: лишиться глаз – куда хуже, чем трусов! Это катастрофа! Однако, успокоившись, Михаил признался себе, что положение оказалось вовсе не безнадежным. Даже несмотря на отсутствие очков, он видел. И надо признать, довольно сносно. Чего не мог припомнить, начиная с десятилетнего возраста. Вот почему он не сразу понял, что очки пропали. А ведь случись такое прежде – он не разглядел бы и собственных пальцев.

Щурясь, Миша вновь осмотрелся вокруг, что называется, с пристрастием. Какого же оказалось его удивление, когда он разглядел в десятке метров перед собой маленькую девочку. Та сидела на корточках и без всякого стыда смотрела на Михаила в ответ. Девочке было около семи-восьми лет. Её худенькое тело укрывал сарафан не по размеру, а в уголке рта без всякой цели покачивалась травинка. Обрамлённое завязанным под шеей платком, лицо ребенка оставалось почти безучастным к мужчине. Будто лес был усыпан голыми мужчинами, и тот экземпляр, что обнаружился ей теперь, оказался вполне себе заурядным. Миша представил собственный рисунок на развороте школьного учебника девочки с подписью: «мужчина обнаженный, обыкновенный». Невесёлая улыбка едва подёрнула уголки его рта. Какого чёрта я здесь делаю? – подумал он вновь и решил, что пора действовать.

– Эй, девочка! – крикнул Михаил, пытаясь встать и стыдливо прикрывая собственное хозяйство щитком из ладоней. – Ты не могла бы отвернуться? Я не совсем, так сказать, в порядке.

Та не шевельнулась. Миша почувствовал, как за ягодицу его кто-то укусил. Муравей, паршивец! – мелькнуло у него в мозгу, после чего он отвесил сам себе шлепок по месту укуса. В тишине леса зазвучал эхом сочный звук удара о голую кожу.

– Послушай, милый ребенок, одолжи, пожалуйста, мне свой платок. Обещаю, это на время. Со мной приключилась... как бы это сказать, нехорошая история. Я сейчас всё исправлю и верну тебе такой же новый. Даже два! Только не думай ничего плохого.

Михаил начал маленькими шажочками переступать по ковру из сосновых иголок и мелких веток, приближаясь к девочке. Тут же у него под пяткой оказалась острокрылая шишка и, потеряв равновесие, мужчина упал на землю. Руки пришлось расставить при падении. В ответ на что раздался звонкий смех ребенка. Она тут же вскочила, одним движением распустила узелок платка и кинула его в сторону распластавшегося по соседству Миши.

Мужчина пополз к спасительной материи на карачках, а девочка развернулась и побежала в сторону простирившегося невдалеке зелёного поля. Михаил ухватил платок и спешно прикрылся им. Фигурка девчонки скрылась за склоном. Затем появилась снова, уже в миниатюрном размере, и вскоре исчезла из поля зрения окончательно.

Прикрыв срам, Михаил почувствовал себя куда увереннее. Вот что сотворило из первобытного человека будущего покорителя космоса! Предметы гардероба, – сделал мужчина глубокомысленный вывод и поднялся в полный рост. Он вновь окинул взглядом обстановку. За спиной разлапил могучие ветви дуб. Дуги его толстых корней вспучили землю у ног Миши. Подле него я и сидел, – заключил он. Вокруг шевелил листвой смешанный лес без всякого намека на соседство урбанизации. Отсутствовали присущие паркам урны и лавочки, даже тропинки. Лес кряхтел высохшими под солнцем стволами и делился голосами многочисленных птиц. Рождённый сам в окружении природы, Михаил хорошо был знаком с тем, что может

таить в себе непуганый человеком лес. Пора было убираться отсюда. Что бы его в эти места не привело, тут он из гостя запросто может превратиться в жертву.

Миша соорудил из платка некое подобие набедренной повязки. Затем, не торопясь, пошёл в направлении, в котором убежала свидетельница его бесчестия. Перед нечётким взором Миши стелилось широкое поле, посреди которого островками возвышались малые группы деревьев. Слева за горизонт уходила тёмная стена леса. А за полем нетрудно было угадать мохнатые кроны сосновой рощи. Живописные места, хорошие, – отметил мужчина.

С каждым шагом городские пятки Миши привыкали к неровностям земли, и вскоре он заметил, что идти босиком было не так уж и сложно. Главное не задевать узловатых корней деревьев и не наступать на встречающиеся камни. Подхватив по пути крепкую палку, Миша воспользовался ею в качестве посоха, что существенно облегчило ходьбу.

Спустившись с пригорка к полю, он заметил едва наметанную среди высокой травы тропку и пошёл по ней. Страшно хотелось пить. Миша выдёргивал из земли встречающийся клевер и жевал его розоватые головки, втягивая сладковатый нектар. Пока не встретилась вода – можно перебиться и этим.

Солнце находилось в зените и обжигало горячими лучами обрюзгшее тело мужчины. По его ощущениям температура воздуха достигала не менее тридцати градусов, что в родном Златоусте, если и встречалось, то крайне редко. Кожа Михаила не привыкла к таким нагрузкам, и он отдавал себе отчет, что на открытом пространстве скоро изрядно поджарится. Однако укрыться было по-прежнему нечем. Единственный предмет его туалета уместился на месте фигового листа Адама, что в голове мужчины породило ряд ассоциаций с первым человеком на земле. Но Миша всё же не сомневался, что свалившиеся трудности временны. Есть почта, наложенный платёж, быстрый потребительский заём, иные способы добычи денег. Он всё организует. Найдёт штаны и затем разберётся в происшедшем со всем пристрастием.

Позади осталась добрая половина поля. Мужчина тяжело вздыхал и обливался потом. Несмотря на факт безвестности своего местоположения, он не находил причин чувствовать себя в опасности. Пожалуй, его беспокоили только вероятные змеи в траве и уже упомянутая жара. Михаил верил, что скоро он найдёт людей, а с ними и объяснение происшедшему.

За соснами, к которым он успел тем временем доковылять, ему показался поднимающийся в небо дымок. Мужчина чуть прибавил шаг и удивился сам себе, откуда ещё берутся силы. Ранее в привычных обстоятельствах подобный переход его бы уже запросто доконал. Более того, оглядывая, нависающий над платком живот, Михаил с удивлением отмечал, что тот будто бы стал меньше.

Сквозь редкую рощу Миша разглядел бревенчатый дом. Он осторожно пошёл между деревьями, обдумывая как бы выгоднее обставить своё появление голышом перед людьми. Как на зло, на протяжении всего пути ему так и не посчастливилось встретить пакета, или листа картона, которыми можно было укрыться и которые в других обстоятельствах всегда валялись без надобности. От безысходности Михаил стал срывать крупные листья папоротника, рассчитывая соорудить из них некое подобие юбки и спрятать собственный зад.

Находясь вблизи постройки, обнесённой плетёной изгородью, мужчина разглядел, что это не дом, а скорей гумно. Ладно поставленное и крытое сушёной соломой. Жилой дом отстоял от него метрах в двадцати позади. Отличный земельный надел! – отметил про себя Миша и пошёл вокруг, пригибаясь. За первым домом виднелись другие. Заслоняя друг друга, они взбирались ступенями на пологий холм метрах в трёхстах впереди. Утопающие в зелени плодовых деревьев и кустарника. Похоже, что деревня была большой. Значит, и дорога близко.

Мужчина перемахнул через изгородь и подобрался к гумну вплотную. Земля под ногами была почти горячей от солнца. Сухие трава и навоз от ходившей по двору скотины, липли к пяткам. Нос щекотал резкий запах прелого сена и дерева. Со стороны дома доносился запах дыма и скотного двора. Слышалось кудактанье кур. Всё в этом хозяйстве выглядело на загля-

день ладным, скроенным благодаря заботе умелых рук. Михаил стал аккуратно пробираться вдоль стены в поисках дверей внутрь. В надежде отыскать тряпьё, он готов был пренебречь законом о неприкосновенности чужого жилища.

Прокравшись по южной стороне строения, мужчина нырнул в приоткрытые ворота из выгоревших на солнце серых досок. После яркого света полутьма гумна ослепила и рассыпалась по глазам яркими кругами. Михаил стал крутить головой, пока не отыскал небольшое чердачное окно под самым сводом крыши. Скучный свет позволил ему, и без того малозрячему, слегка адаптироваться к новой реальности. В метре от мужчины показались очертания похожего на небольшой овин сооружения с торчащими из него металлическими прутьями. Михаил возблагодарил небеса, что сразу не ринулся вперёд в темноте, представив собственный живот, насаженный на прутья как на гигантскую вилку.

Он прошел ближе к освещаемой из окна территории сарая и, совсем некстати, по пути громыхнул ногой по незамеченной металлической посудине. Разнёсшийся звук отразился набатом в пустующем гумне так, что Михаил от страха прижал к ушам потные ладони.

– Матерь божья, – вымолвил он, и продолжил двигаться мелкими шажочками.

На одном из торчавших в стене крючьев он заметил нечто похожее на грубую рабочую робу. То, что нужно! Мужчина осмелел и прибавил шагу. Он остановился рядом со стеной. Не придерживая больше на поясе собственный туалет, потянулся обеими руками к накидке. В этот момент Миша услышал, словно со стороны, глухой стук по собственной голове. Лишь на миг он успел оценить щедрую силу удара. Затем в голове что-то щёлкнуло, будто тумблер. А после мир погас.

Сквозь веки к нему лез голубоватый свет. Назойливо и недружелюбно. С трудом, будто увешанные свинцом жалюзи, Михаил приоткрыл глаза и, ослеплённый ярким солнцем, закрыл их снова. Некто тряхнул его за плечо, отчего качнувшаяся голова рассыпалась на молекулы боли. Мир вздрогнул термоядерной вспышкой, и Миша успел подумать, что с тем, как выглядит конец света, он уже познакомился. Он чуть не провалился назад в бессознательное, однако, острая боль улеглась, и к мужчине шаг за шагом стала возвращаться память.

– Боже, боже, боже... – застонал он и потянулся руками к голове.

Но ничего не вышло. Михаил ощутил руки, связанными в запястьях за спиной. Этого было явно перебором. Руки он мнил одними из главнейших своих товарищей и, лишившись их поддержки, заметно расстроился. Ещё больше повергли его в печаль связанные ноги. Пускай те не всегда были безупречны, однако вполне сносно справлялись с перемещением Миши в пространстве. Он вправе был на них рассчитывать и впредь. Так какого же чёрта это не так?

Миша насилу открыл глаза целиком. Он сидел, прислонившись спиной к шершавой стене деревянной постройки. В предплечьях и на левой лопатке мужчины уже ощущались занозы. Под задом уместился значительный по размерам камень или комок земли. Вкупе с полученным сотрясением мозга и связанными конечностями всё это довершало картину довольно паршивого положения Михаила.

Напротив него встали двое рослых мужчин с загорелыми физиономиями и молча наблюдали за пленником. В недружелюбных выражениях их лиц Миша не разглядел ничего хорошего для себя. Напротив, от этих крепко сложенных, с большими как зрелые огурцы пальцами, мужчин веяло серьёзными неприятностями. Похоже, что они не были сторонниками умиротворяющих бесед, а больше привыкли к действиям. Ладони мужчин были грязны и не ухожены, что случается с теми, кто постоянно работает на земле. Чтобы взывать к их совести, надо было встать с ними на один уровень не только навыков, но и силы, что Мише было недоступно.

Созерцатели были облачены в потёртые и заляпанные косоворотки. У одного из них та оказалась подобрана кушаком, у другого свисала спущенным парусом над шароварами. Михаил отметил, что его собственные гениталии, к счастью, были прикрыты холщовой тряпкой. И на том спасибо.

– Что происходит? – задал он вполне уместный вопрос.

Один из сторожей, что был повыше ростом и чьё лицо украшал поперечный шрам на лбу, ухмыльнулся: – Надо же? Ещё спрашивает! Это ты мне скажи, какого рожна здесь делаешь? Откуда ты взялся такой голозадый?

– Это недоразумение. И я постараюсь его объяснить. Я здесь оказался по ошибке. Мой вид, он... А эта кошка...

Второй верзила от нестройных слов пленника поморщился и нагнулся к его лицу настолько, что ноздри Миши обдало ароматом кислых щей изо его рта: – Хватит! Ты влез в чужой дом и пытался стащить мои вещи! За это я не прощаю. Ясно? Не захочешь признать вину – я быстро с тебя спущу шкуру. У нас с этим так разбираются. Мне тряпья не жалко. Но с ворами я по совести. И ты тоже ответишь.

Незнакомец сперва погрозил Михаилу пальцем, а затем отвесил такую затрещину, что в голове пленника пожар вспыхнул вновь, будто в топку бросили лопату отборного угля. Резануло так, что весь мир на глазах зашёлся всполохами, а следом закружился юлой. К горлу подскочил желудок, и лишь чудом Михаил удержался от рвоты. Он захрипел и втянул воздух сквозь сжатые зубы.

Тем временем, не волнуясь о том, что усугубляют его положение, двое мучителей подхватили под руки Мишино тело и рывком поставили на ноги.

– Режь пути Проп! Не сбежит. Вижу его жалкие мысли насквозь. Пускай сам топают. К сечному столбу его! Всыпят палок сколько положено, будет умнее. Не хочу его тут терпеть! – кивнул товарищу главный обидчик Михаила, что был со шрамом.

Проп выдернул из-за спины тесак и резко полоснул им по веревке, стягивающей Мишины ноги. Затем бережно смотал её у собственного локтя, махнул ножом ещё раз, уже перед глазами Миши, и спрятал его в прежнем месте: – Видал такой? Нарезал бы с твоей спины кожицы, да кровь не люблю. Проще кулаком.

– Да что же это, товарищи? Всего-то влез... – Миша попытался защититься.

– А ну пошёл! – Проп толкнул его меж лопаток. – И спрячь язык за зубами покрепче. Иначе отхвачу целиком.

И процессия двинулась вверх по деревне, следуя по вытоптанной промеж широкой колеи дороге. Уступая людям место, в траву сиганули кузнечики, и вспорхнули прочь воробьи. Михаил полагал, что ходьба облегчит его страдания и избавит от тупой ноющей боли в затылке. Движение действительно обладало поразительным лечебным эффектом. Впрочем, не в этот раз. Вопреки собственному бахвальству, конвоиры не разглядели и не даже не думали глядеть на Мишины желания, единственным из которых было остаться в покое. Вместо этого его то и дело подталкивали в спину, сбивая с шагу и не позволяя стихнуть боли. Михаил обдирали ступни о мелкий щебень, цеплялся пальцами за неровности пути и, скрипя зубами, шёл дальше.

Из-за оград домохозяйств выглядывали любопытные и обращались к Пропу и Алексе (так звали второго мужчину) с вопросами. Процессия пробудила живой интерес в деревне, и весть о ней убежала на резвых ногах местной ребятни далеко вперёд. В результате люди уже встречали понуро бредущего Михаила у дороги и пристраивались за ним следом, образуя, гудящий разговорами, хвост.

Миша вздыхал и топал по земле, надеясь лишь на то, что этот позор вот-вот кончится. Он выслушает общественные нравоучения, а может даже будет передан на руки полиции. В конце концов, следовало признать, что он действительно покушался на кражу. Пускай даже тряпья,

но формально он был преступником. Михаил почти приготовил оправдательную речь о вынудивших его обстоятельствах. Ведь он действовал по принуждению, а не наживы ради. Неужели это не имеет значения? Нет-нет. Это должно возыметь нужный эффект. Следует избежать сигнала о позоре на работу. Это будет слишком. Он убедит администрацию и органы правопорядка. Возможно, даже получит ссуду на билет до города. Он справится.

Но как же долго они идут! – размышлял Миша, почти не замечая собравшихся вокруг него людей. – И, что это вообще за архаичное место с обилием языческих атрибутов на фасадах домов? Этнодеревня из туристического маршрута? Натурально, слов нет. И одежда, и запах. Извращенцы чертовы... Но, уж коли, туризм – где билетный киоск и привычные указатели? Кто вообще в такую дыру добровольно поедет?! А что, если я потом отзыв оставлю об их поведении? Ничего ведь не боятся. Вот нарочно растроблю всему свету, чтоб не совались к этим любителям истории! Дилетанты... Налепили тут. И где так жили то?

Миша гневно бурчал про себя, распиная на чём свет стоит местное население, вместе с тем, признавая, что место, где он оказался, являлось превосходной базой для исследования славянской истории. Развернувшаяся пред ним, деревня была чуть ли не образцовым памятником, перенесённым со страниц исторических книг в ландшафт не тронутой цивилизацией природы. Люди действительно вели хозяйства, а не содержали показушный антураж. У каждого из хозяйств обитала скотина, что разливалась многоголосьем в напоённом ароматами её пота и отходов воздухе. Вышагивающие подле сточных канав гуси, тянули любопытные головы, а куры важно раздували оперение. Вовсе не дрессированные, а естественные уроженцы села. Привязанная у угла покосившегося амбара коза опустошённо взирала на Мишу и сопровождавшую его толпу. Без всякого сострадания. Когда-нибудь и ты пойдёшь на убой, – озлобился на неё Михаил.

Рукодельная обувь, рубахи из грубой ткани, длиннополые сарафаны девушек и женщин, рабочие рубища. Во всё это безобразие были облачены жители окружающего Мишу мирка, что вызывало у него лишь раздражение. Серые, не отбеленные ткани. Простецкие. Никаким фабричным продуктом здесь и не пахло. Также как и иной, прочно вошедшей в жизнь людей химией. Мужичко-бабий дух заменил её всю. Неужели туризм нынче совсем не прибыльный? – упивался сарказмом Михаил.

Никаких следов индустриализации, за которую в СССР было отдано столько усилий. Даже утварь самодельная. Всё кованное в единичном экземпляре. В избах, собранных из клетей, виднелись слюдяные окна, а не стекло. А где и просто волоковые растяжки с задвижкой. Фундамент домов лежал на земле, обмазанный дёгтем. Подпорки из дуба. Однако, всё продумано, в большинстве своём ухожено. Фасады чистые, не гнилые. Многие украшены резьбой по наличникам, либо наверху в подзорах гонтовых кровель. Это могли разглядеть и подслеповатые Мишины глаза. Сходство со стариной почти идеальное. Казалось, вот-вот зазвучит в закоулках серебряный звук гуслей, да ухнет следом молодецкий бас. Впрочем, обстоятельства, в которых мужчина вынужден был давать оценку окружающему, предопределяли её крайне негативную окраску.

Шаг за шагом Михаил поднимался на возвышенность, которая, судя по всему, являлась центром поселения. Осматриваясь по сторонам, он отмечал, замостившие открывшуюся его взгляду низину, крыши домов. Не менее сотни домов.

Ноги мужчины были уже сбиты в кровь, к которой припеклись пыль и сосновые иголки. Впереди без усталости прыгала детвора, хохоча и тыча в Мишу пальцами. А ведь он действительно чудной для них. Совсем не такой как они. Со стрижкой, с ухоженной белой кожей. Будто декоративный экземпляр *Homo sapiens*. Это не здесь музей, а он сам для них ходячая экспозиция. Вы ещё мой компьютер не видали, дикари! – хотел он сказать несносным деткам, да смолчал.

Миша не был набожным человеком. Хотя не слыл и атеистом. Как он сам рассуждал: «веровал во что-то своё». Но в эти минуты ему представился Христос, тащивший на себе крест

к Голгофе. Что-то подсказало Мише о своём сходстве с сыном божьим и его последним путём в Иерусалиме. Только вот за что мог страдать он сам, Михаил никак не мог придумать. Не за рабочую же робу?!

В душе он надеялся исключительно на скорое окончание этого унижительного спектакля, после чего рассчитывал отправиться домой, где, вне всяких сомнений, подготовится к ответному удару.

А вот, похоже, и развязка, – подумал мужчина, когда его сопроводили на вытоптанную землю площади и подвели к высокому оструганному столбу толщиной с полметра. Из столба торчал тёмный металл кольца. Под гомон толпы Проп привязал к нему Мишины руки, а затем отошёл прочь, оценивать проделанную работу на расстоянии. Прежде он, правда, проверил прочность узла, дернув за верёвку так, что в запястьях пленника безжалостно врезались острые путы. Тот взвыл, что вызвало на заросшем пегой бородой лице Пропа лишь улыбку.

Миша сел на землю. Стянувший руки узел не позволил лечь. Но и эта смена положения стала несказанным облегчением после мучительного шествия. Люди продолжали прибывать на площадь. Простоволосые крестьяне, бросившие работу ради развлечения. Кто-то, наверное, даже вернулся с поля. Жители шли не только пешком, но и подъезжали верхом, привязывая коней к длинной балке с краю площади. Ожидаемое действие выглядело как праздник. Миша слышал смех и гомон. Неужели будет весело? Жаль, Михаил не мог разделить с толпой их чувства. Его взгляд то и дело возвращался к столбу и кольцу собственной привязи. Особенно к средней части столба желто-бурого цвета страданий. Сейчас был тот случай, когда Миша корил себя за особо развитое воображение, рисующее ему образы несчастных, истекающих кровью и обнимающих позорный столб. Столб, впитавший в себя их боль, что не смыли и не смоют дожди. Словно сошедший со страниц книг древний реквизит инквизиции.

Наконец, когда Мишины конечности отекали до того состояния, что он почти перестал их чувствовать, раздался голос Алексы. Именно ему на правах обиженного была предоставлена честь прилюдно высечь пойманную жертву и преподнести тем самым урок всем стяжателям на свете. И именно об этом он и стал кричать, чуть ли не фальцетом надрывая глотку. Призывая собравшихся разделить с ним собственное негодование.

Когда увлекшийся ораторством Алекса представлял Мишу совсем уж безнадежным существом, тот решился возразить и обратился с открытым ртом к слушателям. Но из слипшейся от жажды и пыли гортани раздался только хрип. Пока пленник пережёвывал завязшие слова и прочищал трахею, обвинитель сблизился и воткнул в живот Миши кулак, отчего тот зашёлся сухим кашлем.

– Прикончи уже скорей, сволочь, – прошипел едва заметно мужчина, скорчившись от боли.

Словно услышав его, Алекса сразу перешел в эндшпиль: – После того, что этот самозванец устроил в моём доме, прошу дать мне право набить ему дюжину палок! Клянусь, и того будет мало. Но это хотя бы запомнится.

Ух ты! Вот оно что. Это не вольная расправа. Значит, есть и судья, что может запретить это? – надежда зашевелилась в Мишиной душе.

Он сузил веки для пущей четкости и попытался разглядеть среди собравшихся наделённых властью людей. На судейские мантии он не надеялся, но атрибуты силы должны выделяться. Так было во все времена. Хочешь судить – докажи право. Ему казалось, что на сегодня произвола было и так довольно.

Размытые близорукостью очертания лиц, липнувших друг к другу словно пчелиные соты, были слишком похожи. На большом расстоянии, как ни старался, Миша не различал их особенностей. Вниз по его запястью, прорубая берега среди толстого налёта пыли, побежала струйка крови. Руки, как и всё тело, ныли от саднящей боли. Окружающее его, эти нечёсанные головы простолюдинов, обутых бог знает во что, бегающие по земле меж ног курицы, оскалы деревян-

ных заборов вокруг изб, всё это его невыносимо раздражало. До того, что хотелось вывернуть землю наизнанку, чтобы по привычному асфальту побежали родные машины, а их выхлопные газы утопили вонь домашнего скота. Чтобы, громоздясь друг на друга, в небо полезли окна многоэтажек, а горизонт за клубился дымом труб котельных.

Миша замычал, забирая тоном всё выше и выше. Словно раскручивающаяся на оси центрифуга. Он замотал головой, разгоняя внутри взрывоопасную смесь, и только после этого его голос прорвался наружу, словно вырвавшееся из горлышка шампанское: – Хватит! Хватит, я сказал! Перестаньте это всё! Так нельзя! – он прокричал и застыл в воцарившейся после того тишине.

Толпа воззрилась на пленника с удивлением. Можно было расслышать шелест ветра в листве и пикирующих рядом мух. Мужчина развернул плечи.

– Что вы, чёрт возьми, делаете? За что вы судите меня?... За то, что я взял тряпьё? Какое-то жалкое тряпьё? Разве не видите, что у меня ничего нет своего. Вообще ничего. Я пришёл к дому этого, – Миша кивнул на Алексу, – голым! Ясно вам? Чтобы просить хоть что-нибудь у вас, мне надо было прикрыть собственный зад. Вот почему я полез в первый попавшийся дом. Но я не крал. Я брал с возвратом! А вы... Жмоты! Нельзя же так. Разве вы совсем утратили чувство локтя? Или жадность ваша стала выше всего человеческого? Чего вы лыбьтесь? Чему радуетесь?

– А ну заткнись? – зарычал в ответ Алекса и налетел на мужчину с кулаками, – Ты нарушил самый древний закон земли людей! И не морочь людям голову. Жалобу вымалывать слов хватило, а попросить по-людски нет? Хорош вывертываться тут. Сберег бы честь.

– Сам береги честь! – огрызнулся Миша. – Лупить связанного смелости хватает. А к бою кишка тонка?

Алекса рубанул кулаком по лицу пленника так, что у того нос разлился ручьём, окропив яркими брызгами грудь.

– За кражу смерть, понял?! За кражу смерть! – крикнул он ещё раз, обратясь к толпе и та поддержала его в ответ, хоть и не так уверенно как прежде.

– Да не воровал я, сукин ты сын! Кто вы вообще такие, будь вы не ладны? – Миша с трудом разевал рот, морщась от боли, и сплевывал алую слюну в песок.

– Врёшь! – Алекса ударил Михаила ещё раз. Теперь в живот, отчего жертву переломило пополам, и мужчина повис на кольце.

– Ты мне за это ответишь, – прошептал Миша и закрыл глаза, ожидая новый сокрушительный удар.

Однако ничего подобного не случилось. До него донёсся вздох толпы. Голова не переставала гудеть, словно в ней сработал, да так и не смолк клаксон. Но дыхание вернулось к норме. Миша приоткрыл сначала один, затем другой глаз. Никого рядом, только толпа вдалеке. Слава богу! А где же этот подонок Алекса?

Наконец он увидел его сидящим на пятой точке, метров аж за двадцать от столба. Что ещё он там делает? – испуганно подумал Миша.

Оторвавшись от скопления людей, к Михаилу стал приближаться седовласый старик в длинном светлом балахоне. Он припадал на правую ступню и в помощь себе выносил узловатый посох. Старец приближался уверенно, по-хозяйски. Алекса, за которым продолжал наблюдать Михаил, подтянул к себе ноги и, испуганно, поглядывал на старца, словно побитая псина.

Старик доковылял до столба с Михаилом, ухватил мужчину за шиворот и без особых усилий поднял на ноги. Миша охнул от неожиданности. Час от часу не легче, – подумал он. – Если станет бить и этот – вышибет дух в два счета.

– Не судите его строго, – сказал властным тоном старик, обернувшись к толпе, – в этом человеке нет зла. Это разглядит и слепой. Я удивлён, что вы стали настолько черствы и незрячи. Хуже этого столба. Хоть, уверен, и он порой плачет вместе с жертвами. А ты, Алекса, – старик

повел в сторону сидящего посохом, отчего тот обхватил в страхе голову руками, – слишком податлив собственной гордыне. Силы в тебе прибыло, а мозгов одновременно убыло! Как в дырявой кубышке.

Толпа рассмеялась, и возникшее напряжение чуть спало.

– Мы не должны судить, следуя одним лишь законам предков. Мы должны судить, следуя и собственному сердцу. Не всегда вор это враг. Если хорёк украдёт яйцо гадюки, которая может вырасти и убить ребенка, кто он – враг или друг? Этот мужчина взял у Алексы тряпку из гумна. Всего тряпку. А мы знаем, как Алекса ведёт свои дела. Его земля всегда плодородит. Быки здоровы, и рабочих рук хватает. Своих, не наёмных. Дома всегда полон стол. Не так ли? Так на что ему сдалась эта тряпка?... Однако, он хватил беднягу по голове, да ещё и на судилище приволок. А если бы я тебе сказал, Алекса, что этот человек в будущем спасёт весь твой род от сотни гадюк? Что бы ты с ним сейчас сделал? Продолжил бы убивать?

– Как я могу знать, что он спасёт? Это ты, Гобоян, видишь. Как я могу знать? – залепетал Алекса.

– Я не вижу. Но моё сердце говорит, что твоя тряпка не стоит того, чтобы обидеть и озлобить другого человека. Ты своей чёрствостью заражаешь доверие нашего мира ещё похлеще, чем настоящий вор. И я не знаю, чем ты до сих пор заслуживаешь уважение своих соседей, но услышь меня и проведи над собой работу. Иначе скоро никто не придёт к тебе на помощь. Даже быки разбегутся, и ты станешь рыскать за ними по логовам и оврагам. Возьмись за ум. Уважай других. Иначе, жизнь проучит тебя. Волком завоеешь, да никто спасать не прибежит!

Старик отвернулся от поникшего Алексы и подошёл чуть ближе к группе пожилых мужчин, стоявшей под венцом красных ворот у самого большого дома на площади. Михаил теперь понял, что это как раз и есть тот суд, что должен был решить его судьбу. Они стояли, запуская пальцы за широкие расшитые яркими нитями пояса. Хорошая одежда выдавала в них знать, да только в присутствии бедно одетого старика те сами почти склонили головы.

– Прислушайтесь, мудрейшие старейшины, – почтительно обратился к ним Гобоян, – мне не дано судить других. Но, поскольку таким правом наделены вы, примите решение, за которым хочется идти. Это в ваших силах. Потрудитесь. Судить голого, вроде, не мудрено, но по мне, пожалуй, самое сложное. Вы уж не переусердствуйте. Отнимать у слабого дано не каждому.

Невысокий ростом мужчина, длинные волосы которого были собраны в узел, ответил: – Спасибо, Гобоян, за достойные слова. Однако, ты уже и сам рассудил как надо. Этот муж не заслужил сурового наказания, но не достоин и полного снисхождения. Я бы погнал его взашей, но, вижу, что с этим не стоит спешить. Мы решим так: забирай его к себе, а после поговорим.

– О большем я не мог бы и просить, – чуть склонил голову Гобоян и вернулся к Михаилу. – Пойдем, я дам тебе то, чего ты хочешь.

– А вы знаете, чего я хочу? – усталым голосом вымолвил Миша.

– Начнём с воды.

Михаил сидел на верхушке покатога валуна, вросшего в землю у западного угла дома старика. В руках он держал деревянный ковш с водой, вкус которой никак не мог понять. Сколько уже он выпил всякой воды за свою жизнь, а такой не пробовал никогда. На вкус, пожалуй, как и любая другая, а вот по содержанию вовсе нет. Она была чуть плотней обычной и словно наэлектризованной, отчего слегка пощипывала язык. Миша понимал, что физически такое невозможно и всё же продолжал строить гипотезы относительно консистенции врученной ему Гобояном жидкости.

Впрочем, что бы в этом ковше не находилось, оно буквально заряжало мужчину энергией с каждым глотком. Миша не мог не отметить, что к нему стремительно возвращались силы. И, ещё несколько минут назад нывшие от страшной усталости, мышцы вновь были готовы к работе, будто только что очнулись после долгого здорового сна. Сил появилось настолько много, что мужчина непроизвольно принялся отстукивать по земле ступнёй, будто в нетерпении ждал старта нового марафона.

Закурить бы сейчас, – подумал Миша и тут же осёкся, – а зачем? Станным образом зависимость, что владела им уже много лет бесследно исчезла. Что он только не перепробовал, чтобы избавиться от пристрастия к табаку! От этой жуткой связи с безжалостными изделиями из бумаги, табачной смеси, смол и канцерогена, опутавшей чуть ли не каждый шаг его жизни. С таким пиететом как к сигаретам, он не относился даже к большинству людей. Разлука с куревом приводила к депрессии и заставляла чувствовать себя глубоко несчастным. Поэтому он продолжал цепляться за нее, будто утопающий за обломок мачты в безлюдном море. И, вот тебе на, именно теперь, в этом бутафорском мире, он совершенно безболезненно переживает момент своего расставания с наркотиком! Стало даже обидно за колоссальные старания целой индустрии борьбы с курением. Сколько же людей может остаться без работы, если курильщиков препроводить сюда на терапию?!

Из-за угла дома раздался звук удара двери о косяк и вскоре показался старик. Он медленно переставлял ноги, держа в руках широкую плоску. Его лицо было расчерчено морщинами под стать солидному возрасту, а руки с удивляющим несоответствием оставались гладкими словно у молодого. Старик носил своё тело с грацией, не обременённого болезнями человека. И если к столбу тот шёл прихрамывая, то теперь посох оказался ему не нужен вовсе.

Миша поднялся навстречу и принял из рук старика плоску. После чего хозяин дома присел на широкий пенёк рядом и сложил на коленях руки. Под задранными холщовыми штанинами открылись худые босые ступни. Веточки синих вен и капилляров раскрасили их белую кожу причудливым орнаментом. Но и тут Михаил не смог не отметить поразительную свежесть кожи конечностей мужчины. Где он их полощет? В святой воде что ли?

Гость аккуратно снял с плоски укрывший её лист папоротника. Под ним оказалась темно-зелёная кашка из протёртых с жидкостью растений. Он поднял на Гобояна вопросительный взгляд.

– Съешь горсть. Потом ещё горсть позже. Не бойся, это не отравка, – ответил старик.

– Я понимаю, что не отравка. Было бы верхом извращения с вашей стороны сперва спасти мою шкуру, а потом прикончить на собственном дворе. Я только хотел спросить, к чему мне это?

– Это вернёт тебе силы и волю. Во всяком случае разбудит её если она есть. Кашка не вышла на вкус, но своё предназначение исполнит верно. Уж в этом можешь не сомневаться.

Миша зажёб двумя пальцами с краю щепотку вязкого месива и сунул его в рот. На вкус оказалось куда хуже самого дурного его предчувствия, отчего мужчина сразу чуть не вывалил отвратительный продукт назад. Несусветная горечь обожгла язык словно крапивой и прокатилась по нёбу удушливым запахом. Он зажмурил глаза, стиснул пальцы в кулаки и принялся глубоко дышать носом. После чего проглотил смесь и жадно запил водой из ковша. Одержав нелёгкую победу над собственными чувствами, Миша открыл прослезившиеся глаза и попытался невозмутимо взглянуть на старика.

Однако тот уже всю заливался старческим крякающим смехом. Похлопывал себя по коленям и трясся в искренней радости над гримасами гостя. Он делал это так заразительно, что Миша не удержался и захохотал за Гобояном вслед, раскрыв зелёный, как лужайка рот.

– Ну, вот видишь, воля уже возвращается к тебе, – сказал, уgomонившись, старик. – Пройдёт не так много времени, как ты заметишь, что в тебе обнаружился другой человек, который умеет отдавать в жизни. Он и есть ты настоящий.

– Что отдавать? – зацепился Миша за слово.

– Да что угодно. Когда мужчина не связан оценкой личных дел и нажитого имущества, очень легко жить и следовать своей истинной доле. Он привыкает жить свободным. Не сразу, но лишь вопрос времени. Тогда его душа захочет отдавать себя другим. Она перестанет копить на чёрный день. Ей этого будет не надо. Имущество, которым она владеет, станет общим. Пусть берёт тот, кому это больше нужно. Душа о том тревожиться не станет.

– Не уверен, что правильно понимаю вас, но разве иметь что-то, это плохо?

– Почему же плохо? Плохо когда разницу между состоянием, когда ты имел что-то из вещей и, когда у тебя их не стало, ты будешь именовать потерей. У вещи, так же как и у тебя, своя собственная жизнь. Своя судьба. Если она ушла от тебя – значит, настал час, когда ей пора было уйти к другому. Не будешь же ты спорить с судьбой? Поэтому сильные и не связывают себя с вещами. Они получают то, что им надо здесь и сейчас, но не тащат обоза за спиной. Они понимают, что не им решать. Выбор средств их жизни делает сама жизнь. Если что – они потерпят. Они умеют это делать. Потому как, потом получают всё сполна. Улавливаешь?

– Если честно, не совсем. Какой-то абсурд! Разве и у этой миски есть душа?

– А разве нет? И у неё, и у вон того топора. И у всего другого. Когда-нибудь ты это поймёшь. Ну а сейчас ступай, приляг. Я приготовил тебе место на сеновале. Ты должен поскорей набраться сил.

– Послушайте, я действительно очень благодарен вам за гостеприимство. Вы заступились за меня в этом... недоразумении, не знаю, как об этом ещё сказать, – Михаила передёрнуло от воспоминаний, – но мне нужно ехать домой, в город. Наверняка меня уже ищут друзья, – здесь Миша значительно преувеличил действительность. Если, конечно, не считать за друзей лаки, резцы и точильный камень.

Гобоян понимающе покачал головой и промолчал.

– Так что, – Миша поднялся на ноги, – подскажите, пожалуйста, не сочтите за труд, многоуважаемый дедушка, где находится остановка автобуса? Я наверно побегу туда, пока ещё есть время. А то уже поздний час. А ежели вы мне ещё и сто рублей ссудите, я вообще стану счастливым человеком и отплачу вам, как положено, в двойном размере!

Диск солнца действительно лежал почти у горизонта, придавленный растянувшейся над ним глыбой серого облака. Стелящийся по земле и прощающийся с ней солнечный свет окрашивал головки колосьев убегающего вдаль поля позолотой. Горизонт колыхался искрящим руном и манил к себе неизвестностью. Однако Миша видел там лишь путь к собственному дому, куда так настойчиво спешил.

Гобоян продолжал хранить молчание и смотрел на купол солнца, о чём-то глубоко задумавшись.

– Ау! Товарищ! Мне нужно идти. Простите ещё раз. Судя по всему, моё предназначение в вашей деревне – доставлять всем беспокойство. Но я другой человек. Знали бы ближе – поняли. Вы уж помогите мне Христа ради! Давайте будем милосердными, – Михаил подошёл к старику и положил ему руку на плечо.

– Это очень важно. Знать куда идти. Смотреть туда, куда ты идёшь. И идти туда, куда на самом деле хочется смотреть, – Гобоян медленно проговорил, адресуя слова яркому разливу света на горизонте. Затем будто очнулся и заглянул Мише в глаза: – Как твоё имя?

– Михаил.

– Как интересно звучит, – протянул после небольшой паузы старик, – а откуда ты?

– Вы всё какими-то загадками со мной общаетесь, а это очень расстраивает. Неужели я вас чем-то обидел?... Ну да бог с вами. Я из Златоуста. А не желаете помогать – так и скажите. Я понятливый.

– Не знаю, что тебе и сказать, Михаил. Того места, что ты назвал в нашей земле нет.

– Нет? О... ну, значит, ... может быть, вы о нём не слыхали. Это город. Довольно большой по меркам Урала, – Миша почесал затылок и добавил себе под нос, – живёте тут в глуши лесной. Хоть бы выбрались на свет посмотреть. Сектанты.

– Как ты сказал последнее слово? Не слышал такого.

– Не слышали и ладно. Не всё ж вам знать. Хотя, раз уж работаете в туристической индустрии, географию края знать должны бы. Так что? Поможете?

– Какой индустрии? О таком тоже не слыхал. Не знаю. Много в наших землях кого есть, а о таких не слышал, – посетовал старик. – Ты, однако, Михаил, иди всё-таки приляг. Тебе отдохнуть надо. Много чудного болтаешь. Вот и ноги твои отдыха просят.

– Да не хочу я отдыхать, – начал заводиться мужчина. – Я и так застрял у вас. Дайте мне, пожалуйста, на прокат брюки, рубашку и какие-нибудь ботинки. Я всё верну, клянусь! Могу оставить расписку, если не верите. Вы мне помощь оказать даже обязаны! Это гражданский долг, между прочим. А я отблагодарю, не обижу. Покажите, наконец, где ближайшая станция или телефон! Мне надо действовать, дедушка. Не берите вы грех на душу. Что же вы это – то лекарством поите, а то дурака включаете?! Так дело не пойдёт!

– Вот что, милый человек, я тебе сейчас помогу. Обожди меня, – Гобоян поднялся с пня и пошёл к дому. По пути он шлёпнул ладонью пузатый горшок, что был надет дном на столбик ограды и послушно склонился к хозяину.

– Вот влип, ёлки-палки! – выругался Миша и сплюнул на землю. Угодьё старика не было тюрьмой. Смыться отсюда не составляло труда, но куда затем идти? Этот хоть руки не связывает.

Испытывая потребность в действии, Миша всё же прогулялся до забора, ограждавшего землю старика с запада. Но довольно скоро обжёг босые ноги о поросли крапивы, подступившей к дому со всех сторон. Чертыхаясь, он привалился спиной к бревенчатой стене и стал в нетерпении потирать руки. Ну и чёрт с тобой! Спроведишь. Как миленький.

Вскоре из-за угла снова показался старик. В одной из его рук был небольшой деревянный стакан, в другой какое-то тряпье.

– Выпей, пока я разберу тебе одежду, – Гобоян сунул Мише в ладонь стакан с жидкостью, что качалась на дне.

– А что это? У вас всё какое-то необычное, я уже боюсь и пробовать.

– Разве тебе стало хуже? – удивился старик.

– Нет-нет! Наоборот, такое ощущение, будто в груди новый мотор заработал, и в мышцах усталости как ни бывало! Вам бы с этими рецептами в сборную России!

– Ты пей, Михаил. Это не противно. Не бойся.

– Да я и не боюсь. Тоже мне, – Миша выдохнул в стакан и опрокинул в себя содержимое разом.

По ощущениям ничего необычного. Похоже было на воду со слабым привкусом сахара. Но уже через несколько секунд мужчина явственно ощутил вялость в ногах, будто те таяли под ним. Он не чувствовал пяток. От колен и в бёдрах ноги загуляли от напряжения. Миша охнул и чуть ли не плюхнулся на знакомый ему валун.

– Что-то вдруг расквасило немного, – словно оправдываясь, сказал он Гобояну. – Ты что там мне подмешал, дед?

– Не обращай внимания. Это пройдёт. Давай теперь о городе твоём. Можешь рассказать мне о нём? Говори и не останавливайся.

– О городе можно. Он такой... – Миша послушно залепетал что-то, а сам нырнул в ощущение самого себя. Эхом вечерней свежести его внутренности наполнила такая лёгкость, что хотелось летать и щебетать будто птица. Вобрать в себя весь мир, каждую молекулу которого теперь хотелось считать своей кровной. Говорить об этом, восторженно и возвышенно. И петь.

Да, петь! Сделать это для каждого, кто на свою беду не видит мир таким же прекрасным, каким его видит Миша.

– ... мой город, – наконец услышал себя Михаил – он близок мне так, как могут быть близкими только очень любящие друг друга люди.

– Наверно там есть и та, которая тебя любит, а ты любишь её, не так ли? – спросил старик.

– Наверно, – засмеялся в эйфории Миша, – только я про неё пока не знаю.

– А про кого ты знаешь?

– Я? Про свою маму. Она меня всегда ждёт. По-настоящему умеют ждать только матери. Мне кажется, они сотканы из ожидания. Будто с нашим рождением от них отделяется такая часть их самих, которую они после всегда жаждут вернуть к себе ближе. Выпавший камень из ожерелья. Без него оно уже так не блестит. И мамы наши уже не блестят. Только когда утраченный камушек к ним возвращается снова, они наполняются тем неземным светом, что трудно описать словами... Я часть своей мамы! Вот забавно, – Миша рассмеялся. – Мамы могут без нас обойтись. Но разве легко оставаться неполноценным? Как жить без глаз или голоса? Быть может я её глаза? Каково ощущать, что я лишаю её их? Зачем такое испытание мне сейчас ко всему вдобавок?... Ну вот, уже и сам без неё тоскую. Уеду нынче от вас и отправлюсь к маме. Попью с ней чаю...

– А ещё?

– Что ещё? Что ещё со мной?... Завод, работа. Я же работаю, дедушка. Это вы тут на печи лежите, а я зарплату получаю. Поделки делаю.

– Говори дальше.

– А что говорить? Мне и этого довольно. У меня никого нет, старик Гобоян. Но я счастлив! Поверь мне, я счастлив жить и делать своё дело.

– Мне очень приятно это слышать. Но, что ты думаешь, где ты сейчас находишься?

– Я не знаю. Где-то за городом. Может меня обобрали? А? Краски, скорее всего, стащили поганцы. Да и плевать! Отчего-то сейчас не сержусь. Ах, милый старик! Если бы можно было жить так же фривольно как вы здесь. И работать. Конечно, работать... Какая же у вас здесь красота! Мои глаза словно рождаются заново. Я же без очков вижу! Это какое-то чудо! Как такое возможно вообще? Я без очков не умею видеть. Ты представь себе – сколько лет не мог без них обойтись, а теперь вон оно что! У вас что, воздух волшебный? И мышцы будто очнулись от сна. Просто удивительно!

Гобоян смотрел на жизнерадостного гостя и улыбался сам. Лишь только глаза молчали. Они уже давно не смеялись. Он дал ложку отвара Мише, чтобы примирить того с реальностью, успокоить. Ему ещё предстоит осознать боль разлуки с привычным окружением. А сейчас пускай летает в эйфории. Долго ли краскам этого мира ещё осталось блистать как нынче?

В глазах старика отражалась тень тревоги. Он был всерьёз озабочен. Если бы хоть кто-нибудь здесь знал насколько серьёзно.

– Пойдём, я провожу тебя, – старик поднялся и, подставив руку Михаилу, повёл его в сторону амбара.

– Зачем мы сюда? А, впрочем, какая разница! Отдохнуть хочу. Щекочет мне ноздри ветер какого-то предчувствия! – Миша неуверенно продолжал идти на ватных ногах, то и дело, заглядывая в лицо Гобояна.

– Мне тоже, – не удержался хозяин дома.

– Ты понимаешь, дорогой дедушка, что я совершенно изменился с этой минуты? Ты уж прости мне всякие вольности, и то, что на «ты» с тобой,... вами, говорю. Я будто пьяный. Не знаю как это сказать. Но я теперь многое могу. Многое!

– Знаю, знаю. Но сейчас тебе надо поспать, – Гобоян ввёл мужчину в прохладную темноту амбара и препроводил к пухлым копнам душистого сена.

Миша рухнул в них и вытянулся во весь рост с блаженной улыбкой на лице.

– Отдыхай. После отрада-воды тебе потребуется время. И оно у тебя есть. Не думай ни о чём, смотри сны. Иногда в них больше жизни, чем наяву. А теперь прощай.

Старик вышел и медленно побрёл к дому. Открыл тяжелую дверь, но не смог переступить порог. Привалился к косяку и прикрыл глаза: А может это всё-таки не он? Возможно ли это так скоро? Не мог ли он ошибаться?

Гобоян собрался с силами и прошёл внутрь. Осмотрел своё аскетичное, но милое сердцу жилище. Широкие скамьи под окнами, крепкий овальный стол, табуреты. Обереги и сушёные травы, висящие на стенах. На столе камни для помола и остатки толстых стеблей травы. Прохлада и темнота сруба обняли его уютом, который зачастую мы и именуем домом.

Старик лёг на лавку, окинул взором стену напротив. На зарубках блестели светлые полосы уходящего дня. «Да, да. Скоро ты придёшь. Я подожду.» Он закрыл глаза и дал волю воображению. Где-то в тумане, за тёмно-серыми клубами неизвестности ему уже откликнулся знакомый голос друга. Они поговорят и решат. Знак подан. Настала пора действовать.

По кромке леса бежала светловолосая девчушка двенадцати лет. Она хохотала, насколько ей это позволяло частое дыхание. Выбившаяся из косы прядь волос хлестала её по глазам и щекотала лицо. Резвые ножки легко перескакивали с кочки на кочку, колыхая свободную юбку сарафана. Её задорный бег словно стелился над самой землёй.

Девочка убегала от своего младшего брата, с которым они отправились за ягодой-медвежатник. Спелая ягода всегда желанный подарок для их матери. Тем более медвежатник, который так душист, когда его заваривает матушка. А девочка стремилась быть ей помощницей во всём. Тяжелый мамин труд она с радостью принимала на себя, лишь только та ей позволяла это делать. Но с братом разве можно сохранять серьёзность?!

Вот и теперь они ввязались в игру на ровном месте. Ну, ничего, – думала девочка, – я тебя обставлю, а потом ещё всем расскажу, что ты девчонку отыскать не смог, глупенький!

Девочка свернула с тропы, что вилась тонкой лентой вдоль леса, и нырнула среди раскидистых лап елей. Аромат распаренного леса, задохнувшегося без движения, обдал ребёнка густым паром. Она споткнулась о корень, на мгновение сбита с толку темнотой. Поднялась, отряхнула прилипшие сухие иголки и пошла дальше вглубь леса. Бежать теперь было опасно. Под ногами чего только не встретишь. В два счета напорешься на острую палку, как вон, Космиан из соседского дома. Добегался уже. Калека нынче хромой. Кем теперь будет неизвестно. Не ему уже выбирать. А она, нет. Такого не позволит. У неё мечта выше этой ёлки! Дудки вам. Тише едешь – дальше будешь. Она ещё заставит всех себе завидовать.

Девочка перешла на шаг и стала идти дальше, выбирая путь в обход поваленных гнилых стволов. Но задор игры всё ещё не отпускал её, отчего девчонка то и дело подпрыгивала с ножки на ножку. Мелкие ветки хрустели под ними как сухой розжиг в печи.

Она оборачивалась, ожидая, что вот-вот её младший брат погонится следом. Но он всё не шёл. Девочка продолжала углубляться в лес, но с каждым шагом всё менее уверенная в том, что это стоит делать. Ну почему же он не идёт за мной? – задавалась она вопросом. И игра становилась всё более скучной. Ей уже хотелось крикнуть, что-нибудь, обнаруживая себя. Однако и сдаваться пока вроде было рано. Может птицей покричать? – размышляла девочка и сама не заметила, как остановилась.

Она присела на широкое в обхват обеих рук дерево, лежащее в зарослях дикого папоротника. Как ступени на дереве обосновались диски древесного гриба супеша. Взрослые говорили, что этот гриб нехороший. Он забирает силу у деревьев, убивает их и потом ждёт на мёртвом стволе, чтобы сползти в землю, раствориться, и превратиться в чёрную змею.

Девочка подобрала к себе ближе ножки и стала прислушиваться, не кричит ли где её брат. Неосознанно она стала шептать под нос: – Ну, кричи же, ищи!

Однако голоса мальчишки слышно не было. Зато показалось девочке, что она слышит чьё-то сиплое горловое дыхание. Будто измотанный в конец человек тяжело дышит с открытым ртом. И дыхание это становится к ней всё ближе.

Она огляделась по сторонам. Вроде нет никого. Но это же лес. Здесь всё находится в движении. Лёгкий ветерок может вызвать такое покачивание в кронах, словно лось стонет. Где-то в ельнике справа шевельнулась ветка.

– Мама! – вскрикнула тихонько девочка.

Ей стало вдруг страшно. Пора бежать отсюда. Она вскочила, но молодые ноги не шли. Налились тяжестью, будто к ним камни налипли. Девочка попятилась прочь от ельника. Споткнулась о сук и упала на спину. Икра ноги полыхнула болью. Она посмотрела на голую лодыжку. Там алел кровью порез, что оставил сук.

Это ничего, ничего, – залепетала девочка и поднялась на ноги. Она замерла на мгновение, прислушиваясь. Вроде всё тихо. И вдруг где-то совсем рядом снова раздалось это ужасное сипение.

Девочка взвизгнула и ринулась назад к дороге. Что-то холодное и влажное коснулось её спины. Она зажмурилась, ноги потеряли землю, и девочка зацепилась ими о дерево. Затем упала лицом вниз. Прижалась к земле, словно ища у той защиты, и замерла. Дыхание раздалось прямо над её головой. Ноздри ребенка учуяли отвратительный сладковато-затхлый запах.

Девочка закашлялась и перевернулась на спину. Последнее, что она увидела, были белесые, обескровленные глаза на пепельно-синем лице чудовища, чем-то походившего на человека. Затем ей на лицо опустилась большая холодная, скользкая рука. И наступила темнота.

Гобоян очнулся в тот момент, когда порог его дома переступила нога высокого человека с безволосой, как колено, головой. Дверь старик никогда не закрывал. Почти никогда.

Он сел на лавку: – Здравствуй Крос.

– Здравствуй Гобоян, – ответил гость. Он был настолько велик ростом, что не мог стоять в избе, не склонив голову. Поэтому сразу присел к столу и сложил на нём огромные, словно черпаки ладони. Лицо гостя было крупным под стать телу. Баранки топорщащихся ушей, мясистая груша носа, выдающиеся крепкие скулы. Похожее на высеченный спорыми ударами долота в куске скалы набросок. Он выглядел как человек, однако полностью человеком не был.

– Хорошо, что ты пришёл, – сказал старик.

– Ты же знаешь, я не мог не прийти. Твоя весть не стала сюрпризом. Мы того ждали, признай. Быть может лишь не в таком виде.

Крос был намного старше Гобояна, а выглядел так, будто мог тому годиться в сыновья. Он был щедро одарён от природы силой и могучим телосложением. Единственное, в чём ему судьба отказала, это были волосы. Их у него не было с рождения вовсе. Не появились они и позднее. Ни бровей, ни усов. Однако усмехнуться над таким недостатком Кросу в лицо не осмелился бы ни один здравомыслящий человек. Поэтому всякий стремился как можно скорей свыкнуться с необычным образом гора-человека.

– Нам не из чего выбирать. И после того, как ты посмотрел на него, что скажешь? – спросил Гобоян.

– Лучше бы я этого не видел.

– Не юли, Крос. Скажи прямо, что думаешь.

– Я думаю это тот человек. Предвестник конца.

– Звучит как приговор. И всё же тебе прекрасно известно, что он не один, кто может летать. Так скажи мне, как мы должны расценить его появление – как знак, или пришествие спасителя? Или мы всё же ошибаемся в своих предположениях будущего?

– Я был бы рад ошибаться. Но нет. Все признаки сходятся. Мы слишком давно смотрим туда, чтобы перестать путаться в настоящем. Нет у нас на то ни права, ни времени. Сценарий начертан и начат. Похоже худший из всех. Если бы твой человек появился в другом краю, хотя бы в Лилте или Палте, я мог бы колебаться. Но он пришёл напрямик к нам сюда. Неужели не довольно совпадений?

– Пожалуй, ты прав. Я сомневаюсь лишь затем, чтобы дать себе паузу всё обдумать. Так или иначе, скоро мы узнаем правду.

– Тебе надо будет его удержать. Этого человека. Хочешь попросить о помощи?

– Нет. Не стоит преувеличивать. Ему некуда идти. Останется как миленький.

– Я вижу по твоим глазам, что ты не хочешь выносить пока это на всеобщее обсуждение. Если тебе интересно знать моё мнение – я и сам мало верю в возможный союз. Такое случается, лишь когда с плеч уже полетели головы. А до той поры все будут цепляться за последний довод спать спокойно, как и ты за свои сомнения.

– Ты прав, Крос. Ты как всегда понимаешь всё и без слов, но не можешь удержаться от соблазна высказаться вслух обстоятельно, не упуская возможности подтрунить надо мной. Если у таких как ты и бывают слабости, то все они связаны с языком.

– Потому что он у меня такой же большой, как и я сам. Если не выпустить его на волю, он попросту меня задушит.

Они рассмеялись.

– Ну, значит, так и быть, – сказал Гобоян, – пообвыкнемся с ним. Когда мне нужна будет помощь – скажу.

– Ого! Если великий Гобоян заговорил о том, что ему потребуется помощь, значит, он действительно напуган.

– Прощай, Крос. Рад был встрече.

Они обнялись, и великан вышел из дома. В окне, затмив на мгновение закат, мелькнула его большая фигура. Старик лёг на скамью и закрыл глаза: – Час пробил.

Глава 2.

Новый старый мир.

Михаил проснулся и с наслаждением вдохнул запах сухой люцерны и клевера, которые прятались в стогу. Коготки сухих травинки покалывали шею и щеку мужчины. Он почесался волосами о траву и приподнялся. Незнакомый амбар со стоящими вдоль стен разнокалиберными бочками, свесившимися с крюков плетёными корзинами, сложенным у осевшей двери деревянным инструментом. Запах натурального хозяйства обрадовал Мишу. Напомнил ему его сельское детство, где каждое утро начиналось в беспрестанном труде. Сейчас он не слышал близкого запаха скотника. А в юные годы тот жил на дворе постоянно. Что ж, видать, эти выходные он проведёт на выселках цивилизации. Прочистит в организме закись азота городского наследия.

Миша вывалился из сена на деревянный настил пола, смахнул налипшие стебли с одежды и расчесал пятернёй волосы. Он громко чихнул, породив в сводах высокого амбара звонкую канонаду и спугнув присевшую снаружи птицу. Однако даже это действие не порвало связь мужчины с увиденным им сном.

В минувшем сновидении Михаил явился главным действующим лицом невероятных событий, что вершились во времена, когда человечество ещё не изобрело двигатель внутрен-

него сгорания и не отправили в космос спутник. Люди жили в деревянных срубках, пахали каменную землю сохой, собственными руками делали одежду и домашнюю утварь. Ладони тех людей потрескались от работы, ногти потемнели от грязи. Лица шелушились обветренной кожей, а волосы не знали причёсок. В этом сне Миша владел языком зверей и птиц, которые вели его к удивительным местам. Где он имел великую цель жить, а его ноги были полны сил к ней идти. Во сне Миша увидел собственную возлюбленную и даже держал ту за руку, пока над их головами кружились бело грудные ласточки. Во сне закаты солнца разливались у горизонта таким праздником цвета, что захватывало дух и хотелось занять подходящее место в кинотеатре природы и без усталости смотреть на её великолепие. В этом сне Михаил был воином. Разве мог он даже помышлять о таком в жизни? Впечатлений сновидения ему хватило бы на год, по чайной ложечке на каждый день. Реальная жизнь не вмещала в себя даже намека на подобные сюжеты. Впрочем, то, что с ним случилось теперь, иначе как приключением тоже было не назвать.

– Что ж, пойдём разбираться, – пробормотал Миша, подходя к пузатой кадке с водой. Прежде, чем зачерпнуть оттуда воды, он взглянул на собственное отражение и охнул: – Во дела! – На глянцевои поверхности отражалась физиономия вне всяких сомнений ему принадлежавшая, но куда более спортивная. Щёки осели, подсулись, раскрыв вполне себе мужественные скулы; подбородок обрёл угловатость и выразительность; глаза раскрылись и под ними исчезли привычные одутловатые мешки. Превращение коснулось не только лица. Чудесным образом местный воздух подчищал и иные огрехи в физиологии. Словно искусный скульптор он взялся освободить от нагромождения лишней плоти идеальные черты тела. Живот Миши стал ещё меньше, и на боках усохли выпуклые складки жира. Не скрывая радости, мужчина потёр руки и направился из амбара наружу.

Он толкнул плечом широкоую створку ворот. На дворе, слева, превосходя Мишу ростом, возвышался сплюснутый горбылём стог сена. Правее о забор облокотился навес, укывший пень-колоду с воткнутом в него колуном и аккуратную кладку дров. Босиком, по приятному теплу земли Миша пошёл к дому, где на уже знакомом ему пне сидел старик Гобоян.

– Доброе утречко! – гаркнул неожиданно громко Михаил. – Простите. Что-то не узнаю свой голос, – немного сконфузился он.

– И тебе здравствуй, добрый человек, – ответил старик, – хорошо ли спалось?

– Даже и не спрашивайте! Сто лет так не спал. Как младенец.

– Ты вспомнил, как спят младенцы?

– Что?... А, да. Отлично выспался! А который же сейчас час?

– Час? Может, ты хочешь спросить какая нынче пора дня?

– Да нет, как раз хотел спросить – сколько сейчас времени. Сколько часов и минут.

– Ты меня прости, Михаил, не могу ответить на твой вопрос.

– Что ж, судя по солнцу, ближе к полудню, – Миша протянул старику ладонь, – спасибо вам огромное за ночлег! Вчера вы меня здорово выручили. А про снадобье ваше вообще молчу! Просто чудо какое-то. Нет, вам действительно надо поделиться этим рецептом с каким-нибудь комитетом по здравоохранению, больницей района или ещё кем. Просто феноменальный эффект! Я до сих пор в таком возбуждении, и сил хоть отбавляй. Даже живот подтянулся. Чудеса, да и только!

– Михаил, у тебя есть короткое имя?

– Ну, разумеется! Миша, как вы, наверное, и без подсказки должны знать.

– Вот что, Миша, не благодари меня. Я ничего хорошего для тебя ещё не сделал. Ты лучше иди поработай. В твоё тело пора вдохнуть силу. Болеет оно ещё. Поколи мне дров, покуда не устанешь. А я тем временем сготовлю чем нам подкрепиться. Как раз к полудню, который ты помянул, и сядем. На тебе тени ещё лежат.

– Тени лежат? Э-э... я извиняюсь, ваше гостеприимство мне, без сомнений приятно, но всё же. Вы чудаковато как-то себя ведете. Я ж не на постой к вам подался. Мне домой надо. Понимаете? Я хотел бы уехать к себе. Бесконечно благодарю вас и всё такое, но настоятельно прошу указать мне дорогу к остановке транспорта, откуда могу добраться до Златоуста. Вы же взрослый человек! И снова вынужден просить вас помочь мне с одеждой. В этом рубище... я даже не знаю, как я могу в таком виде показаться на людях. Только без обид!

Гобоян поднялся на ноги: – Миша, ты много говоришь непонятных моему уху слов. Твои намерения мне тоже не ясны. То говоришь, что всё тебе нравится, то сбежать торопишься. Тех мест, о которых ты толкуешь у нас нет. И, уж коли ты заблудился, тебе надобно сперва отыскать их на карте, а затем в путь собираться. Куда ты сослепу то?

– Ну, дайте мне карту! – развёл руками Миша.

– А нет её у меня! Её сперва рисовать надо. На это время требуется.

– Что вы мне тут голову морочите? – рассердился мужчина. – Скажите где вокзал, я сам там уточню!

– Какой еще вокзал? – Гобоян напротив был невозмутим, как врач психлечебницы. – Сядь, дорогой, и внимательно послушай меня. Тех мест, что ты ищешь, нет и не было в наших краях. Нет вокзала, нет города твоего. Есть столица нашего государства, но да той десятки вёрст ходу! Когда ближайшая подвода будет, не знаю. Да и не возьмёт тебя никто, поскольку платить нечем. Ты мой на поруках. За этим двором пока тебе не рады. Считаю, надо сказать напрямую об этом. Смирись, Миша. Тебе теперича среди нас жить. Нравится это, или нет. И что бы ты сейчас не подумал, искать прежнюю жизнь, выходит, уже поздно. Невозмутимо встречать повороты судьбы дано не каждому. Но ты на пути к исцелению. Пойдёшь поработаешь, или посидишь попьёшь отвара со мной?

– Отвара? – Миша оттолкнул протянутую стариком руку с кружкой. Бледно-зелёная жидкость вылилась наружу и упала в траву. – Что вы меня тут за дурака держите? Думаете, я на вас управу не найду что ли? Снова напоить меня наркотиками хотите? Чёрта с два! – он выкрикнул и отбежал в сторону калитки в ограде участка дома. – Вы что здесь за цирк устраиваете? Думаете, я законы не знаю? А я знаю! Имею право... Почему меня здесь держат? Кто вы вообще такой? Сначала чуть не засекли насмерть у какого-то доисторического столба, потом отравой накачали. С чем это я должен смириться? Вы в своём уме вообще? Не хотите помогать – не надо! Я сам всё сделаю. Но, клянусь, заставлю заплатить за причинённый ущерб! Так и знайте! Я не оставлю это так!

Мужчина выбежал за калитку на дорогу. На поднятый им шум подошли люди к своим оградам.

– А вы что смотрите? – крикнул им Михаил, – Тоже не поможете? Не хотите мараться о преступника? Исподнего пожалели? Тряпок не хватает в вашей жизни. Чего ж сами тогда спрятались здесь от мира? Идите, покажитесь ему во всей красе! Побахвальтесь имуществом. Где ваши машины? Что вы тут за декорации настроили?... А, я знаю! Вы сами преступники и есть. Скрываетесь тут от закона. Ну, ничего! Я вас выведу на чистую воду! – Миша прокричал и бросился вниз под уклон дороги.

Глаза людей вспыхивали от обидных слов мужчины, как искры поверх костра. За щербатыми, высохшими на солнце, заборами головы жителей обернулись в сторону вышедшего вслед Мише на дорогу Гобояна. Осуждающие гримасы разглаживались под успокоительными жестами старика. Жители возвращались к работе, перестав оценивать брошенные в них нападки. Лишь куры, петухи да собаки не скрывали возмущения и сердито голосили на спешащего мимо них Михаила.

– Я разворошу тут всех, – приговаривал тот себе под нос пока бежал по межколейной полосе вверх по улице. Он загребал дорожный песок краями разошедшегося на лаптях лыка. Их мужчина прихватил с забора старца в качестве платы за причинённые страдания. И, хоть

лапти оказались не закончены, Миша признавал, что стащил их не зря. Казавшаяся ему ранее декоративной обувь была вполне мягкой и практичной. Конечно не такой, как спортивные кроссовки на подошве из резины и полиуретана, но для недолгой дороги – вполне подходящей. Длительного пути Михаил для себя не рисовал. Отчего-то он пребывал в уверенности, что километр-другой и сельские ухабы упрутся в дорожкой его сердцу асфальт магистрали, на которой он отловит попутку и благополучно доберётся до ближайшего города.

В два счёта Миша добежал до восточной оконечности деревни, за которой раскатилось обширное изумрудно-зелёное поле. Мохнатый ковёр, будто сошедший с картинки весеннего цветения, шевелился под лёгким движением ветра. Дорога из деревни вильнула в обход поля и спряталась вдалеке в неизвестности. У горизонта жирным слоем лёг лес, а за ним скалился пиками рельеф туманных гор. Михаил приставил ко лбу ладонь и обвёл взглядом растянувшуюся перспективу. Он искал смог индустриальных площадок, сигары чадящих в поднебесье труб, белый след трасс самолетов. Но, увы. Словно издеваясь над ним, природа звенела кристальной чистотой и свежестью, а вместо самолетов в небе пикировали лишь голосистые птицы. Никаких признаков и шума современности.

Миша сплюнул от досады: – Странно. Может быть, действительно в этом направлении только дикая глушь? Такое у нас на Урале встретить можно.

Он обернулся. Надо бежать назад. Туда, откуда он пришёл вчера в это проклятое место. Наверняка там и лежит путь к нормальным людям. Здесь он больше не останется. Нет и нет! В следующий раз они его на костёр кинут, дикари! Следом за образом Христа, Миша припомнил о сожжённом инквизицией Джордано Бруно. Я им буду про машины и генную инженерию рассказывать, а они меня за это линчуют? Ну, уж нет! Накоси-выкуси!

Он развернулся и побежал обратно тем же путём. Люди, что остались у своих оград, со смехом встретили Михаила, несущегося уже в противоположном направлении. Пробегая мимо дома Гобояна, Миша победоносно вскинул вверх кулак. Старик ничего не ответил, но в его глазах не скрывалось разочарование. Молчаливо он проводил бег своего бывшего гостя в обратном направлении и лишь после этого пошёл в свой двор.

Тем временем, пока Михаил достиг другой окраины деревни и знакомого ему гумна, он отмахал добрый километр пути. Он успел взбежать на холм пыльной площади с позорным столбом и спуститься с него вниз. Он миновал все каверзы деревенской дороги, ловкими финтами уходя от атакующих его ноги гусей, коз и собак. Ещё день тому назад такой марафон с лёгкостью привёл бы мужчину к обширному инфаркту. Однако сейчас он всего-то мучился отдышкой, но, вполне мог в схожем темпе махнуть и дальше.

Не предавая пока происшедшие с ним изменения глубокому осмыслению, мужчина перешёл на шаг и сошёл с дороги. Он решил в точности проследовать путём, которым шёл накануне, но наоборот. Мужчина направился в сосновую рощу и после неё пересек то самое поле высокой травы. Обутым и одетым он проделал весь путь втрое быстрее. Смахивая с лица и шеи атакующих его насекомых, с каждым шагом Миша чувствовал себя всё ближе к выходу из возникшей западни. Ему казалось, что вот-вот он натолкнётся на отгадку своего здесь появления и отправную точку к дому. Той ли в точности тропой он шёл, мужчина не задавался вопросом. Это не имело никакого значения. Лишь бы выбраться из этой дыры поскорее, – думал он. А, заметив знакомый холм, и вовсе чуть не вскрикнул от радости.

Миша опустился на колени и стал исследовать землю вокруг дерева, о которое он совсем недавно тёрся голым задом. Он тщательно осмотрел кору ствола, корни и углубления рядом с ними. Увлёкся было созерцанием снующих вдоль ствола муравьев, но вовремя пресёк это непродуктивное занятие. После Миша расширил зону поиска ответа на собственные вопросы до соседних деревьев и кустов, но тщетно. Никаких зацепок.

Михаил поднялся на ноги, потянул затёкшие мышцы. Его взгляд обратился к скрытой деревьями деревне. Над кронами удалось разглядеть тонкие нитки серого дыма, выходящие от

печей. Ещё вчера его глаза способны были воспринимать этот пейзаж лишь в виде размытых цветных пятен. Видеть настолько тонкие детали как теперь было совершенно невозможно. Что же со мной происходит? – спросил он себя. Затем с необъяснимой грустью подумал вдруг о том, что сейчас в доме Гобояна можно было бы чем-нибудь перекусить.

Миша задумчиво простоял ещё с минуту, ускользнув в сомнения относительно того, что он делал. Затем очнулся и скомандовал себе идти дальше. Пора прощаться с миром фантазий. Хоть и, надо признать, не самых плохих в его жизни. Он был благодарен за возвращающееся здоровье, но предложенная за это цена жизни в лубочном стане старообрядных извращенцев ему казалась завышенной. Я переосмыслю всё позже и, может быть, не стану их винить, – великодушно заключил он. – Старик был добр. Пожалуй, как-нибудь вернусь сказать ему спасибо.

Мужчина кивнул соснам на прощание и побежал лесом прочь на поиск утерянной жизни.

Гобоян вошёл в дом и с досады хлопнул за спиной тесовой дверью.

Любой путь начинается с неверия, – думал он. – Разве можно было рассчитывать на другое? Но ставки слишком высоки. Сделал ли он всё, чтобы не дать ему сбежать? И как было удержать после предъявления правды? От неё большинство взбрыкивает будто необъезженная кобыла. Нет времени скармливать её по шепотке впережку с ложью. Всегда лучше одним махом.

Старик вынес из дома наружу маленький деревянный челночок, палочку-трутень и пучок засохшей бордовой травы. Он вложил в челнок немного мелкой щепы, зажал меж ладоней палочку и стал интенсивно вращать её конец в углублении с щепой. Вскоре зачался дымок и в челночке вспыхнул огонь. Для манипуляций старика нужен был только живой огонь, добытый, в том числе и таким способом. Приёмы старца были рождены за тысячелетия до нынешнего дня. Когда и плуг выглядел инородным телом. Однако сила ворожбы от достижений эволюции не зависела. Она была другой природы, стать истинной частью которой удавалось лишь избранным.

Гобоян отщипнул чуток бордовой травы и бросил её на язычки огня. Тот спрятался под травой и вскоре дохнул вверх ароматным дымком. Старик стремительно раскрыл над челноком рот и вобрал весь дым в себя. Затем он прикрыл тлеющую траву ладонью и выдохнул дым изо рта по направлению на восток. Потом убрал ладонь, снова вдохнул дым и выпустил его на юг. После старик тоже самое проделал, послав дым от сухой травы на запад и север.

Он прошептал несколько заклинаний. Аккуратно высыпал содержимое деревянного челнока в ямку под углом дома. Бережно сложил челнок и палочку на кусок материи, свернул её и отнёс в дом. Затем сел на скамью у окна: – Пусть тебя сбережёт каждый, кто сам ищет спасения. Ты найдёшь путь домой. В свой истинный дом.

По мнению Михаила с тех пор, как он оставил опушку и отправился в западном направлении, прошло часа три, не меньше. Солнечный диск неуклонно приближался к горизонту, где исполосовал небо оранжевым маревом. Воздух остывал от полуденной бани, разгоняя свежим ветерком застоявшийся жар. Миша держался в стороне от частокола леса, что вытянулся по его правую руку. Он всё ждал, когда же появится дорога или, на худой конец, река, стороной которой можно было выйти к сёлам и городам. Но чем дальше он шёл, тем призрачней виделись ему шансы встретить в этих местах следы урбанизации. Мифические очертания автозаправочных станций и вышек сотовой связи, что миражами мерещились ему то и дело вдали, более не воз-

никали и не вводили в заблуждение. Небо так и не вскрыл рёв турбин самолета, и царственное кружение крупных ястребов оставалось единственным примечательным в нём полётом.

Более того, уже довольно долго на земле не наблюдалось и малейшего намёка на тропу. Мужчина брёл по колена в траве и всё ждал, что вот-вот его прихватит за лодыжку потревоженная гадюка или какой-нибудь мелкий хищник. От мыслей о том, что в этих местах водятся хищники и крупнее, Мишу пробивал холодный пот. Пока ещё солнце стояло в небе, он позволил себе пару раз крикнуть: «Ау! Есть кто-нибудь?» Но со скорым наступлением темноты лишнего шума уже поднимать не стоило.

Чем более тусклым становился небесный свет, тем всё больше его одолевали сомнения в правильности сделанного выбора. А стоило ли так опрометчиво рвать отношения со стариком? Не лучше ли было оглядеться сперва вокруг? Может и правда здесь на десятки километров вокруг непроглядная глушь? Не это ли он мне пытался втолковать? Живут же у экватора дикие племена и по сей день; бегают без штанов по джунглям и плевать им на покорение человеком ядерной энергии. Не могут ли и эти поселенцы быть добровольными изгоями современности? В конце концов, это могло стать их выбором. Россия большая. За пределами крупных центров здесь, порой, легче затеряться, чем найтись.

Миша выслушивал внутренний голос, соглашался с той частью самого себя, которая утверждала о бесполезности слепой беготни по неведомым лесам и полям, но упрямо продолжал идти дальше. Сперва его гордыня активно противилась возвращению. А теперь стало очевидно, что без света дня дойти обратно он попросту не сможет. В темноте он заблудится и тогда точно пропадёт.

Оставалось идти и продолжать надеяться напасть на след людей, либо подходящее для ночлега место и переждать ночь там. Жаль только уверенность в благополучном исходе стремительно покидала Мишу, оставляя один на один с ощущением возрастающей взамен тревоги.

Вот уже и темнота расплзлась по небосводу, превратив голубое свечение в тёмную безысходность. Алая полоса заката продолжала таять у горизонта и скоро исчезнет без следа. Михаил заторопился. Где же переночевать? Опустившаяся вместе с вечером прохлада подгоняла его мысли, порождая лишнюю суету.

Миша посматривал на лес, который тянулся рядом. А что, если найти укрытие в нём? Что если отыскать крону пораскидистой и взобраться туда? Разве зверь там достанет? Но тут его воображение услужливо представило образ огромного косматого медведя, играючи взбирающегося по стволу дерева и отгрызающего там Мишину голову, отчего лес показался ему ещё более враждебным, чем ранее. Мужчина сглотнул подступивший к горлу комок нервов и пошёл дальше. Хорошо, если не лес, то куда?

В небе прошумела крыльями огромная птица. Миша задрал голову в тот момент, когда она планировала прямо над ним. Большая и абсолютно чёрная. Во всяком случае как показалось в сумерках. Она снова ударила крыльями по воздуху и скрылась за чащей. Мужчина тут же решил: всё-таки в лес!

Там он придумает что-нибудь. Соорудит шалаш или ещё что. Не оставаться же тут, у всего живого на виду лёгкой приманкой?! Он отодвинул рукой склонённую к земле тяжёлую ветвь ели и шагнул в границы леса. Тут оказалось куда темнее, нежели снаружи. Глаза с трудом адаптировались к еле подсвеченной реальности. Неожиданно обострились обоняние и слух. Наверно, защитный рефлекс, – подумал Миша.

Продвигаясь вглубь частого леса, он всё больше ощущал холод надвигающейся ночи. В лесу пахло сыростью и грибами. Михаил ступал на ковёр мягкого мха, из-под которого разносился звук ломаемых веток. Откуда-то донеслись частые удары о землю. Миша застыл на месте, а сердце заколотилось вдвое быстрее. Он представил кабана, мечущегося среди ветвей и кустарника. Большого клыкастого кабана. По спине мужчины пробежали холодные мурашки.

Затем также неожиданно воцарилась тишина. А может не было никакого бега? Просто движение птицы в деревьях? Если так дальше пойдёт, он рискует сойти с ума от мнительности.

– Дьявол, как же здесь беспокойно, – прошептал Миша и вытер выступивший на лбу пот.

Он двинулся дальше, но не успел пройти и десятка шагов, как раздались звуки глухих ударов о деревья. Будто великан шёл меж ними и бил по встречным стволам лапами. Медведь! Это точно медведь, – запаниковал мужчина и схватил первую попавшуюся на земле палку.

Но что делать? Отбиваться этой кривой деревяшкой? Он глянул на палку и брезгливо выкинул её прочь. Бежать! Пока не поздно, надо бежать отсюда!

Звуки прекратились, и Миша сразу же повернул, как ему показалось, в направлении выхода из леса. Он торопливо продирался из чащи, в которую ещё несколько минут назад стремился забраться как можно дальше. По голым ладоням и ногам хлестали ветви деревьев. Скучная одежда на его плечах оставляла слишком много открытых мест, с каждым шагом покрывавшихся мелкими царапинами. Уколы деревьев приходились и по лицу, а в волосах шевелились насекомые. Миша то и дело снимал с лица налипшую паутину и шептал заклинания против энцефалитных клещей, которые мерещились ему у себя за шиворотом.

Он пробирался напролом, не выискивая лёгкого пути, разглядеть который в ночи было невозможно. Путаясь в буреломе, спотыкаясь и падая. Ноги уже саднило от ран, но он пока терпел. Главное было выбраться наружу, а болячки заживут! У Гобояна на любую пакость отыщется лекарство. О, добрый старик! Зачем он только оставил его гостеприимный дом? Что за блажь была показать скверный характер, находясь в зависимости? Скорей бы выбраться отсюда и назад к старцу и его бесподобным напиткам, что помогут забыть этот лес, словно дурной сон!

Однако, выхода никак не находилось. Мужчина метался из стороны в сторону, теряя в пути остатки выдержки и холодного рассудка. Он шёл сперва налево, потом направо. Окончательно запутался в направлениях и никак не мог отыскать подходящий ориентир. Полученные в школе знания о лесных приметах, совершенно не удавалось применить на деле, а чтобы ориентироваться по звёздам следовало хотя бы их увидеть. Но густые кроны деревьев наглухо укрыли от Миши небосклон. Он шурился и всматривался по сторонам, ища хотя бы намёк на просвет и лишь только ему казалось, что видит прореди в деревьях, тут же кидался в ту сторону. Но за обманчивой надеждой всё той же неприступной стеной вставал проклятый лес.

Миша не заметил, как заплакал. Слезы отчаянья сбегали на его измождённое лицо. Он размазывал их и продолжал идти. Вскоре его движения утратили вспыльчивость. Михаил брёл сквозь чащу лишь бы двигаться, а куда, было уже не так важно. Поняв, что от его усердия вряд ли что-то зависит, он полностью отдался на волю providения. Авось, что-нибудь из этого выйдет.

В это время среди ветвей, невдалеке от несчастного заблудившегося, показались два светлых пятнышка. Два немигающих белёсых яблока. Они застыли, следя за мужчиной. И только сильное отвратительное дыхание раздавалось чуть ниже них.

Миша упёрся плечом о сосну и сполз по стволу вниз. Всё. Больше идти не было сил. Он прикрыл ладонями лицо и зарычал от досады. Что ещё он может сделать? Разве он не достаточно пытался? Он предпринял всё, что было в его силах, чтобы спастись. Теперь он устал. Устал и хочет забыться сном. Плевать на всё. Миша устроился у корней дерева, подтянул к груди колени, обнял их и закрыл глаза.

Два белёсых пятнышка, не спеша, двинулись в его сторону.

В тот миг, когда ворон сел на доску в ограде его дома, Крос очищал ножом зубья рога-тины. Он обернулся к птице. Задержал на ней взгляд. Затем бросил инструменты и поспешил в дом.

Дом великана стоял на отшибе у самого леса. Никаких жилых домов в окрестностях больше не было. Простецкое жилище представляло собой низкое сутулое строение, словно окопавшееся в земле на подступах к лесу. Незатейливая ограда вряд ли остановила бы крупного хищника и служила больше для порядка. Незнакомцу показалось бы странным и то, как огромный ростом человек помещался в такой маленькой избе. Однако, благодаря продуманной конструкции и планировке дома, где пол был углублен, будто в бункере, а у комнат почти не имелось стен, жильё было куда просторнее, чем виделось снаружи. Крос давно привык к его архитектуре. К тому же не он этот дом строил. Жильё ему досталось от его погибшего приятеля – отшельника. Великан лишь немного переустроил внутренности. Его образ жизни не требовал большего комфорта, а о защите стен он не особо заботился. Бояться ему было некого. Во всяком случае пока.

После недолгого отсутствия Крос вернулся наружу, и массивная дверь за его спиной скрипя встала в створ. На его плечи была накинута медвежья шкура. В одной руке великана, как и был, остался нож, а в другой он держал длинную трубку с дырочками. Крос вышел через калитку в ограде и побежал в лес.

В это же время старик Гобоян, находившийся у себя дома, снял с раскалённых углей в печи небольшой ковш с зеленоватым варевом. Налил из него кипящей смеси себе в плоскую Подул, остужая, и наполнил ей рот. Он задрал подбородок к потолку, прополоскал смесью горло и затем выплюнул её под ноги.

Гобоян вышел на крыльцо дома, обернулся на запад и трижды крикнул голосом, похожим на кликанье журавля. После он сел у стены снаружи дома и посмотрел на полное звёзд небо.

Сквозь темноту и покой, окутавших погрузившегося всего на минуту в сон Мишу, раздалась пронзительная трель ударов. Стихла и затрещала снова, но гораздо громче. Михаил со стоном разлепил глаза: – Что это?...

Он не сразу понял, где находится. Ощупал землю рядом. Ужасная трель возобновилась, отчего у мужчины подпрыгнули внутренности.

– Да что же это, чёрт побери? – выкрикнул озлобленно Михаил и с трудом поднялся на ноги.

Тут он заметил, что почти над самой его головой, на дерево уселся дятел и уже успел выдолбить в коре ямку размером с куриное яйцо. Дятел бесстрашно посмотрел на мужчину, затем учтиво склонил перед ним головку с красивым алым хохолком и перемахнул на другое дерево.

За спиной Миши раздалось сиплое натужное дыхание, и белёсые яблоки глаз ещё ближе подступили к нему. Слабое свечение выхватило из темноты отвратительную вытянутую физиономию владельца глаз и открытый оскал её клыков.

Не замечая движения сзади, Миша уставился на дятла. Что бы это значило? – думал он. Дятел выдал новую звонкую трель и опять уставился на мужчину, словно ожидая от него ответной реакции.

За Мишиной спиной вытянулась синюшная рука с большими узловатыми пальцами. Совсем близко, почти достав его плеча.

Дятел вспорхнул и перелетел ещё дальше от Миши, к следующему дереву. Он сел на него и вновь повернул к мужчине голову. Где-то я уже подобное видел, – подумал Михаил. – Да и чёрт с тобой!

Мужчина решительно шагнул вперёд, и рука за его спиной загребла пустой воздух. Раздалось рассерженное хрипение, но спешащий за дятлом мужчина не мог его слышать.

Крос бежал редким перелеском, то и дело останавливаясь и прислушиваясь к звукам в ночи. Луна светила ему в спину и когда великан застывал на месте, гигантская тень ложилась на землю. словно эскиз гигантского воина.

Он втянул носом воздух, подождал и затем улыбнулся: – Гобоян! Ты как всегда вовремя. Крос сжал в ладони удобную рукоятку ножа и побежал дальше.

Михаил снова продирался сквозь лес, обдирая руки и ноги в буреломе. снова падал и поднимался. Однако теперь, откуда ни возьмись, у него появилась надежда. Призрачная, но другой и не предложили. Надежда оказалась связанной с небольшой красноглазой птицей, что перелетала с дерева на дерево, ведя Мишу за собой.

Ещё пару дней назад и в иных обстоятельствах он счёл бы это признаком шизофрении, но здесь и сейчас всерьёз рассчитывал на то, что дятел делает ни что иное, как указывает ему нужный путь. Поэтому мужчина спешил напролом и молился лишь о том, чтобы птица не бросила его раньше, чем он выберется из ненавистного леса.

Наконец дремучая чаща расступилась, и Миша вывалился на долгожданный простор. Над головой искрило звёздами небо, а на земле под ветром качались стебли дикой полыни и одуванчика. Он упал на колени и стал целовать землю, отплёвываясь от пыли. Дятел протрещал ему напоследок прощание и скрылся назад в лес.

Миша перекатился на спину и лёг лицом к небу. Ещё несколько минут назад он не верил, что спасётся. Заблудившиеся могли шастать по чаще днями. Он слышал об этом, хотя сам никогда прежде не попадал в подобный переплёт. И теперь надеялся, что полученный урок послужит ему ярким примером на всю жизнь. Безрассудное поведение едва не стоило ему собственной шкуры. Впредь, стоит всё трижды взвешивать, прежде чем действовать. Впрочем, ночь лишь началась, то ли ещё будет... Мужчина поднялся на ноги и пошёл от леса в сторону. Теперь искать укрытие придётся в полях, в чащу он больше не сунется.

Краем поросли дикой травы он дошёл до неглубокой низины, куда и стал спускаться. Вскоре Михаилу послышался плеск воды, и он прибавил шагу. С детства матушка учила Мишу, что вода – это спасение. Источник жизни, который всегда придёт на помощь прогнать усталость и постыдные грехи, – говорила она. – Вода это твой верный товарищ.

Товарищ сейчас очень даже не помешал бы, – подумал мужчина. Но самое большее чего он желал, это утолить жажду. Внутри глотки пересохло до того, что слипалась кожа. Михаил не заметил, как почти побежал под уклон покато́й возвышенности.

Вскоре действительно оказался небольшой пруд. Миша скинул рубаху и нырнул в чёрную воду у берега. Он плескался и пил, ничуть не заботясь о микробах. Здешняя природа казалась первобытным оазисом, лишённым опасных для жизни мутаций.

Очистившись от минувших страстей, Михаил вылез на берег, растёр ладонями холодную кожу и быстро одел рубаху обратно. Вот кайф! – справедливо констатировал он и впервые за вечер улыбнулся.

Он уже собрался было идти дальше, как услышал плеск в отдалении. После чего до него донесся звонкий девичий смех. Миша замер и уставился на воду. Посередине пруда на поверхности показались голова и голые плечи длинноволосой девушки. Она вновь рассмеялась и помахала мужчине рукой, в которой блеснул большой мокрый гребень. Михаил потёр глаза. Девушка не исчезла.

– Вы... – Миша вытянул по направлению к ней палец, но так и не смог выдавить из себя что-нибудь толковое.

– Чего ты ждешь, парень? – ответила ему девушка, – полезай в воду. Неужели ты не хочешь меня? Давай вместе покачаемся, – она махнула на ветвь ивы, что нависла широкой кистью над водой у противоположного берега.

– Но, почему вы, ... ночью? Я был, но вас не было, – Миша залепетал нечто невразумительное и не заметил сам как начал развязывать пояс на рубахе.

– Смотри на меня! Не отводи взгляд. Видишь, какая я?! – девушка расправила волосы и показалась над водой с обнажённой грудью немалого размера. В темноте она сверкала молочной белизной и была великолепна, – Возьми с собой одежду для меня. Мне холодно. Ступай скорее ко мне!

Михаил стянул через голову рубаху, стиснул её край в кулаке и пошёл к воде: – Я уже. Я иду.

Он почти ступил с берега в прохладу пруда, как вдруг неведомая сила подхватила его в свои объятия и вырвала с места. Со стороны пруда донёлся страшный звериный рык и яростный плеск по воде. Михаил попробовал освободиться, но его придавила к земле масса, превосходящая минимум втрое по весу и силе. Он принялся молотить руками по бокам чудища, не теряя надежды спасти собственную шкуру. И, возможно, добился бы успеха, но в какой-то момент на голову обрушился очередной удар, и всё пропало.

Когда Миша очнулся, то обнаружил, что сидит у подножья раскидистого дуба, облокотясь спиной о ствол, а рядом с ним расположился огромный лысый человек, который играл на самодельной дудке. Незатейливые звуки музыки раздавались в воздухе приятным бархатом и успокаивали. Михаил пошевелил шеей, поворачивая многострадальной головой. Два нокаута за короткий промежуток – это слишком. Так можно лишиться самого разума.

Великан обернулся на его пробуждение и улыбнулся: – Ну и талант у тебя искать неприятности! Ты разве не знаешь, что соваться к русалке, тем более ночью, это верная гибель?! А что если бы я не успел?

– К русалке? – Миша весь подобрался и невольно напрягся. Потом ещё раз посмотрел на громилу. Такому не составит малейшего труда прищёпнуть соперника словно муху. А впрочем, он не выглядел человеком, угрожающим Мише. Его глаза не таили зла. В серой дымке зрачков, напротив, играло добродушие.

– Конечно к русалке! А кто же это по-твоему был? Шагнул бы к ней и сейчас со дна пускал бы пузыри! Оттуда даже я бы тебя не вернул. Ты, вообще, как погляжу, ведёшь себя так, будто смерти ищешь. Кто же ночью без оружия и оберегов в такие места рядом со Среденем идёт? Неужели не страшно?

– Страшно, – охотно сознался Михаил, – очень страшно. Но я не знаю, куда мне идти, – голос Миши дрогнул, – я не знаю где я. И хочу домой.

– Домой? Ты потерял дом? В таком случае скажи мне, как называется земля, в которой он расположен, и я отвечу, насколько далеко ты оказался.

Миша развёл руками, не найдя, что ответить.

Великан продолжил: – Ладно, тогда скажи, какому идолу вы поклоняетесь и приносите дары? Какая сила тебе близка по праву рождения? Ну, говори же. Ты чистый человек или помесь? Кто твой народ – Лилта, Палта или с дальнего востока? Если ты заблудился, я попробую понять откуда ты. Я многое знаю.

– Да нет у нас никаких идолов. Во всяком случае, согласно Конституции. И о какой силе вы говорите, я даже представления не имею. Земля моя в Челябинской области. А город – Златоуст. Знакомы вам такие названия?

– Нет, парень. Таких мест здесь нет. Уж можешь мне поверить.

– А почему я должен вам верить?

– Ну, хотя бы потому, что я спас тебе жизнь.

Миша на мгновение растерялся, но потом продолжил: – Хорошо, а какие места здесь есть? Тогда вы мне скажите, где я нахожусь. Может, я что-то знаю об этой местности.

Великан посмотрел на Мишу и тот невольно поежился, настолько его взгляд неожиданно стал серьёзен и пронизателен. Словно в его глубине показалась целая вселенная. Всё знающая и понимающая. Михаил с прискорбием ощутил себя игрушкой в руках собеседника. Несмышлёным котенком, удел которого бегать за брошенной ему под нос ниткой. Что бы ни сказал ему Великан, правду или ложь, он всё равно будет вынужден смириться. Окружающий его новый мир выглядел недружелюбно, непонятным для него и не сулил ничего хорошего. Миша вновь ощутил себя настолько одиноким и незащищенным, что захотелось завывать в голос.

Наконец, великан прервал молчание и перевёл взгляд от мужчины на поле: – Ты находишься в землях людей. И земля эта зовется Одинта согласно решению наших предков, что нарекли её в честь самой жаркой поры года. Но, если судить по твоему движению, то ты направляешься к границе миров, далеко за которой лежит пустошь – земля мёртвых, Вырия. Скажи, почему ты выбрал этот путь?

– Я выбрал?! – чуть не вскрикнул Михаил. – Да я заблудился! И ничего более! Хочешь знать правду – хорошо. Я в глубокой заднице! Ещё день назад я был в привычном мне мире, одетым в хлопковые брюки и рубашку. Носил кожаные румынские туфли. А потом всё перевернулось вверх дном! Какой-то урод чуть не высек меня у столба, после чего старик напоил наркотиками, а в довершение ночью голая девчонка из пруда звала кататься на дереве! Разве это можно назвать выбранным путём?... Впрочем, вот что. Тебе всё известно и без моих слов. Я заметил. Так что не мучай меня. Я не слишком силён, но не дурак!

Великан развёл руками: – Что ж, ты прав. Я отчасти вижу твою историю, но лишь отчасти. Мне не ясны твои мысли и мотивы. То, что происходит, случилось с тобой, а не со мной. Но главное, что ты цел, здоров и находишься в земле, где без сомнения обретёшь себя самого. Вскоре ты перестанешь искать себя там, где тебя нет... Хочешь мой совет – не трать напрасно силы, которых и так не много. Земли, о которой ты говоришь, здесь нет. Пора принять настоящее, иначе потеряешься в собственных фантазиях об утраченном. Наша ноша за плечами, это именно то, что мы хотим и готовы нести. Хочешь ты нести в ней здесь и сейчас то, что имеешь, или хочешь набить её домыслами – это тебе решать.

– Но это не моя жизнь! Я живу в другом месте, среди других людей, среди другой эпохи. У нас там машины, а здесь что? Русалки?... Как с этим быть?

– Забыть. Сейчас ты здесь. Чем скорее ты это примешь, тем больше у тебя шансов выжить.

– Не хочу!

– Нет? Ну и плевать! Тогда уходи к своим машинам, чем бы они ни были!

– И уйду!

– Ну и иди!

Великан отвернулся от Михаила, и тот также повернулся спиной к великану.

Внутри Миши всё кипело: – Да как он смеет? С какой стати они все ему постоянно врут? Да пошли они!

Однако, от одной только мысли о том, что прямо сейчас Миша может остаться в одиночестве, один на один с этим коварным лесом, полем, прудом, да с любым клочком сей дьявольской земли, у него начинали шевелиться волосы. Вот уж нет. Повторение минувшего кошмара он не выдержит. На голове итак, наверняка, уже седые волосы! Один он пропадёт. Мир, где из пруда вылезают со dna девицы, трудно назвать понятным. Нет-нет, нужно поскорей добраться в безопасное место. Причём сделать это с помощью такого человека, как сидящий рядом с ним

громила. Лучшего поводыря и не найти. Само небо ему его послало. Как здесь всё, судя по всему, и приходит.

Миша обернул голову через плечо. Огромная мускулистая спина великана оставалась на месте.

– Как вас зовут? – спросил Михаил.

– Крос, – не оборачиваясь ответил великан, – это имя в моем народе означает ловкий.

– Забавно!

– В моём роду ребёнку давали имя, так чтобы наделить его силой. Считай это предназначением. Однако эта традиция была утрачена, как и сам род... Возможно тебя удивит то, что я не самый крупный из своего вида. Видел бы ты моего отца, – Крос, наконец, повернулся полностью к собеседнику, – вот тот был здоровый муж! Мог вброд почти любую реку перейти. Всё ему по шею только доставало. А как звать тебя?

– Миша. Михаил.

– Не знаю такого имени, прости. Что оно значит?

– Библейское. В честь архангела. Это такой небесный воин.

– Воин? Ну, тогда у тебя хорошие корни.

– Вы на меня не сердитесь, Крос. Я просто не в себе. Сами понимаете. Не хочу повторяться, но я без всяких предпосылок оказался втянутым в какую-то невероятную игру. Была жизнь у меня и сплыла.

– Куда сплыла? – удивился Крос.

– Это выражение такое. Идиома.

Лицо Кроса еще более вытянулось: – Ну и чудно же ты говоришь! И всё на «вы». Скажи на милость, твой язык тебе самому хорошо понятен?

– Понятен, понятен, – пробормотал Михаил, – не обращайтесь... не обращай внимания. Все равно, судя по всему, не поверишь.

– Ну как знаешь. Люди здесь резкие.

Да и чёрту вас всех! – подумал про себя Миша. Затем поднялся на ноги и начал растирать замёрзшие плечи и руки.

– На, выпей глоток, – Крос протянул ему маленький кожаный бурдюк с жидкостью. – Не бойся. Это тебя согреет. Впереди у нас долгая дорога. Как ты сказал зовут того старца, что опаивал тебя?

– Я не говорил. Гобоян. Так его все звали, – сказал Миша и хлебнул глоток из мешочка. Внутри полыхнул огонь, который уже через мгновение расползся приятной истомой по всему телу. – Ух ты! – только и вымолвил мужчина.

– Знаю Гобояна. Один из самых уважаемых людей в наших краях. Тебе повезло, что он занимался тобой.

– Неужели?

– Ты у него первый постоялец за десятки лет. Какие ещё тебе нужны доказательства? Ну а теперь в путь.

Фигуры людей, одна высокая и крепкая, как скальная глыба, и вторая, ссутулившаяся, значительно ниже ростом, двинулись в сторону чёрной полосы леса, очертившей горизонт. Вдалеке ухнул филин, и на его голос коротко отозвалась лиса. Луна взбиралась к своему апогею и разливалась по ковру поля серым светом.

Гобоян приоткрыл правый глаз. Сквозь мутную пелену слюдяного овала окна брезжил начинающий рассвет. Он услышал шаги и еле слышные реплики снаружи дома. Вернулись, – подумал старик. Затем закрыл глаза и погрузился назад в пучины сна.

Миша снова очнулся лежащим в стогу душистого сена. В том же самом, где он был днём ранее. События минувшей ночи ожили у него в памяти. Мужчина сел и осмотрел своё тело. Невредим. Чувствовал он себя уже второй день великолепно. Такого безупречного здоровья, а главное энергии в собственном организме, он не ощущал, пожалуй, с далёкого детства. Словно изнутри вымыли дочиста все препятствия, что засорили организм. Зрение стало чуть ли не идеальным.

В разломе приоткрытой двери амбара появилась несуразно большая голова Кроса, и что-то печально откликнулось в Мишиной утробе недобрым предчувствием.

– Ну и горазд ты, чужеземец, спать! – прогрохотал Крос и заразительно рассмеялся.

– Погуляли бы с моё, – возразил мужчина, – а сколько сейчас?

– Чего сколько?

– Который час?

– Солнце в зените. У нас днём работать принято. Так что поднимайся, перекуси, и принимайся за дело.

Миша побурчал, но подчинился. Следуя за великаном, он вышел на двор, где под деревянным навесом за небольшим столом сидел Гобоян. Михаил подошёл, поздоровался и наклонился на еду, будто увидел ту впервые за несколько дней. Блюда были не замысловатыми. Зелень, огурцы, картошка, холодное свежее мясо, чуть ли не таявшее во рту. Миша макал хлеб из муки грубого помола в пасту из хрена и зелени, с наслаждением отправлял его в рот и жмурился от остроты.

Насытившись, он привалился к стене и с трудом выдохнул. Огладил собственное брюхо и в очередной раз подивился тому, что лишний жир на нём таял как лёд на солнце.

– Налопался? – подмигнул Михаилу Крос, указывая на живот.

– Божественно! Обожаю деревенскую стряпню. Я как в детство возвращаюсь. Знали бы вы, как готовит моя матушка! Пирог у неё – чистый антистресс! Лишь пузо с них разносит. Я на них свою талию променял, – захихикал Миша. – А здесь поправился! Не возьму в толк, каким образом.

Гобоян невозмутимо посмотрел Михаилу в глаза: – А ещё какие-нибудь недуги исчезли?

– Конечно! Зрение. Раньше был слеп как крот. А теперь без очков, а вижу прекрасно! У вас что здесь – лечебный курорт? Если такой существует – это невероятная ценность! Вы только подумайте, сколько можно было бы заработать де...

– Во-первых, крот не слепой. Не обижай беззащитного зверька, а во-вторых, – Гобоян перебил Мишу, затем переглянулся с Кросом, подошёл к гостю вплотную и припал ухом к его груди. – Они действительно уходят! – удовлетворённо закончил он.

– Кто уходит? – удивился Михаил.

– Чёрные пчёлы. Так их зовут. Проклятые создания, появившиеся чуть ли не одновременно с сотворением мира. Когда они селятся в человеке, тот начинает хворать. Они облюбовывают себе какое-нибудь местечко в теле и начинают в нём плодиться. Где человека сглазили, туда они и приходят. Если у того нет сил сопротивляться, по малолетству ли, или ещё по множеству причин, то конец. Пчёлы станут охотно размножаться дальше и могут до смерти заесть беднягу.

– Это что, значит у меня пчёлы? – испуганно воскликнул Миша.

– Да. И их было довольно много.

– В большинстве своём пчёлы не приходят сами. Их натравливают злые люди, – добавил Крос. – Возможно, ты кого-то обидел, Миша, или перешёл дорогу колдуну. Те могут из человека решето сделать. Наделать в нём отверстий величиной с куриное яйцо. И тогда в каждую из этих дыр зайдут чёрные пчёлы. Человек этак может и за день сгинуть. Я видал такое.

– Чаще дырки в несчастных остаются по вине родных, – вновь заговорил старик. – Те повинны в том, что тащат от детей всю силу на себя. Обнажают их перед вторжением. Случись повод, и пчёлы воспользуются беззащитностью ребёнка... Однако причин твоего заражения

мы не знаем. Но волноваться больше нет необходимости. Пчёлы от тебя уходят. День-два и покинут совсем. Для нашего воздуха они слишком слабы. Вероятно, на тебя их напустил ничёмный человек, слабак. Возможно даже, что по ошибке. Такое случается. Ты их и сам бы выгнал, если бы перестал сомневаться во всём и просто начал работать над телом и душой. Но, запомни, здесь, в наших местах, такого слабого заражения уже не встретишь. Наш народ крепок. Оттого и подход к ним иной. Хочешь выжить – теперь тебе следует опасаться местных пчёл. Тех, что с тёмной стороны подле Вырии. Те тебя нынешнего за день в могилу положат. Пчёлы это страшное, первобытное зло, Миша. Нельзя их недооценивать и потакать своим слабостям тоже нельзя. Чтобы им противостоять, надо быть сильным, очень сильным. Ты здесь не гость, а мишень!

Михаил посмотрел на великана и тот с абсолютно серьёзным лицом кивнул.

– Ну вот, вместо того, чтобы поддержать человека после тяжёлой ночи, вы на меня снова страхи наводите, – промычал мужчина.

– Это лишь первый урок. Держись, Миша! Судьба тебе вернула здоровье и молодость, но отныне за них придётся бороться, – подмигнул Гобоян. – Твои тело и дух потребуют ежедневной закали!

До вечера Михаил колот дрова и складывал их штабелями за сооружённое ограждение. Несмотря на то, что физический труд не входил в число его любимых занятий, дело неплохо спорилось. Работа давалась легко и даже с наслаждением от происходящего. Мужчина замечал, что время от времени снаружи у ограды останавливались люди понаблюдать за ним. Они смеялись и качали головами. Но никто не переступал границы участка дома. Миша махал колуном, затем, заметив гостей, прерывался и, размазывая стекающий по груди пот, кивал зрителям: – Что, мол, уставились? Есть вопросы?

Однако никто вопросов не задавал. Миша уже уловил, что Гобоян не только пользовался уважением соседей, но и внушал им некий страх. Старик вне всяких сомнений обладал специфическими знаниями о природе края и, Михаил не исключал того, что был местным знахарем. Вполне вероятно, что отныне мужчина мог пользоваться иммунитетом в деревне и не сильно волноваться за собственную шкуру. Повторения истории у столба, скорее всего не будет. Во всяком случае до той поры, пока Гобоян того не захочет сам. Противостоять ему будет не просто.

Миша оглянулся на Кроса, что ковырялся вместе со старцем в копне травы у амбара, и попытался представить возможный поединок с великаном. Однако, что он не выдумывал, всё одно кончалось свёрнутой Мишиной шеей.

Пока мужчина работал, он ни разу не вспомнил о прежней жизни. С каждым часом она становилась всё дальше от его мыслей и всё меньше цепляла сравнением с нынешней реальностью. Будто улепётывающие чёрные пчёлы уносили воспоминания с собой в неизвестность. Незаметно для него настоящее довольно скоро заполонило собой все уголки и закоулки разума. И как ни странно Миша уже стал получать удовольствие от новой действительности. Радовался растущей в нём силе и сноровке. Свободе от таявшего на глазах груза не столько лишнего веса, сколько всей накопленной тяжести представления о себе самом. Пребывая в монотонном труде на дворе старика, вдыхая напоенный ароматами разомлевших на солнце трав воздух, ему как-то разом стало понятно, что он постоянно был чем-то озабочен прежде. Был скован надуманными запретами, именуемыми комплексами, которые отчего-то потеряли теперь свои основания. С огромным удовольствием он ощущал теперь себя без этой давящей груди ответственности за дела, которые не имели никакого значения для его жизни. Для его настоящего призвания. Так что же это было ранее? Жалкая куча уловок скрыть себя от мира, спрятаться в некоем деятельном бездействии? Наконец-то, с уходом пчёл он стал как очищенный от ядовитых примесей раствор. Кристально чистая жидкость в наполовину освобожденном стакане. Теперь он готов наполниться новым содержанием.

Вечером, когда солнце окрасило золотом венец крыши дома старика, Гобоян пришёл к Михаилу и принёс ему еды. Они вместе отужинали, и старик высоко оценил проделанную мужчиной работу.

– Ты на правильном пути. Нужно будет время, чтобы почувствовать себя здесь своим. Но ты это преодолеешь с лёгкостью. Ты даже не представляешь, насколько одарён от природы, – сказал старик.

– И всё же мне хотелось бы знать надолго ли я здесь? Смогу ли ещё увидеть свой прежний дом?

– Это неизвестно никому. Твой путь, каким бы он ни казался, ты сможешь пройти достойно, если примешь его, прежде всего, сердцем и перестанешь сомневаться в правильности. В твоей голове много вопросов. И, поверь мне, я знаю, что они требуют ответа. Но порой, чтобы узнать его, приходится прожить жизнь. Наверное, на это она нам и дана, чтобы мы находили ответы на вопросы: почему я живу так, а не иначе? почему я оказался именно тут? зачем я живу? Но на все них отвечает лишь тот путь, что оказывается пройденным до конца. Оставленные за спиной сады или руины на нём. И тогда важным становится лишь то, укоряем ли мы себя за многочисленные ошибки или с удовлетворением оглянемся снова на содеянные дела. О том, почему путь прошёл именно по тем местам, что прошёл, и среди тех людей, что встретились на нём, поумневший в пути странник уже не спрашивает. Вот и ты перестань сомневаться. Ступай той дорогой, что встретила. Если ты не изменишь своему доброму сердцу, а я вижу, что оно такое, не поддашься соблазну предательства, ты способен совершить что-то очень правильное. И потом, если ты снова спросишь судьбу, почему она распорядилась тобой так, что ты был вынужден оставить прежний дом, ты спросишь об этом без сожаления. И, возможно, тогда получишь верный ответ.

– Я очень надеюсь на то, что ты прав, Гобоян. Потому что за каких-то два дня я утратил опору в жизни, а новую обрести не успел. Произошедшее чудо заставляет в себя поверить, но разум так быстро не сдаётся. Он находит всему объяснения, в том числе, связывая излечение зрения с тайной операцией, и отметаёт прочь чёрных пчёл. Ему требуются доказательства повнушительнее купающихся ночью в пруду девиц.

– И я боюсь, что очень скоро ты их получишь, – тяжело вздохнул старик.

– Что ж, как бы то ни было, просто знай о том, что я доверился тебе. Прошу не предай меня.

Старик кивнул и не отвёл глаз.

– А где же великан? – Миша стал оглядываться, сбегая от прежней темы разговора.

– Не волнуйся, – старик усмехнулся, – Крос друг. Ты можешь доверять ему также как и мне. Мы с ним знакомы очень и очень давно. Он мой соратник во многих делах. И рядом с прудом, где тебя забирала русалка, он оказался не случайно.

– Тайны, тайны! Сплошные загадки, а не жизнь у вас, – Михаил откинулся на спину и зевнул. – Как я раньше жил без этого? – он прикрыл глаза и, не прошло и десятка секунд, как погрузился в глубокий сон, убаюкиваемый вечерними песнями птиц и стрекотом сверчков. И снилась ему большая солнечная дорога, которая вела его к месту, что он искал всю свою жизнь.

Миша продолжал жить у Гобояна. Впрочем, как старик и предсказывал, деваться тому всё равно было некуда. День за днём он всё ближе знакомился с миром, в котором очутился и, чем больше его узнавал, тем больше начинал искренне к нему привязываться. Благодаря покровительству Гобояна, Михаил чувствовал себя в деревне защищённым от чужих нападков. Он решил, что пришла пора строить отношения с соседями самостоятельно и сам пошёл к Алексе, поскольку верил, что действительно нанёс ему оскорбление тем самым непрошенным вторже-

нием. Он сам вызвался отработать долг и исполнил намерение с наилучшим старанием. За два дня Миша перекопал прилегающий к лесу невозделанный кусок участка Алексы и помог его жене с оградой для курятника. Он помирился с Пропом, детям которого вырезал по забавной игрушке из березы. Вскоре про добрые дела и способности Михаила разнеслась весть по всей деревне, после чего каждый при встрече с ним уважительно здоровался, а молодые девушки застенчиво краснели и хихикали.

С помощью местного кузнеца по имени Свагор Миша изготовил себе инструменты и организовал в сарае у Гобояна настоящую мастерскую, где с огромным удовольствием занялся трудом, который знал и любил – изготовлением поделок из дерева. Благо разного материала для заготовок здесь хватало, а нужные растворы и краски ему помогал готовить старик из растений, толк в которых он знал лучше любой энциклопедии.

Михаил изготовил и себе и своему гостеприимному хозяину новую резную посуду с причудливым узором выщегося плюща. Выварил ее в льняном масле, а затем обработал воском. Краски из лука, ромашки, того же льна и прочих доступных растений не были такими же яркими как синтетические, что Миша покупал в Златоусте, но выглядели довольно живыми. В любом случае его игрушки и поделки казались местной детворе, да и их родителям по-настоящему волшебными. Не прошло и десятка дней с того момента, как Михаил взялся за своё ремесло, а слух о его способностях облетел окрестные поселения.

В один из вечеров Гобоян был особо словоохотлив и немало рассказал Мише о своей земле. Он старательно начертил на песке план страны Одинты, в которой они находились с расположенными в ней деревнями и городами. Нарисовал дороги и границы, очерченные реками, лесами и горами. Вышло вот что:

Миша был впечатлен и тут же потребовал от старика обещания в скором времени провезти его по всей стране, но Гобоян увильнул от ответа. Сославшись на то, что всему придёт своё время, он устранился от дальнейших вопросов и удалился спать. А перед уходом заявил,

что художник из него, увы, никудышный, поэтому стёр чертёж на песке, как будто его там и не было.

Но оброненное слово не вернуть. И с того дня Михаил невольно стал подмечать появление чужаков в деревне, с чем те приезжают и какие вопросы стараются решить. Смотрел, как его соседи собирались в путь на гружённых товаром повозках и завидовал им. Вскоре Миша узнал, что чуть ли не главным промыслом деревни, что охотно скупался на стороне, были ткани. Пользуясь случаем, Миша как-то раз попросил, запрягавшего лошадь Пропа, взять с собой на базар несколько Мишиных поделок. Попробовать сбыть их, если получится. Тот взял, а к вечеру привёз назад две тяжёлые медные монеты с изображенным на них профилем бородатого воина в шлеме.

Миша не мог оценить выгоды продажи, поскольку не знал цены товара, но очень обрадовался тому, что тот пришёлся кому-то по вкусу. Он поспешил домой и предъявил Гобояну полученный заработок в качестве взноса за потребляемую пищу и кров над головой. Не сказать, чтобы старик был доволен, но в ходе недолгого обмена мнениями был вынужден признать за Мишей право вывозить поделки на продажу. С того дня Михаил с удвоенной энергией принялся трудиться и при случае выезжал сам с попутчиками по окрестным сёлам и деревням для обмена собственных изделий на требуемые в хозяйстве товары.

Надо признать, что поселения Одинты были похожи друг на друга почти как две капли воды. Похожие дома с участками, перекрестье дорог, где образовывалась торговая площадь. На ней же возвышался традиционный позорный столб, служивший местом общественного судилища. Все они на первый взгляд казались одинаковыми и только тем, кто хоть раз оказывался к такому столбу привязанным, его было не спутать с другими никогда. И ощущения близости с местом позора забыть оказалось совсем не просто, что Миша мог подтвердить на собственном опыте.

Он уже почти ничем не отличался от жителей этого края. Лишнего веса у него не осталось, руки от работы загрубели, а мышцы окрепли. Зоркостью зрения он не уступал лучшим охотникам Одинты. И прищур голубых глаз на скуластом лице теперь возникал только от улыбки. К тому же Михаил начал отращивать бороду, что накинуло его внешности не только лет, но и брутального сходства с соседями.

Оказываясь за пределами деревни, Миша изредка встречал одинокие жилища одной или двух семей, которые слыли отшельниками и сторонились организованной жизни в обществе. Отшельники охотно рассматривали товар, гружённый на телеги, и в случае, если им что-нибудь нравилось, покупали почти не торгуясь. Соседка по деревне рассказала Мише, что у отшельников всегда в достатке денег, ведь, как правило, они выполняли частные заказы по таким специфическим вопросам, на решение которых мало кто отваживался. Например, по поиску того, что лежало за пределами Одинты, в столь опасных местах, куда не решались соваться простолюдины. Либо по содействию в разрешении сложного спора. Промысел рискующих жизнью смельчаков сулил немало звонких монет. Впрочем, что именно добывали охотники и какое посредничество устраивали, пояснить было трудно. Это зависело от заказчиков и их не всегда чистых намерений. Женщина сказала лишь, что никто, даже обученные воины царя Одинты, не рисковали соваться в те места, куда забредали иные отшельники.

Михаил колесил с удовольствием по новой для себя земле. Он примечал ранее не виданные растения, был пленён пейзажами богатой красками природы. Здесь, в этих местах, именно она являлась главным действующим лицом мира. Никакие машины и агрегаты, которыми был перенасыщен мир прежней Мишиной жизни, не присутствовали в Одинте и не отвлекали на себя внимание. Не загромождали мир суетой и шумом, не мутили небесный свет отравленными газами. Здесь не скрывали от глаз солнце многометровые стены высотных домов, утопленные в реках и озерах асфальтового покрытия, давно пожравшего траву.

Он путешествовал, сидя пассажиром в телеге, либо шёл подле неё и любовался дикой порослью цветов, яркими всполохами красного, синего, желтого, раскрасившими зелёные холсты полей. Он пьянел с ароматов, поднимающихся к небу от этой прекрасной и удивительно чистой земли.

То, что напугало Мишу в ночь его побега, преувеличенное фантазией потерявшего связь с природой городского жителя, нынче казалось весьма дружелюбным. Разноголосые птицы, перебегающие дорогу зверушки, вызывали только улыбку. Во всяком случае днём. И пускай он ни разу так и не собрался вернуться именно к тем местам, где его отыскал Крос, Михаил стал убеждён в том, что они так же безобидны, как и все остальные. Природа и человек стремились здесь к гармоничному союзу, где превыше всего было уважение прав и интересов друг друга, которым некий неписанный закон придал статус приоритетных. И лишь преступивший черту этого закона мог навлечь на себя справедливый гнев.

Поскольку его подопечный увлекся путешествиями, Гобоян не преминул воспользоваться сложившимся положением и стал нагружать Михаила поручениями найти и привезти ему ту или иную траву или коренья. Несколько раз старик отправлял Мишу напрямик к отшельнику по имени Сослав, который жил вдалеке от деревни, и встречал посыльного старика на краю дикого леса. Сослав передавал Михаилу некие особенные травы, либо кульки со спрятанным в них содержимым. Мужчина никогда не знал каким. Когда дело касалось секретов, Гобоян не стеснялся в выражениях и открыто предупреждал Мишу о том, что тот может лишиться головы, если сунет свой нос куда не следует. А Михаил, не понаслышке знающий возможности старика, после подобных предупреждений даже и не помышлял о нарушении запрета.

Так, день за днем приближался день летнего солнцестояния, который здесь, как ни странно, именовали Купала, что очень походило на название праздника самого длинного дня в году из прошлой Мишиной жизни – дня Ивана Купалы. Надо отметить, что в лексиконе нынешнего окружения мужчины нередко встречались слова, которые не имели корней двух и более вековой давности. В их числе, например, были иностранные слова, что пришли в Россию в двадцатом веке. Миша несколько раз слышал слово секс, казавшееся здесь, как минимум, неуместным. И если поначалу он не обращал на то внимания, то после задумался о том, что эти слова могли быть привнесены в мир настоящего извне. Также как и он не сдерживался от упоминания городского наречия двадцать первого века. Слово за словом оно тоже могло прижиться. Вполне вероятно, что я далеко не первый, кто неожиданно свалился в сей мир, – думал мужчина и смотрел в горизонт, где, может быть, за каким-то морем и лежала его прежняя жизнь.

Все жители деревни постоянно болтали о предстоящем Купале, готовились к нему как к одному из самых больших праздников. Девушки шили наряды и запасались снедью для праздничной стряпни на стол. Мужчины сооружали на берегу пруда, что располагался рядом с деревней, настил для танцев и огромную жердь с опорами, предназначенную для поднятия в ночь. Миша тоже принимал участие в подготовке, делал изящные дудочки и оснастку для бубнов, звуки которых должны были раскрасить праздник.

За несколько дней до него Михаил увязался с обозом тканей, что шёл в город Порог, столицу Одинты. Согласно народным приметам со дня на день ожидался крупный дождь, и хозяин обоза охотно откликнулся на Мишину просьбу сопровождать его. По размытой дождем дороге телеги довольно часто съезжали с пути, либо вязли в размякшей земле. Пара крепких рук на такой случай никогда не была лишней.

Поначалу Гобоян был категорически против того, чтобы Миша уезжал, тем более в город. Он всегда скептически отзывался о нём и его публике, называя тех оплотом безнравственности. Более того, Михаил замечал, как старик начинал нервничать лишь только мужчина заводил речь о том, что он хочет познакомиться с тем, как организована жизнь в государстве, посмотр-

реть на оплот его правления и каменные стены башен. Старик ворчал, что в том нет никакого толка. Если Миша видел правление в своём мире, то должен был бы знать, что отличия могут быть лишь в цвете мантий. Во всём другом государи до смешного схожи, даже если это и не бросается в глаза сразу. И риск опалить крылья о блеск власти тем выше, чем ближе к нему подлетаешь! Тем не менее, мужчина не оставлял настойчивых попыток и в результате своего добился. Он вырос в эпоху индустриализации и развития компьютерных технологий, когда человек привык получать необходимую информацию простым нажатием кнопки. Здесь такой кнопкой мог бы оказаться Гобоян, но тот хранил в себе сведения похлеще банковского сейфа. А тяга Миши к информации об окружающем никуда не делась. Он не мог жить, полагаясь исключительно на благосклонность старика и слепой случай. Он хотел действовать. И в тот раз старик махнул рукой: – Езжай на все стороны!

Миша добился своего, а ведь такое раньше с ним случалось нечасто. Конечно же, предоставленный отныне куда чаще самому себе, он размышлял о переменах, которые происходили с ним не только во внешности и остроте органов чувств, но и в характере. Много из того, что он сегодня воспринимал как само собой разумеющееся, ранее навеяло бы на него страх. Ведь он никогда не ввязывался в конфликты и при случае сторонился проблем. Доходило до того, что зачастую он не решался требовать сдачу в магазине, если продавец вдруг забывал её отдать. Михаил не умел настаивать на своём, предпочитая уходить от трудностей с головой в тень, где вопрос если не сегодня, то завтра как-нибудь да разрешится без его участия.

То ли дело теперь. Теперь он мог и хотел бросить вызов. Он разговаривал, не пряча собственный взгляд на земле, а смотрел собеседнику в лицо. Он умел и, главное, желал отстаивать собственные мысли и интересы даже перед тем, кто заведомо был сильнее его. Не юлил, а выражал готовность бороться до конца, что оценивали все, с кем он имел дело.

Вполне возможно, заключал Миша, происшедшие перемены явились лишь реакцией на новую реальность. Где по-другому крайне трудно прожить. Где суровые, но очень правильные законы общества гласят ни о том, что победу может одержать и хитрец, а о том, что лишь сильный духом достоин победы. И не одержит он её сегодня, значит, возьмет своё завтра, всего лишь потому, что жизнь любит сильных и правых. Ведь, как рассуждали местные жители, хитрости век совсем не долгов. Тот примитивный, не обросший условностями, суд, что вершился у столба в один день, действительно был для лукавства опасен. Далеко не всякому прохиндею удавалось от него сбежать. Прежний мир Миши таким похвастать не мог.

Однако, что касалось самого Миши, то, скорее всего, его настоящий характер только сейчас и просыпался заново. Давным-давно из-за свалившихся на него проблем со зрением и многочисленными болезнями, воля оказалась сломленной ещё на самой заре жизни. Он был подавлен и свергнут с того пути, что так желал. Он не стал цирковым артистом, не стал смельчаком, заигрывающим со смертью. Вместо этого, он опустился на дно жалости к себе и спрятался в тени спин других.

Это все чёрные пчёлы! Чёрные кровопийцы тела и души. Они сковали волю унынием и страхом. Теперь он узнал причину, но не получил ответа на то, кто сделал это с ним. Кто наслал на него такое проклятие и почему? Мужчина думал об этом, однако всерьёз не рассчитывал узнать правды.

Так или иначе, оковы рухнули здесь и сейчас. Его характер распрямил спину, окинул взглядом простирающийся перед ним мир и понял, что пора брать своё. Он не мог больше ждать, потому что пришла пора действовать.

Гобоян стоял у телеги, в которую была впряжена рыжая тягловая лошадь, лениво смахивающая хвостом с крупа мух. Она печально поводила глазами, пожёвывая ремни сбруи. И казалось, что вот-вот начнёт вздыхать, заразившись от старика его скверным настроением.

– Будь внимателен к деталям, не позволяй втягивать себя в споры и азартные игры, – в десятый раз повторял старик Михаилу, пока тот закреплял у борта телеги мешок с поделками, что взял с собой.

– Не волнуйся, Гобоян! Ну что я, маленький, право слово?! – начинал злиться Миша, а возница прыснул от смеха в кулак.

– Не спорь со мной! Ты ещё действительно мал для многих дел в таком месте как Порог. А ты, – обратился он уже к мужику с вожжами, – будешь смеяться, я тебя в лошадь превращу и поменяю с ней местами!

Мужик побледнел и замер, намертво вцепившись со страху в поводья.

Наконец, Миша управился с мешком, спрыгнул на землю и обнял старика: – Не переживай! Всего через день вернусь и привезу тебе гостинца. Я за себя постоять смогу.

– Да ты даже не знаешь, с кем можешь столкнуться. Сможет он, ... – старик запустил руку в складки собственного длиннополого балахона, достал оттуда камушек, сквозь который был продет тонкий кожаный шнурок, и надел его на голову Михаилу. – Это оберег. Сильный. Не снимай его ни при каких обстоятельствах. Рано он тебе достался, не созрел ты ещё. Но время побегало быстрее, чем я думал... – старец махнул на Мишу бледной костлявой рукой.

Тот спрятал камушек под рубашку и запрыгнул на телегу: – До свидания, Гобоян. Спасибо! И ты береги себя!

Обоз тронулся в путь. Тучи хоть и сгрудились в небе, наливаясь тяжёлой синевой, дождь из себя так и не разродили. Дорога вышла быстрой и спокойной, и уже к вечеру следующего дня путешествующие оказались у города. У большой каменной столицы Одинты, спрятавшейся за поясом высоких крепостных стен. Не доезжая ворот, возница остановил лошадь и стал закреплять холщовый полог над товаром в телеге, укрывая его от посторонних глаз и воришек. Миша встал, потянул затёкшие мышцы и с любопытством уставился на панораму каменных построек на фоне синеющих вдалеке хребтов гор. После деревенской глуши город внушал невольный трепет. Его, конечно, нельзя было сравнить с частоколом высоток современного мегаполиса, отличающегося и размером и содержанием. Но оттого Порог не переставал быть таким же выдающимся. Во всяком случае, подобного ему Миша никогда раньше не видел и если мог представить, то лишь по страницам древних летописей. Перед ним развернулась и лягала тёмным металлом ворот с реющим над ними флагштоком эра средневекового феодализма. На стенах крепости ходили воины в кованых латах, скрываясь за выступами каменных бойниц. А от самого города доносился запах печей и прогорклого масла.

Как и большинство старых славянских городов, столица раскинулась на пологом холме. Внутри поясов ограждений устроились поселения согласно занимаемому чину. Высшая знать и правление сосредоточились в самом центре. Въезд в город осуществлялся по широкому мосту, перекинутому через глубокий ров. У распахнутых, словно пасть, ворот массивной входной башни расположились с десятков вооружённых мечами стражников. После того как хозяин телеги закончил работу, они не спеша двинулись к воротам.

Повозку бегло осмотрел рыжий воин в грубой воловьей одежде и разрешил проезд. Вкатившись на мощённую камнем притолочь, Миша снова спрыгнул на ноги и пошёл с телегой рядом. Обоз направился по дороге вдоль внешней стены крепости, что с удалением от входа в город всё реже была замощена булыжником, а потом и вовсе превратилась в песчаную вязь. Не составляло труда представить в какой непролазный мрак она превращалась в дождь. Тут Миша не преминул про себя отметить, что каким бы мир не был, но в его родной стороне дураки и плохие дороги служили неизменными спутниками в любых измерениях.

Вскоре возникший повернул лошадь в проулок направо, и дорога пошла вверх. Идти стало труднее. Миша прижался боком к телеге и настороженно шагал в сужившемся пространстве улицы. Дома, очертившие границы проезда, были каменными лишь снизу. Чердаки и мансарды строили уже деревянными. Во всей своей массе дома эти вызвали гнетущее впечатление бедности и серости. Разноцветьем колыхалось лишь бельё владельцев, что сохло натянутым прямо на фасады.

– Здесь живёт всякое отребье, – будто услышав возникшие у Миши вопросы, неожиданно бросил хозяин телеги. – Бедняки, служки. В городе есть свои районы. Увидишь и другие, побогаче. Нам придётся проехать через него весь. Другого пути спуститься на противоположную сторону нет. А площадка для ночлега лишь там. Передохнём, а завтра, с утра пораньше отправимся на торжище.

Михаила план устраивал. Он даже не прочь был и подольше задержаться в Пороге, познакомиться с ним. Город показался Мише похожим на верхушку надутого пузыря. Все значимые постройки взбегали выше и выше к пупу, где образовался огороженный внутренними стенами детинец. Именно там расположился правитель Одинты вместе со своим семейством.

Спутники поднялись к первому поясу ограждения. За невысокими стенами толщиной в три камня разбегались улицы с одноэтажными жилыми домами, кабаками, мелкими мастерскими и лавками при них. Постройки тут выглядели чуть солиднее. При дворах имелись заборы, подле которых надрывали глотки сторожевые псы. Вечерняя жизнь только начиналась. Свободные от работы горожане празднично шатались по улицам, некоторые стремились в многочисленные увеселительные заведения, где подавали кружащие голову горячительные напитки. То и дело в воздухе звучали громкий смех, девичий визг, песни или отборная брань.

Несмотря на сделанный тент, Миша следил за повозкой, пока та переваливалась по неровностям дороги. Жуликов хватало и в этом мире, как успел он узнать от Гобояна. И ради того, чтобы не работать, иные смельчаки готовы были рискнуть собственной шкурой. Алекса был прав, воровство тут считалось одним из самых тяжких проступков. Это отмечало хотя бы то обстоятельство, что за убийство воришки особо не взыскивали, ограничиваясь незначительным денежным штрафом. И, несмотря на то, преступников меньше не становилось.

Вскоре путешественники миновали ещё один заградительный пояс города, обнесённый тёсанными кольями в два роста человека. За оградой расположились дома ещё богаче тех, что они оставили за спиной. Теперь встречались и большие терема в два, а то и три этажа. С резными наличниками на больших окнах, раскрашенными фигурками тотемных зверей и прочими атрибутами излишества, свидетельствующими о солидном достатке хозяев дома. Рядом с такими домами можно было заметить слуг и стойло для лошадей.

Миша заглядывался на дома богатых горожан и представлял собственные поделки, нашедшие там себе место. Наладив сбыт среди местной элиты, можно неплохо устроиться и в этом мире, – размышлял он. – Карьера на родном заводе не шибко складывалась, может здесь больше повезёт?

По улицам этой части города уже не шатались подвыпившие горожане, а чаще не спеша шествовали представители делового люда. Преимущественно их одежда была отделана мехом и украшена красивыми камнями в оправе из ценных металлов. Михаил не завидовал этим людям, но невольно проникался к ним уважением. Сколотить капитал в таких жизненных условиях, а, главное, защитить его – дорогого стоило.

К тому времени, когда они добрались до торговой площади, вытянувшейся вдоль главной дороги, солнце окончательно спряталось за горизонт. На смену ему вползал яркий полумесяц в россыпи алмазной пыли звёзд. Возница подгонял лошадь, мотая вожжами, но Миша выпросил у того пару минут отдыха. Когда ещё он окажется здесь снова? Нынешняя экскурсия была ему и радостью и глотком познания. Возвратиться в деревенский быт, ограниченный в большинстве

своём необразованными соседями, он ещё успеет. Если уж судьба распорядилась его жизнью, отправив в захолустье, он станет пробиваться в люди сам. Теперь Миша знал, что это возможно.

Он присел у колеса телеги на землю, выдернул из настила сухую травинку, приблизил на уровень глаз и рассматривал сквозь желтизну её ореола площадь. Грубые опоры рядов выстроились шеренгами в дюжину слоёв. Окончившийся день торговли завершался последней уборкой. Завозившиеся торгашаи заканчивали паковать тачки товаром и разъезжались прочь. Среди рядов оставались многочисленный мусор и объедки, к которым начали стекаться нищие.

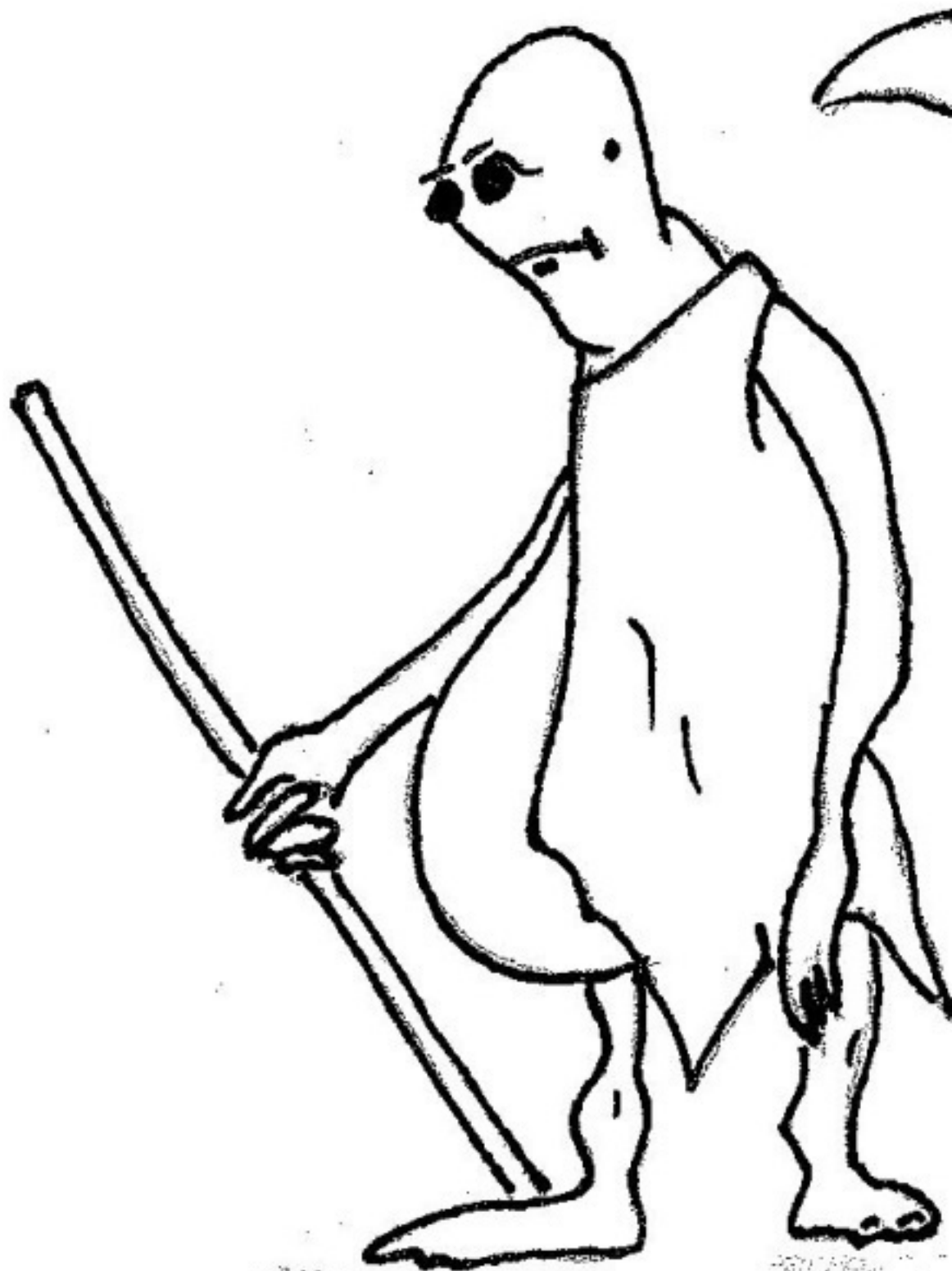
Мишин взгляд неторопливо переползал с одного места на другое. В тусклом свечении уличных факелов трудно было рассмотреть прискорбные следы торжища. Но ветер услужливо донёс до его носа сопутствующие запахи. Мужчина прикрыл лицо ладонью. Вдруг, он чуть не подпрыгнул от изумления. Михаил ухватил своего спутника за руку и указал пальцем в сторону группы незнакомцев.

– Это что? – возбуждённо задышал он, уставясь на неведомое существо, что на двух коротких ногах расположилось рядом с торговцами. Они о чём-то переговаривались и беззаботно хохотали.

– Где? – недоуменно ответил возница.

– Да вот же! Какой-то яйцоголовый монстр!

Он не мог отвести глаз от создания с вытянутой как дыня совершенно безволосой головой, которая без всякой шеи перетекала в наливающееся к земле грушеподобное туловище. Внизу туловища находился внушительный и круглый как шар живот, из которого торчали две короткие ноги с широкими, похожими на ласты ступнями. Руки существа были, напротив, несуразно длинными и доходили почти до земли. На голове необычного создания торчали два больших абсолютно чёрных глаза, под которыми протянулась расщелина рта. Носа не было. Ушей тоже. Только дырки по бокам на уровне глаз.

– А! Это рахия, – понял, наконец, Мишу его товарищ и рассмеялся, – прости, я не знал, что ты их раньше не видел. Этот народ живёт по соседству, в горах. Они тут часто бывают по торговым делам.

– Но это же какое-то животное! – не успокаивался Миша.

– Вовсе нет. Они же ведут себя почти как люди! Достаточно хорошо говорят на нашем языке. Да и вообще дружественный наммышлённый народ.

– Но откуда они взялись? Это что, эволюция каких-то видов?

– Напрасно ты их обижаешь. Рахии – древний народ. Не известно ещё, кто появился на земле первыми – они или мы. Высоко в горах их страна под названием Раскопия. Говорят, большая. Мало кто из людей там бывал. Но мы с ними дружим уже очень давно. Тебе просто в диковинку это видеть. Ну, так привыкай!

– Прости мои эмоции! Конечно ты прав, я не могу ставить себя выше их. Просто чудно! Сказать кому – не поверят!

– Я не знаю, откуда ты свалился, но видать рос там, где света белого не видел! Рахии – древний народ. Не тычь в него пальцем, иначе он тебе его живо обрежет. Веди себя пристойно и делай вид, что не удивляешься. Не позорь меня! Если бы не Гобоян, я бы... – спутник Миши беззвучно выругался, замолчал и, успокоившись, продолжил, – Всё, что можно было бы отыскать полезного для людей в горах, рахии приносят на базар. Камни, разные металлы, тамошние снадобья, да всё, что угодно. Мы даём им то, что хотят они, а они нам свои богатства в обмен. Все довольны. Эти связи ничем не хуже других. Понятно?

– Абсолютно, – Миша отвернулся от незнакомого существа, но то и дело бросал искоса в его сторону взгляды, пока рахия сам не заметил его. Выходец с гор пристально вгляделся в Михаила. Его лицо вытянулось в задумчивости на минуту, и затем он тут же поспешил с площади вон.

Возница тронул поводья лошади, и телега двинулась дальше. Михаил перешёл на сторону к своему спутнику: – Расскажи, пожалуйста, мне ещё про рахий! А кто из других созданий живёт в этих землях? Что там находится за горами? А ты ходил к большому морю?

Сперва его спутник пытался коротко отвечать, но потом как отрубил разом: – Мне нечего тебе рассказать! Я ничего толком не знаю. Мы здесь не привыкли лезть в чужие дела, ясно! У нас своих забот хватает. Тот, кто задаёт много вопросов, вызывает подозрение. Не стоит болтать попусту. Хочешь много знать – пытай своего дружка Гобояна!

Только после такой отповеди Михаил угомонился, и далее они шли молча. А вскоре добрались до стоянки, где отыскивали местечко для ночлега. С лошади сняли поводья, дугу и привязали к столбу. Развернули за оглобли телегу, чтоб та встала вплотную к стене, накидали под неё сена и кинули жребий, кому спать первым. Первому выпало хозяину повозки, отчего тот нырнул вниз и, не прошло и пары минут, как громогласно захрапел.

Миша улёгся на телегу сверху и за неимением лучшего стал разглядывать звёзды. Новая земля оказалась полна сюрпризов. За пределами деревни, где Мишина философия обрела было комфортные границы, таился иной, впечатляющий мир. Самоуспокоенность, что пришла к нему всего несколько дней назад, оказалась потревожена. Неизвестность с некоторых пор больше пугала его, нежели вызывала любопытство. А мог бы он оказаться готовым к таким поворотам? Конечно мог бы, если бы Гобоян оказался более разговорчив! Зачем что-то скрывать от него? В конце концов, всё это всего лишь знание, что позволит ему найти своё место в новой жизни. А раз уж старик взялся за опеку, он должен был вооружить знанием своего подопечного... Что ж, ему это так с рук не сойдёт. Он ещё вытянет из своего домовладельца всю подноготную!

В то время, когда Миша вёл внутренний диалог, лежа лицом к звёздам в Пороге, коренастый бородатый человек, на плечах и голове которого тряслась медвежья морда и шкура, скакал на гнедом жеребце в сторону леса Средень. Он нёсся, следуя по пересекающей поле, старой заброшенной, поросшей дикой травой, гужевой дороге, и яркая луна светила ему в спину.

Наездник резко осадил коня перед отвесной стеной лесной чащи и вскинул руку с зажатым в ней посохом: – Стоять! Вы, отродья бездны, вам закрыт сюда путь! Как вы смеете?

Чернота леса вскоре зашевелилась белыми пятнышками мёртвых глаз, приблизившихся к его границе. Они замигали безжизненным светом. Десятки, если не сотни пар глаз.

Всадник в шкуре яростно закричал: – Нет! Нет! Нееет! Вы не должны быть здесь! Уходите прочь! Иначе мы уничтожим каждого из вас вместе с вашими хозяевами! Вы ответите сполна за каждую отнятую жизнь! Гнусные порождения смерти! Огнём и мечом к вам! Огнём и мечом!

Он взмахнул в сторону чащи посохом, и с неба сорвалась короткая молния, полыхнувшая яркой вспышкой света по деревьям и спрятавшимся за ними тварям. Раздалось многократно повторившееся озлобленное шипение и стон. Будто сам лес завыл от причинённой ему боли.

Всадник кинул в их сторону победный клич, развернул коня и помчался обратно, долой от леса.

Утром Миша и его товарищ оказались на базарной площади, где с успехом сбыли весь привезённый товар. Мишины поделки вызвали немалый интерес, и мужчина получил заказов на добрый месяц вперёд. Однако, пока шла торговля он был рассредоточен, часто отвечал невпопад и терял из виду собственное имущество. Причиной тому стала любопытность, из-за которой Мишин взгляд то и дело блуждал среди толпы в надежде отыскать в ней рахий, либо иных существ, населявших этот мир. Товарищ Михаила ругал и одёргивал его, призывая к благоразумию, но быстро махнул на то рукой. В результате они рассорились, и весь обратный путь провели в молчании.

Прибыв в деревню, Миша поспешил к дому старика, приготовившись выпалить по нему залпом вопросов и даже претензий, вызванных утаиванием важной информации. Он распахнул дверь, но, готовое сорваться с языка, недовольство встало поперёк горла.

В доме помимо Гобояна за круглым столом восседали хорошо знакомый Мише Крос и неизвестный бородатый мужчина, рядом с которым на лавке покоилась мёртвая медвежья голова, устрашающе скалившая верхние клыки. Под потолком растянулся дым, поднимающийся от курительной трубки незнакомца. В лицо Мише ударил спёртый воздух натопленного, провонявшего потом воздуха. Присутствующие обернулись к нему, бегло оглядели и невозмутимо продолжили беседу.

– Их слишком много! Такого количества не знала ещё история наших мест, – сказал бородач. На вид ему было около пятидесяти лет. Лицо мужественное, испещрённое морщинами на загоревшей коже. Из-под густых бровей блестел пронзительный взгляд усталых глаз. Плечи и руки незнакомца были налиты натянувшей одежду силой.

– В любом случае, наша задача – не только остановить убийства, но и уберечь людей на Купалу. Сами знаете, что может случиться в эту ночь, – пробасил Крос.

– Это самый большой вызов за последние десятки лет, – согласился Гобоян.

– Но нас всего трое! – воскликнул бородач, – как мы это сделаем?

– Другого выхода нет. Это наш путь, – ответил старик. – Мы оказались у врат, нам и держать гостей.

Собеседники задумчиво опустили головы. Воцарилась гнетущая тишина, в которой было слышно потрескивание огня от толстых свечей.

– Я прошу прощения, что вторгаюсь в разговор, – вмешался Миша, – если речь идёт о деле, где пригодятся лишние руки, то они в вашем распоряжении. Я хотел сказать, вас не трое, а четверо!

Мужчины изумлённо обернулись к нему, и через мгновение бородач громко расхохотался. За ним не удержались и Крос с Гобояном.

– Что? Что не так? – Миша развёл руками.

– Он всегда такой? – вытирая выступившие на глаза от смеха слезы, спросил бородач.

– Миша меняется и очень быстро, – ответил старик, а затем повернулся к Михаилу: – Твои слова достойны настоящего мужа, твёрдого сердцем. Мы искренне благодарим тебя за проявленное участие, и прошу простить нам слабость, вырвавшуюся со смехом наружу. Дело вовсе не в тебе. Причиной всему волнение и тревога, что гложут нас уже много дней. Присядь рядом и послушай.

Миша налил себе брусничного кваса из кувшина, что стоял на столе и сел рядом со стариком. Он отогнал назойливую муху, безрассудно крутившуюся у него перед носом, и нечаянным ударом сбил её прямо себе в кружку. Опрокинутое навзничь насекомое закружилось по поверхности кваса, как заведённый экипаж на круговом треке. Крылья мухи оказались скованы приторными водами напитка, и её борьба с каждой секундой становилась всё слабее. Миша с любопытством наблюдал за попытками насекомого вырваться из лап смерти. За борьбой, в сущности, не имеющей перспектив для победы. И всё же муха продолжала биться...

– Прежде всего, я хочу познакомить тебя с нашим другом Арисом. Он суров с виду, но имеет доброе сердце и светлые намерения, – старик толкнул Мишу рукой, возвращая его внимание к себе, и кивнул на бородачю мужчину. – Арис владеет многими нужными знаниями и навыками. Такими, что и десятерым не под силу. Завоюешь его расположение к себе – обретешь преданного и верного друга... Итак, Крос, наверное, уже говорил тебе о Вырии. Стране забвения, что лежит за лесом под именем Средень и Забыть-рекой, протекающей за ним. Раньше мало кто отваживался даже называть эту страну по имени. Настолько велик у живых страх перед ней. Ведь Вырия – это страна мёртвых. Никто, попав туда, не может выйти назад невредимым. И никто вышедший оттуда не приходит в мир живых с добром. Там живёт лишь зло. Вот почему Забыть-река испокон веков охраняет раздел между нашими мирами, у которых нет ничего общего... До недавнего времени нечистые шалили в наших землях. Это происходило по тем законам, что были известны предкам ещё за тысячи лет до нас. Можно считать эти законы законами сотворения самого мира. Допустимость вмешательства мёртвых к живым жестока, но таковы правила соседства миров. Лёгкое трение, что позволило в своё время людям узнать обитателей Вырии ближе и выработать защитные меры. Ты, полагаю, тоже слышал что-нибудь об этом. Чеснок от упырей, переодевание от леших и прочая расхожая информация. От общения между мирами есть польза. Мы многому научились у смерти. Это нельзя не признать. Хоть порой и значительной ценой для себя. Люди любят риск, их сложно уберечь от неосторожных шагов, когда кажется, что вот-вот и они смогут обрести некий особый дар от смерти. Увы и ах. Законы соприкосновений миров были санкционированы самими живыми. Их любопытство выстелило дорогу к смерти. В прямом и переносном смысле... Однако серьёз никто с мертвецами дела не имел. Только ворожеи вроде нас. Но мы никогда не были излишне болтливы...

– Это я заметил, – пробубнил под нос Миша.

– ... с некоторых пор порядок нашего соседства изменился. Случайное баловство сменилось неприкрытой враждой. Закон оказался грубо нарушен. Всё чаще стали отмечаться случаи, когда на людей принялись нападать мертвецы, вышедшие из пустоши Вырии. Не волколаки и упыри, не лешии и водяные, а настоящие незалежные выродки с того света. Бесчувственные, озлобленные, навеки проклятые твари, движимые только одной целью убивать и ничего более.

И они находят оправдание своему насилию. Заявляют, что имеют права на тепло мира живых. Закон нарушается по праву. Такова версия Вырии.

– Чушь! – буркнул Арис.

– Вне всяких сомнений. Итак, первым был растерзан в месяц палет – зимой по-нашему – маленький мальчик, вошедший в лес за ягодами. Можно было бы подумать всякое, но мальчик был убит среди бела дня, а, как правило, нечистые неистовствуют только по ночам. Я сам осмотрел его выпотрошенное тело и нашёл повсюду следы ходячей мертвечины. Их мерзкую слизь. Впрочем, один случай в то время мы не сочли тенденцией. И тревога тогда ещё не завладела нами. Однако чуть позже был найден ещё один труп. Истерзанное тело девчонки, что также днём играла с младшим братом в прятки, после чего тот нашёл сестру со свернутой шеей и сошёл, бедняга, с ума. Этот случай был уже недели за три до сегодняшнего дня. И потом как прорвало... Убийства стали случаться каждый день. Люди позабыли дорогу к Среденю, ведь любой, кто окажется с ним рядом, рискует жизнью. Тебе крупно повезло, Миша, что ты выбрался наружу в ночь своего побега. Признаюсь, мне потребовалось немало труда вывести такого неверующего малого как ты оттуда. Пришлось призвать на помощь птицу-оборотня. Ты видел его как дятла. И далось мне это, поверь, не просто. И, насколько я помню, ты успел вкушать свою толику страха, который пронизал лес насквозь. А ведь ты даже не знал, кто таится среди деревьев. Зато это знаем мы. И, поверь, нам страшно. Очень... Однако, я отвлекся. Положение дел такого, что пока мы обсуждаем творящееся лишь в Средене. А ведь очагов опасности на границе Забыть-реки куда больше. Мы можем лишь догадываться о масштабах набирающей силу беды. Лишиться промысла в лесу – ерунда. Это люди могут перенести. Помимо Среденя в наших местах немало лесов. Но главное, что теперь мы знаем – сама граница между мирами разрушена! А это уже верный признак опасности, грозящей всему мироустройству. Чем ближе Купала, тем мёртвых в лесу становится всё больше. Он дышит сиплыми глотками нежити, наводнившей его. И мы слышим это дыхание тоже. Всё громче и громче.

– Всё громче и громче, – повторил Крос, потупив взор.

– Фантастика! – воскликнул Миша.

– Увы, нет. Уже реальность. Убедиться в этом ты можешь, если отправишься на прогулку в лес. Не желаешь?

Миша энергично замотал головой.

– Что ж, как бы то ни было, я думаю, что убедиться в моих словах ты сможешь и на нашей стороне. В ночь Купалы мёртвые придут сами. Таково их право.

– Право, ради реализации которого они и пришли в Средень! Их десятки тысяч. Я видел всё это своими собственными глазами, – подтвердил Арис. – Если эта армия побежит беспрепятственно в мир, целым поселениям настанет конец. Этой деревне, как ближайшей к лесу, уж точно.

– И что же делать? – Миша заглянул в глаза каждому из собеседников за столом, – что делать? Здесь же наши дома!

– Для поиска ответа на твой вопрос мы и собрались здесь, – ответил Крос.

– Решение есть, – кивнул Гобоян, – самое простое и самое верное из всех. Мы примем бой! Если хочешь помочь, мне кажется, я найду для тебя задание, – хлопнул он Мишу по плечу, а затем поднялся на ноги. – Завтра праздник Купалы. В эту ночь мы не сомкнём глаз. Разбредайтесь по дому и ложитесь отдыхать. Нам понадобятся силы. Много сил.

На искусно выдолбленном из бордового гранита троне сидел Руперт – царь страны Раскопии и повелитель её славного народа – рахий. Своей широкой ступнёй он обнимал круглый камень красивого малахита и катал его по каменному полу будто мяч. Он перекатывал его

с мягким стуком переваливающихся неровностей, словно пытался сгладить их и превратить камень в безупречную сферу. Затем остановил движение и резким ударом скинул малахит вниз, где тот запрыгал по ступеням и ударился о стену, у которой сидели главные лица Раскопии, составлявшие её государственный совет. Жрец, главнокомандующий, казначей, ведун-астролог и глава секретной охраны. Члены самой охраны и другие подданные рангом ниже не имели права быть в тронном зале царя. Только самые близкие.

Казначей поднял отскочивший к нему камень и положил его рядом на каменную скамью: – То, что касается людей, не должно волновать нас, – вымолвил он на древнем языке рахий, звучащим словно кромсание тесаком стеблей хрустящей травы. Столько в нём было согласных звуков и почти не было гласных.

– Не должно, говоришь? А за счёт чего ты собираешься пополнять казну? И кто кроме обнищавшего человечества даст тебе клубни картошки и репы? Кто вырастит столь привычную для нас пищу? Может лироги вдруг расщедрятся? Или ты вдруг научился это делать сам на наших камнях? – изумился жрец, – Хочешь, чтоб мы с голоду подошли все?

– Ты жрец, ты и думай, как нам выкручиваться! Давно бы нашёл способ вернуть мир с лирогами, что живут по другую сторону гор, – не унимался казначей. – Там наши предки растили пищу. Там и наша земля по праву! Любой мир лучше войны. Прояви хитрость в переговорах, умилостиви хранителей и, глядишь, земля людей нам больше не станет нужна. Каждый должен делать свою работу и предлагать план спасения, а не отправлять свой народ на самоубийство! Ты, что не знаешь, что встать против мёртвых, это не путь рахий? Разве тебе неизвестно, кто послал их к людям? Дни тех сочтены, это же очевидно! Воеводы Порога и Экурода заросли жиром от безделья. Людям конец! Другое дело мы. На нашей стороне сама природа! Пусть враг ещё попробует вскарабкаться в горы! Мы тварей сюда не пустим. Запрёмся и всего делов!

– Среди людей появился летун, – вмешался военначальник, и воцарилась тишина. – Один из наших торговцев видел его в Пороге на днях. Говорит, спутать невозможно. Если это так, то надежда есть. Народ рахий никогда не боялся войны. Мы не искали её, но если у границ нашей земли, у тех, кого мы считали своими друзьями, появились враги, мы не сможем оставаться в стороне! Я хочу, чтобы мои дети росли в свободной стране, а не оказались заперты на всю жизнь в бесплодных камнях!

– И с кем ты собрался тягаться со своими топорами, а? – не унимался казначей. – Идти войной против мёртвых, которых даже огонь людей не берёт? Или криками своими запугать их думаешь?

– Да пошёл ты!

– Сам пошёл!

– Хватит! Молчать! – прикрикнул на разошедшихся подчинённых Руперт. – Я довольно послушал ваших распрей, чтобы принять решение. Твои трусливые речи, Зарух, – обратился царь к казначею, – я могу объяснить только тем, что ты рос без отца, и тебе некому было рассказать, что доблесть мужчины не только, и не сколько в том, чтобы сохранить свою шкуру целой, а в том, чтобы рискнуть ей, если это может спасти жизни других. Воевода прав, рахии не прячутся по кустам, когда миру грозит беда, но и лезть на рожон мы не станем. Отправьте разведчика к людям присмотреться к избранному летуну. Пусть проявит себя, чтобы знать наверняка. И если то, что сказал воевода окажется правдой, он сам придёт к нам. А если нет... Мы примем бой, поскольку всё одно, мир будет обречён.

Глава 3. Солнцестояние.

Уже с раннего утра дня Купалы в деревне стояла кутерьма. Девушки соревновались в плетении венков из огромного количества съедобных корней, трав и цветов, что были собраны

на заре. Каждая хотела, чтобы её венок стал особенным, обладал силой, вплетённого в него символа и колдовского знака. Они знали секреты, которые хранились именно в их семьях и вживляли символы в свои венки с надеждой на удачу. В доме, что находился ближним к избе Гобояна, молодая русоволосая девушка Варя заканчивала приготовление своего первого после совершеннолетия венка и думала в эти минуты только о своём парне Мокше и его веснушчатой улыбке. Она представляла ямочки на его щеках, и улыбалась, будто те были подле неё сейчас, а на её спине ощущалась тёплая мужская ладонь. От приятных мыслей она чуть смущалась и невольно отворачивала лицо от окна, подле которого сидела. Уже скоро ночь Купалы, и она увидится с возлюбленным.

Парни таскали к деревенскому пруду, у которого должен был развернуться праздник, сухую ветошь и деревья, что были срублены накануне. Там, у берега они вязали основы для костров, что испокон веков жгли в честь Купалы их предки. Вот и Мокша был тут. С разлетевшимися соломой волосами он без усталости рубил в перелеске кустарник и обхватывал затем прутья в снопы. В перерывах парень разгибал спину, запрокидывал голову, искал скрытое среди спутавшихся ветвей солнце и улыбался ему. Скоро я разожгу огонь в честь тебя, Варя, – думал Мокша и счастливый продолжал трудиться.

В предстоящую ночь очищающий огонь, как символ людской радости, должен был воспылать в темноте, очистить от скверны самих людей у него собравшихся и отогнать зло, если то окажется рядом. В Купалу верили, что огонь, разгоревшийся в ночи, убьёт всякую нежить, для которой эта ночь является их временем. Ведь огонь Купалы – огонь самого солнца, испепеляющий мертвецов. Тот выманит зло к себе, а потом сожжёт дотла! В честь древней клятвы сотворения самого мира.

Каждый из людей, и особенно дети, мечтали получить в Купалу знание, которое они искали. Растение своей семьи они закапывали под венцами домов с западной стороны или, кто посмелее, на другом берегу водоёма, у которого собирались жечь праздничные костры. Откапывая затем его утром назад и съедая кусок, можно было открыть загаданный секрет. Так находили порой потерявшиеся вещи или узнавали имя своего будущего супруга. Те же, кто брался в Купалу за ворожбу, могли получить оберег или магический предмет большой силы. Случалось и такое, что вместо оберега являлся союзник человека в облике живого существа и, если человеку везло, союзник мог помочь с чем-нибудь, или дать совет. Бывали, правда, случаи, когда союзник жестоко убивал несчастного, разрывая в ярости на части. Но в деревне о таких не слыхали.

Нечисть Вырии тянуло в ночь Купалы к людям как мотылька к огню. Каждый знал, что в день солнцестояния открываются ворота мёртвым в мир живых. Особенно тем, кто в обычные дни ни за что не мог пересечь границу. Вылазки в Купалу приносили тварям вдвое больше выгоды, нежели в другую ночь. Оттого те их так ждали. Живые тоже извлекали себе пользу. Они даже могли войти на территорию смерти, но мало кто этим пользовался. На земле живых в эту ночь и без того открывалось немало секретов. Это был день законного обмена миров. Тот, о котором говорил старик Мише. Особый день соседства. Не всегда доброго, ведь сюда шли не только души мирных умерших пообщаться с бывшими домочадцами, или любопытствующие лешие, утопленники и прочие незалежные мертвецы, но и упыри и оборотни. Те, кто рвался в свой бывший мир, чтобы крушить его, кто жаждал лишь его тёплой крови. Чтобы уберечься от таких мужики деревни уже до полудня затыкали под крыши домов крапиву и ветки репейника. Читали отговоры и готовили деревянные орудия. Не факт, что зло может ворваться в столь страшном облике, но на Купалу возможно было всякое.

И всё же возможные выгоды от взаимопроникновения миров делали людей куда покладистее. Колдовскую пользу Купалы спешили извлечь многие. Пожалуй, в каждом жилище было приготовлено по кувшину, который ночью следовало наполнить водой из пруда, где проснутся не только утопленники, но и русалки. Такой водой потом лечились и окропляли от беды окна.

Готовили и жернова с зерном, чтобы молоть муку непременно в эту ночь, дабы потом печь хлеб, начинённый её силой. Готовились люди собирать и особые травы. Жаждали узнать секреты, обрести богатство и покровителя с той стороны. Много чем был знатен Купала. Наверное, самый важный день, и для живых и мёртвых.

Проснувшиеся с рассветом старик и его гости тоже взялись за работу. Предстояло приготовить многое. Гобоян раздавал указания, и Миша послушно следовал им, украдкой поглядывая на своих новых товарищей, как те ловко управляют с обработкой неизвестных мужчине растений и готовят из них сырьё. Ближе к полудню приготовления были окончены. Готовым скарбом наполнились увесистые холщовые сумки. Товарищи наскоро перекусили, повесили сумки на плечи и двинулись в сторону крайнего навеса на западной оконечности деревни.

В расположившуюся под навесом конюшню, зашёл Арис и вскоре вернулся, ведя под уздцы трёх сильных молодых коней. Их напоили из корыта, в котором Гобоян размещал приготовленное свежее снадобье. Животные будто вспыхнули изнутри: глаза их увеличились, шерсть приподнялась над шкурой, выступила испарина. Они принялись бешено бить ногами на месте, словно хотели скинуть невидимых наездников. Дикие голоса коней разрывали перепонки и заставили Мишу спрятаться за оградой. Но, вскоре они уgomонились, и тогда Арис, накинув узду на каждого коня, раздал поводья Гобояну и Кросу, а одни оставил у себя.

Прежде чем сесть на коня самому, Арис помог Мише взобраться на спину животного, что тот проделал далеко не с первого раза.

– Ты что, верхом не ездил? – удивился бородач.

– Конечно нет! С изобретением машин животных оставили в покое!

– Трудно тебе придётся, брат, – вздохнул Арис и тронул за уздечку, нагоняя уехавших вперёд товарищей. От непривычки быть верхом на лошади Миша всю дорогу молил небо сохранить ему в целостности причинное место, нещадно стучащееся о спину и холку животного. Арис оказался прав – легко не было.

Вскоре процессия покинувших деревню мужчин миновала первую сосновую рощу, за ней березовую, обогнула стороной ряд прудов с заросшими высоченным камышом берегами. Проскакала под утёсом крутого холма и выскочила на заброшенную дорогу к огромному полю. Взлетая с холма на холм, компания всадников выехала на поле и стала приближаться к тому самому пресловутому лесу, где Миша, заблудившись, чуть не расстался с жизнью. Теперь коварный лес обрёл имя – Средень.

Чем ближе становилась стена леса, раскинувшегося на границе Одинты, тем сильнее чувствовался его запах, что доносил ветер с западной стороны. Это был отвратительный запах гнили, словно идущий от открытого гигантского скотомогильника. Затем ветер усилился. Он неожиданно стал набирать обороты, ударяя порывами по людям и едва не опрокидывая их, покуда яростный натиск не превратился в непрерывный шквал, сквозь который кони еле тащились вперёд. Уже не так стало важно, какие запахи нёс набравший силу ураган. Всадники закрыли глаза, вжались в своих коней и лишь скрипели зубами от натуги.

Высокая трава поля превратилась в стелящийся в нескольких сантиметрах над землей живой ковёр, который трепыхался под разбушевавшейся стихией. Ветви деревьев вытянулись по ветру, будто ищущие помощи руки, обнимающие собственные стволы как тела, защищая их от внешней угрозы. А неистовый ветер рвал и терзал их, отнимая лист за листом, и ломая ветви, словно человеческие кости.

Не сговариваясь, что было бы и невозможно в таком положении, всадники остановились и насилиу спешили с коней. Гобоян, упираясь изо всех сил ступнями, медленно пошёл вперёд. Прошёл с десятков метров и воткнул перед собой в старую межу посох. Затем достал из сумы венки и повесил его на верхушку посоха. Ветер словно взвыл от досады, взорвав ушные перепонки высокой нотой.

Мише показалось, что находиться за спиной Гобояна стало безопаснее. Крос и Арис разошлись по сторонам вправо и влево чуть позади старика и также воткнули посохи в землю. Как только на них легли такие же венки, ветер за образованной стеной почти стих, и воцарилась тишина.

– Щит готов, – Гобоян наделил именем проделанную работу, – теперь отнимем у них волю!

Арис вогнал за щитом в землю кол, к которому привязал коней, затем преклонил колено и достал из наплечной сумки пучок сухой травы, кусок дерева и палочку для огнива. Крос выложил рядом несколько чёрных камней угля. Старик тоже полез в свою сумку и достал оттуда закрытую крышкой ступку с белёсым раствором. Он вышел за границы сооружённой треугольником стены и пучком смоченной в растворе травы стал обводить вокруг защиты круг. Пока Гобоян мазал траву, он бормотал что-то под нос на незнакомом Мише наречии, повышая голос всё выше и выше, покуда не свёл круг, чуть ли не крича. Михаил тоже снял сумку с плеч и с любопытством наблюдал за движениями товарищей.

Арис растёр палочкой в дереве огонь, бережно выложил его на землю и стал подносить к огню один за другим куски угля. После того как все они занялись пламенем, он сложил уголь в кучку. Язычки огня заплясали по чёрным бокам древесных камней, бросая искры вверх. Товарищи застыли вокруг ещё так несмело дрожащего пламени, смотрясь букашками на фоне грозной громады леса и той чёрной силы, что сгрудилась там. И только они сами верили, что смогут не только выстоять, но и победить зло, спасая надежду на выживание всего мира.

Ещё не успело до конца стемнеть, как веселая беготня и игры, разгоревшиеся в деревне, вылились на берег пруда, где людей дожидались главные мгновения праздника. Девушки расплетали косы и вставляли в волосы заговоренные растения, ребята подняли над землей огромный шест, воткнули его в заготовленную яму и самый расторопный закрепил на вершине шеста колесо, к которому привязал черепа собаки, лошади, коровы и кошки.

Как только последние отблески солнца сползли с мира за горизонт, мужчины запалили костры и окружили их. За накрытыми едой и напитками столами зашумела жизнь. Хмельной квас и настойки плескались в чарках, вздымаемых вверх под пламенные речи раздурманенных людей. Яркий свет горящих костров осветил землю и пруд. Воздух нагрелся вблизи огня подобно солнечному свету, и празднующие запели во славу Купалы и цветения жизни в его лучах.

Холостые парни и девушки, взявшись за руки, принялись скакать через огонь и заклинать друг друга в супружеском союзе. Среди них были и Варя с Мокшей. Они разбегались и, отталкиваясь от земли, будто парили над алыми языками огня, переносясь на другую его сторону. Жар обжигал их руки, но они их ни разу не отняли друг от друга. Глаза пар оставались соединёнными взглядом, которому неведом был ни страх огня, ни другой из стихий, поскольку тот сам был ею. И, наверное, самой сильной из всех, по имени любовь.

Напрыгавшись через огонь, молодые стали обливаться водой и звать свои пассии в друзья и подруги. Ребята гонялись за нравившимися им девчонками и старались стащить с тех одежду, чтобы заполучить их как знак будущего союза. Место у пруда зашумело хмельными играми и смехом.

Тем временем, Алекса первым из мужчин деревни, схватил из груды камень и попытался сбить им какой-нибудь из черепов наверху шеста. За ним следом это стали пробовать другие. Ведь сбить череп – всё равно, что дать в глаз колдуну или колдунье. Далеко не всем такой трюк удавался, но раз за разом прилетавшие в цель камни вскоре оставили на колесе лишь осколки белых костей. Подвыпивший Алекса выхватил горящую ветку из костра и полез с нею

наверх шеста. Там он зажѣг колесо и счастливый сполз назад на землю, где принялся горлопанивать о незавидной доле нечистой силы и бесплодности её попыток взять его лично, Алексу, за потроха.

Под взошедшей над головами празднующих луной многие принялись скидывать одежды и полезли купаться в пруд, отчего, и без того шумная, ночь наполнилась визгом и плеском воды. Дети подпалили в огне факелы и стали носиться с ними вокруг пруда и дразнить купающихся. Двое парней подожгли деревянные колеса и стали гонять их палками по земле и раскиданной кругом соломе. Теряя кусочки пламени, те оставляли за собой дорожки красных искр, будто отражение гроздей звѣзд на небе. На чёрном небе самой короткой ночи в году.

– Первые пошли, – проговорил Арис, указывая пальцем в сторону леса.

Миша присмотрелся и увидел, как из-за деревьев на открытое пространство поля стали выбираться бледные фигуры похожие на людей. Они шли не спеша, будто переваливаясь с ноги на ногу. Друг за другом, строем, следом за которым вышагивали всё новые и новые гости. Среди этой толпы, наплывающей колеблющейся стеной на широкое поле, замелькали отдельные фигуры, шныряющие из стороны в сторону куда быстрее, чем основная масса пришельцев.

– Держим их! – закричал Гобоян и побежал к центральному посоху.

Следом за ним к своим посохам, торчащим в земле, побежали Арис и Крос. Миша заметался внутри треугольника, не понимая, что делать ему. Товарищи сняли с высоких палок, наброшенные на них венки, и надели себе на шею как обереги. Затем каждый привязался длинным поясом к посоху, как животное на выпасе, достал из кожаных ножен меч и занял боевую стойку.

– Миша, поднеси нам углей! – крикнул Крос. – По несколько головок каждому! И держи наготове, чтобы разжечь следующие. И не дай погаснуть огню! Ни за что на свете не дай, я тебя заклинаю!

Михаил натянул кожаные перчатки Кроса и отнёс к ногам своих товарищей по несколько кусков горящего угля. Затем он вернулся к сильно похудевшему огню и приготовился подпитать его новым топливом.

Первыми к месту их боевого лагеря подоспели летучие мыши. Они оказались гораздо крупнее особей, о которых когда-нибудь читал или слышал Миша. Мыши размером с кошку налетели на лагерь, но тут же разбились о невидимую стену, которую простѣр над собой нарисованный Гобояном круг. Они озлобленно зашипели, обнажив желтые клыки и стали виться вокруг стены, создавая ощущение тѣмного водоворота, внутри которого оказались заперты люди.

За мышами подоспели волки. Те также были куда больше привычных волков. Задние их лапы превосходили передние, как у зайца, и волки, то и дело, вставали на них, вытягиваясь мордой к небу. Словно хотели остаться на двух ногах и пуститься в рукопашную с людьми в круге. Тут уже старик, Крос и Арис опустили мечи в угли и принялись наотмашь рубить окруживших их тварей. Раздался оглушающий гвалт крика поверженных и яростного рѣва вырожденков, что напирала за ними следом.

Миша обхватил голову руками и в ужасе смотрел на битву, до конца не понимая на каком свете он находится и видит ли всё происходящее собственными глазами. Его голова закружилась от страха, а к горлу подкатил комок, сдавливающий дыхание. Он присел на корточки и стал раскачиваться из стороны в сторону, поддавшись охватившей его панике. Спустя время, сквозь нахлынувший туман отрешѣнности, к нему стал пробиваться какой-то крик. Миша повѣл глазами по сторонам и сквозь пелену на глазах разглядел фигуру Ариса, который кричал на него.

Миша покачал головой, показывая, что не может ничего разобрать. Он даже что-то сказал Арису в ответ о том, как он сожалеет. Но тот тоже, видимо ни черта не слышал. Тогда Михаил махнул товарищу рукой, и неожиданно к нему вернулся слух и стали явственно слышны прежние звуки битвы, развернувшейся на границе магического круга. Оказалось, что до сего момента мужчина сжимал ладонями собственные уши, неосознанно отгородившись от реальности.

– Огня! Дай же, гром тебя раздери, огня! – в который раз истошно орал ему Арис.

Миша неуклюже поднялся с земли, схватил угли и отнёс товарищу. Тот немедленно окропил меч в огне и продолжил сечь врага.

– Жги ещё!

– Что?

– Жги ещё уголь! Быстрее! – не оборачиваясь, прокричал Арис, и Михаил побежал к костру.

Гобоян рубил уже далеко не так проворно, как в начале боя. Силы его покидали, а твари лишь усиливали натиск. За волками к кругу пришли мертвецы. Те были медлительны и не особо поворотливы, но имели одну неприятнейшую особенность – некоторые из них могли входить в круг. Как ни странно, мёртвые оставались ещё в чём-то людьми и заклинание стены далеко не всех их сдерживало. Безотказно оно работало только против чистого зла, рождённого подле Вырии. К счастью, обереги воинов сияли для мертвецов пламенем, напрочь лишаящим их зрения. И те тыкались как слепые котята, позволяя рубить себя почти беспрепятственно.

Бледные, с холодной слизистой кожей мертвецы подходили и подходили из леса. Казалось, не было видно конца и края этой страшной армии. Неожиданно Крос воскликнул: – Упырь! – и выхватив из вражеской толчеи худое тело в оборванной одежде, кинул его в круг.

Незнакомец вскочил на ноги, зашипел и уставился на Мишу, который оказался ближе всех к нему. Он распахнул рот и обнажил огромные кривые клыки, торчащие из чёрных зловонных дёсен. Михаил в ужасе зашарил руками вокруг себя в поисках оружия, а упырь в два счёта подпрыгнул к нему и протянул костлявую руку с обломками ногтей.

Миша заорал и замолотил по воздуху кулаками, как вдруг огромная ладонь Кроса шлёпнула упыря по затылку и тот воткнулся мордой в землю. Великан проворно накинул на шею гада верёвку и прибил её клином к земле.

– Никуда не денется, – бросил он в сторону Миши, – он нужен нам живой. Жги угли и готовься сменить Гобояна! – добавил он и тут же бросился обратно на оставленную позицию, куда успели пролезть уже полдюжины мертвецов.

Не спуская глаз с упыря на привязи, Михаил бросил в тлеющий костёр новых углей, а готовые понёс на позиции. Он заметил, что старик еле держится на ногах, но силы у него ещё оставались и рубил он точно. Миша сменил бы его прямо сейчас, но боялся. Как он справится с мечом, если никогда раньше этого не делал? Цена ошибки могла оказаться роковой, ведь недобитые мертвецы всю продолжали жить и ползти, даже если у них оказывалась перерубленной спина. Их зубы клацали жадной убийства, и только отсечение головы могло прекратить этот омерзительный звук.

Среди мёртвых, лезших из леса, стали попадаться и другие создания, некоторые даже похожие на людей. Это были и заросшие гнилым мхом двуногие существа, и сгорбленные коротконогие твари, скачущие будто гориллы, и прочие удивительные организмы, без всякого сомнения, враждебно настроенные к людям. Они ревели и силились оторваться от притяжения к начертанному Гобояном кругу, но лишь у единиц это получалось. И всякий раз, если такое случалось, старик кричал от досады.

Скоро Гобоян бросил свой пост, пришёл к Мише и свалился с ним рядом у огня: – Иди теперь ты. Мне нужно навести заклинания. Иначе они прорвутся дальше. И так уже некоторых упустили, – он часто дышал и тёр красные глаза пальцами. Затем старик сунул Михаилу в руку

меч и соединил на его рукоятке Мишины пальцы, – иди и бей выродков! В них нет ничего, кроме жажды нашей крови. Не обращай внимания на то, что они выглядят как люди. Это уже давно не так. Они лишь злобные твари, что не преминут вонзить зубы тебе в горло. Не жалея никого и руби со всей силы! Иди же, – он накинул мужчине свой венок на шею и толкнул в сторону посоха.

Миша на нетвёрдых ногах пошёл на позицию. Первый удар у него вышел осторожным и вялым, будто он боялся обидеть жертву и причинить ей лишние страдания. Но, после того, как мертвец чуть не вонзил гнилые зубы ему в плечо, Миша словно очнулся и стал рубить со всей силы, хоть и делал это крайне неумело. Меч у него постоянно застревал в мышцах и костях жертв, отчего приходилось тратить драгоценные силы, чтобы вытаскивать его обратно. Не говоря уже о том, что ему катастрофически не везло с ударами по шее! Перерубить её с первого раза оказалось практически невозможно. Требовалось ударить раз пять, если не больше. Впрочем, как успел заметить Миша, достаточно было перерубить тем шею, как мозг твари терял связь с телом, а зубы переставали двигаться. Мужчина продолжал воевать так, как у него выходило. Учебный класс по основам ведения боя он проходил прямо тут, на первом же практическом занятии.

Как казалось Михаилу с того момента, как он взял в руки меч, по меньшей мере, миновал двенадцати раундовый поединок. Его плечи и руки ныли от суставной боли, а пальцы еле сжимали плетёную медью рукоять. В минуту, когда он готов был уронить меч на землю и сдаться, к нему подскочил сзади Крос: – Трави меч в огне! Почему ты не окунаешь его туда? Рубить станет легче! На, держи, – Крос сунул в зубы Мише какую то ягоду.

Михаил разжевал её, и в голове рассыпался фонтан ярких искр. По телу пробежал ток сильнейшего возбуждения, и во взоре наступила кристальная ясность. Мише словно сделали инъекцию мощного энергетика. Мышцы налились снова силой, и мужчина продолжил бой, будто едва его начал.

Окропив меч огнём тлеющего рядом угля, что он сам же сюда и принёс, рубить стало вдвое легче. Меч входил в плоть будто в сало и резал почти беспрепятственно. Стоило лишь поднажать и точно ударить, как головы врага действительно полетели с плеч на землю. Михаил чертыхался, что не пользовался этой возможностью ранее.

Гобоян, тем временем, кидал на угли не известную Мише траву и сдувал поднимающийся от её горения дым в сторону леса. Он произносил заклинания, проговаривая некоторые по несколько раз подряд, словно буддист мантру. Весь ритуал старик провёл на коленях, прижимая ко лбу ладони. Его языческие жесты чем-то походили на движения современных христиан, но только отдалённо. Сейчас Мише некогда было удивляться этому смешению верований, но подсудно он копил вопросы, требующие ответа в будущем.

Вскоре Гобоян обхватил ладонями голову и зашептал: – Я прошу прощения у тебя земля за все дурные поступки, что совершил сам и совершили другие люди. Прости и ты нас ради того, чтобы дать шанс сделать этот мир лучше. Не дай исчезнуть в небытие вот так. Не от рук и клыков этих тварей. И не в эту ночь. Ещё слишком рано для смерти. Главное сражение впереди!

Пока у пруда шумело безудержное веселье, разгорались всё новые и новые костры, а хмельные глотки разливали в поднебесье любимые песни, Мокша схватил Варю за руку и потащил к берёзовой роще. Они бежали и смеялись, опьянённые праздником и друг другом. Наткнувшись на поваленное, поросшее мхом дерево, они остановились.

Мокша уселся на ствол первым и посадил Варю себе на колени. Та сняла с головы благоухающий, напитавшийся влагой ночи венки Иван-да-Марьи, и надела его на Мокшу, расправ-

ляя листки над глазами: – Знай, что теперь ты мой суженый! Если будешь верным, я отдамся тебе всей своей жизнью, всё сделаю для тебя!

– И я всё сделаю для тебя, Варька! Буду работать и растить наших детей. Пойдёшь за меня?

– Пойду, – не раздумывая, шепнула девушка, и склонилась к губам жениха.

Слившиеся в страстном поцелуе молодые люди, на время утратили связь с окружающим. Они растворились друг в друге, зарождая яркую как солнечный блеск надежду на счастливое будущее. Их тела стали одним телом, отдавшимся биению слившихся сердец. За этим стуком они не смогли заметить появление в кустах можжевельника остроносой, обтянутой сухой кожей морды твари, бывшей некогда человеком. Тварь потянула ноздрями запах молодой плоти и задрожала от возбуждения. Вцепившись в дерн когтями, она стремительно бросилась к ничего не подозревающей паре. Вонзила длинные зубы в шею парня и с клокотом втянула брызнувшую из рваной раны кровь. Мокша зажмурился от нечеловеческой боли, затем как-то сразу обмяк и рухнул замертво у ног не успевшей стать ему женой Вари.

Девушка закричала, вскочила на ноги и, не удержав равновесия, свалилась за поваленное дерево. Тварь оставила уже испитую жертву и приблизилась к девушке. Убийца склонила уродливую голову и раскрыла перепачканную кровью пасть. В глазах Вари на мгновение успела отразиться луна, окрасившаяся в красный цвет. Затем они закрылись навсегда.

Миша продолжал рубить нежить, почти не чувствуя тела. Словно машина он поднимал и опускал тяжёлый меч, снова и снова. Время от времени Крос скармливал ему и, судя по всему, себе с Арисом, по чудодейственной ягоде. Однако та энергия, которую отдавала ягода ранее, почти уже не возбуждала. Она вспыхивала будто горсть пороха и тут же сгорала внутри. Выработалось привыкание. И кто знает, сколько ещё продержались бы в бою отважные защитники, если бы не первые проблески рассвета, появившиеся у горизонта на востоке. Серый край отступающей темноты окрасился розовой пастелью.

Нечисть озлоблено зашипела и стала нехотя отступать к лесу. Те, кто замешкался, быстро начинали терять контроль над собой и крутились юлой на месте, жалобно крича визгливыми голосами. Встающее солнце начало жечь и кусать их, опрокидывая в волны боли. Крос и Арис пошли за отступающими и беспощадно добивали тех, кого настигали в поле. Миша обессилен сел на землю там, где стоял ранее, и уронил к ногам меч, покрытый вонючей слизью убитых. Он не мог даже пошевелить головой и лишь исподлобья наблюдал, как Гобоян подобрался к пленённому Кросом упырю и накинул на него свой плащ. Упырь, до того момента, спешно зарывающийся худыми руками в землю, облегчённо вздохнул.

– Обещаю тебе, что убью быстро и не позволю мучительно истлеть на солнце, если расскажешь, откуда вас столько появилось в лесу! Я не верю, что вы собрались сами. Кто вас, тварей, согнал сюда? Кто руководит вами? Он послал вас на верную гибель, ты же видишь сам! – воскликнул Гобоян, обращаясь к упырю.

– Мы пришли нести смерть вам! – зашипела тварь, роняя на землю ядовитую слюну из поганого рта, – Таков уговор. Это предупреждение вам, живым! Отныне мёртвые идут на царствование в свои земли, принадлежащие по праву! Прочь с дороги, жалкие слабаки! Что вы можете против нас?

– Ну, пока что это ты у меня на привязи, а не наоборот! Разве мало мы показали сегодня? Припрутся другие – и им достанется сполна! О каком таком праве ты тут толкуешь, мразь? Здесь земли живых. Вы своё отбегали, отправившись за Забыть-реку. Нет никакого права, ублюдок! С чего ты его выдумал?

– Можешь кричать что хочешь, но владыка Вырии вернулся домой! – упырь тьявал из-под укрытия, сверкая бусинами чёрных глаз. – Он рассказал нам о наших правах. Вам всем конец! Скоро мы выйдем из Вырии, не страшась света, и заберём ваши дома!

– Заткнись! Этого не может быть! Луч травит ваше мерзкое племя. Он держит границу, за которую вам не вползти. С чего ты взял, что вас не водят за нос?

– Луч... Забудь про него! Того уже почти не стало. Проход скоро будет открыт. И мёртвые сотрут ваш воняющий жизнью мир! Повелитель вернёт нам отнятое тепло из вашей крови, что прольёт рекой над землёй. Мир принадлежит тем, кто вечен! Прочь с дороги, идут нов..., – не успел он договорить, как старик сорвал с твари плащ и в ярости пнул его ногой по клыкастой голове.

Упырь завопил, упав на догорающие угли живого костра. Край солнечного ореола уже показался из-за горизонта. Тварь забегала на привязи и стала драть когтями собственные бока. Словно снимая с них губительный свет вместе с кожей. Через несколько секунд обречённый упырь задымился и вспыхнул как сухая головёшка. Он упал на землю и прогорел там полностью, оставив на вытопанной траве скверно пахнущий пепел.

Гобоян подошёл к Мише, помог тому встать и сказал: – Мы должны дойти до леса, пока Купала ещё не испарился. Нам нужны его травы, ведь только в эту ночь они несут в себе нужные силы. Наш бой не завершён, а только начат.

Миша нехотя поднялся, взял в руки меч, и они потрусили в сторону Среденя. Шок происшедшего с ним начал бить мужчину ознобом. Зубы выстукивали дробь, а ладони охладели будто в заморозки. Вот и кончился отпуск, – подумал вдруг Михаил и бросил затравленный взгляд на своего старшего спутника. – Но почему я?

Тем временем, в деревне и подле неё выходцы из мира мёртвых искали убежища от восходившего в небо солнца. Несмотря на заслон, поставленный Гобояном и его товарищами, некоторые твари всё же добежали до людей. Они успели набедокурить, но не получили взамен обещанного Повелителем удовольствия. Кровь убитых ими людей и животных не заменила мёртвую плоть. С появлением света та стала гореть и плавиться, словно масло, причиняя невыносимую боль, сводящую с ума.

Те, кто успел добежать до воды, прыгали в пруд и затаивались на дне. Те, кому посчастливилось пробраться в дома, пытались забиться в самые тёмные их углы и шипели там, стуча гнилыми зубами. Остальные сгорали в страшной агонии снаружи.

Подвыпившие и забывшиеся в праздновании люди, поздно заметили присутствие реального, а не вымышленного, порождения зла в своей среде. После первой же стычки в пруду с русалкой, которая прорвалась к месту празднования, и накинулась на ничего не подозревавшего парня, люди стремительно покинули воду и стали вооружаться деревянными палками. Не досчитались девушки, которую та же покрытая язвами русалка успела утопить и свернуть в охватившем её возбуждении шею. Мужчины скинули в воду догорающий шест с остатками черепов воображаемых бесов, но из пруда послышался лишь отвратительный смех. Обряд уже не действовал.

Донеслась весть из деревни, что по улицам скачет упырь и нападает на людей, а скот погрызли шуликуны, отчего тот помирает на глазах. Ряженные и обнажённые люди побежали к своим домам. Они вооружались ножами, вилами, косами. Твари, что носились по их земле, возможно когда-то там и жили, но теперь ничего общего с ней не имели и пришли лишь затем, чтобы принести с собой боль и страдание. Люди бросились ловить их, а встретив нещадно рубили и колотили всем, чем не попадя.

Одного заморыша с неестественно огромной спиной и ручищами удалось прижать живым. Тот пытался спрятаться в доме одинокой пожилой женщины, но, подоспевший со своим товарищем, Проп накинул на него аркан. Гада выволокли на крыльцо и заставили мучиться на свету. Он вопил что есть сил, сбиваясь на предсмертный визг, покуда одним движением Проп не снёс ему полголовы косой. Останки поверженного быстро истлели, оставив владельцу дома на память горелый след на ступенях.

Некоторых удалось также изловить и прикончить, но большую часть работы всё же проделал небесный свет. Развернувшаяся в деревне битва была окончена. Настал черёд подсчитывать потери.

Миша с Гобояном довольно быстро добрались до леса. Ветер больше не дул им в лицо и не препятствовал движению. В утреннем воздухе стоял оглушающий запах разложения сотен тел тварей. Миша прижимал к носу траву, что ему дал старик, и только благодаря ей мог дышать. Показалось, что от смрада некуда уже будет здесь скрыться, и он навсегда искалечил эти места. Михаил с содроганием ступал между тлеющих останков и закрывал глаза, стараясь сбежать мыслями от реальности. Ему снова вспомнился прежний дом и спокойствие улиц Златоуста. Верните меня на родину, пожалуйста, – просил он небеса и беззвучно шевелил губами.

– Очнись, Миша! – окликнул его Крос, сидящий на границе леса, привалившись спиной к щербатой березе. Рядом с ним сидел Арис, который, как в чем ни бывало, жевал кусок сушёного мяса и запивал его водой из мешочка.

– Что вы делаете? – спросил у них изумлённый Миша.

– Завтракаем, – невозмутимо ответил Арис. – Угостить? – он махнул в сторону Миши сжатой меж пальцев бордовой полоской мяса.

Мишу чуть не вырвало, а друзья рассмеялись: – Ничего! Скоро привыкнешь! Это настоящая жизнь, не притворная. Не знаю, кем ты был раньше, но задатки воина в тебе нашлись. Молодец!

– Молодец, – подтвердил Гобоян сказанное, – ты храбро сражался. Без твоей помощи нам пришлось бы худо. На моём веку это первая стычка между мирами подобного масштаба. Никогда на Купалу не случалось такого массового вторжения! Мёртвые гостили, но не так, как мы видели в эту ночь. Это серьёзный вызов, друзья... Боюсь даже предположить, что будет дальше, если слова упыря окажутся правдой. Быть может нам суждено увидеть конец света своими глазами. Но, клянусь правдой этого мира, покуда последний вздох не застрял в моей груди, я буду биться с выродками и крушить их, как они того заслуживают! Им тут не место, что бы ни говорили, и мы не позволим забрать им жизни людей. Настоящие, а не после смерти. Те оставьте себе и подавитесь ими! – последние слова он выкрикнул в сторону чащи.

– Ну, а теперь, – продолжил старик, – нам пора собрать трофеи этого священного дня. – Вы знаете, что искать, – обратился он к Кросу и Арису. – А тебе, – он повернулся к Мише, – нужно найти цветущий папоротник. Я не смогу тебе помочь. Ты должен найти его сам. Представляешь, как он выглядит?

Миша покачал головой.

– Представь себе обычный папоротник. А тот, что нужен тебе, выглядит абсолютно также, только не ярко. Он несколько бледнее цвета листвы леса. Словно с него сошла кровь и выступила наружу в виде белого как снег цветка. Этот цветок может быть небольшим. Он может прятаться в листьях папоротника, укрываться ими. Но ты его найди. Не увидишь глазами – ищи сердцем. Рядом с папоротником могут сидеть змеи, что станут прыгать на тебя. Маловероятно, но могут. Спусти рукава рубахи пониже и просто будь осторожен. Найдёшь папоротник – выкопай весь куст из земли и торопись с ним из леса наружу. И ни в коем случае не

оборачивайся! За растением может потянуться шлейф духа хранителя, что одурманит и свалит тебя. Этот лес давно уже не наша земля. Он полон опасностей. Помните: не выпускайте из рук мечи! Твари не исчезли, они просто затаились и лишь ждут удобного случая убить каждого из нас. С особой жестокостью, ведь мы помешали планам их хозяина.

Мужчины взяли в руки оружие и вошли в чащу, где их пути разбежались в разные стороны. Звуки их голосов сгинули в чаще и только тогда из кустов в поле поднялась совершенно безволосая голова рахия с отверстиями вместо ушей и большими чёрными глазами навывкате. Рахия встал на ноги и быстрым шагом пошёл от леса в другую сторону. Его глаза увидели уже достаточно, чтобы сделать искомые выводы. Он подозвал из рожи коня, оседлал его и припустил рысью по направлению к далеким горам, что просыпались в предрассветной дымке.

Гобоян и его товарищи, неся на плечах набитые травами сумки, вернулись в деревню только ближе к вечеру. На её улицах слышался плач и причитания людей, потерявших в минувшую ночь друзей и близких. У ворот хлевов появились настилы, на которых почти повсеместно лежали трупы умерщвлённых животных: коров, лошадей, овец, коз. Чуть ли не каждое хозяйство осталось без кормилиц.

– Что это? – кинулась к старику седая женщина в затёртом до дыр сарафане, когда мужчины приблизились к дому Гобояна. – Ответь мне старик, как такое стало возможным, что твари, которых мы отваживаем от нашего мира, смогли напасть на живых? Откуда у них столько силы? Почему ты оставил деревню сегодня? Где же твои заклинания, а? Отвечай!

Гобоян насилу снял с себя руки женщины и двинулся дальше к дому.

– Ответь мне, где моя дочь? Ты же всё всегда видишь! Или ты теперь беспомощен, как ослепшая старая собака?... Где Варя, ответь мне, старик! Где? – женщина закричала в спину старцу. Затем вцепилась в свои спутанные на голове волосы, зашлась плачем и села у ограды на землю.

Миша хотел ей помочь, но Арис не позволил. Друзья прошли мимо.

– Она мертва, – пробубнил сам себе под нос старик.

– Что? – наклонился к нему Миша.

– Девушка мертва, – повторил Гобоян. – Мы не смогли их сдержать... Клянусь светом, они за это заплатят. Заплатят сполна!

У калитки дома старика его поджидали двое из старейшин деревни. Тех, как теперь уже знал Миша, сложно было с кем-нибудь спутать. Они почти всегда носили длинные, ниже колен балахоны и амулеты, болтающиеся на груди поверх одежды. Михаилу всё никак не удавалось разобрать, что на этих амулетах начертано: животные, символы, древние буквы, знаки? Вот и сейчас он приглядывался к круглому диску на груди одного из старейшин и гадал, действительно ли там клубок змей, что ему виделся, или это что-то иное.

– Здравствуй, Гобоян, – приветствовал старейшина, что был повыше ростом, – здравствуйте и вам, – он кивнул сопровождавшим старика мужчинам. – Выглядите измождёнными. Неужто, Купала так измучил?

– Да, в лесу заплутали. С погодой не повезло, – ответил Гобоян.

– А, ну как знаешь. Не хочешь отвечать, твоё дело. Мы в ваши дела не лезем, и, я надеюсь, ты ценишь эту тактичность. Но ты живешь среди нас, а, значит, должен был бы участвовать в жизни деревни. Это правило для всех.

– Пришла беда, Гобоян, – взял слово второй старейшина, – много людей пострадало, скот погиб. Может, дашь своё объяснение, как такое могло случиться?

– Сперва я хочу услышать ваше мнение, – ответил старик.

– Что ж, мы считаем, что лес утратил защитные функции. Случилось, что-то непоправимое и твари обрели силу покидать свои укрытия даже среди дня. Тебе хорошо известно о случаях, когда исчезали люди в лесу. По сведениям из Порога, первый случай произошел ещё более трёх недель тому назад. Значит, уже тогда начались изменения. Вот, что мы об этом думаем. Городской совет направлял охотников за нечистью, но толковых сведений собрать не удалось. Прозвучало только о некоем избранном, что пришёл в наш мир и угрожает Вырии. Но что это за человек и существует ли он, доподлинно не известно. Перспективы наши неясны, оттого мы утратили уверенность в будущем. Впрочем, надемся, что не так всё плачевно. Известный факт – людям нужно о чём-то судачить. Не раздул ли страх лишнего, как считаешь?.. Молчишь. Что ж, наша беда на лицо. Если не дать ей объяснения – люди станут искать врагов среди себя. Одинта существует на рубеже миров тысячи лет. Мы пережили всякое. Можно подумать, чего бы нам ещё бояться?! Но, знаешь, Гобоян, после минувшей ночи даже мы усомнились в твёрдости мира. И на душе, я признаюсь, тревожно. Ты хотел знать наше мнение, я тебе ответил. Теперь ответь и ты о своём мнении.

– Спасибо тебе, Сигур, за прямоту. Спасибо и за то, что оказываешь мне честь своим визитом. Тоже относится и к тебе, Кретож, – старик уважительно кивнул сперва старейшине низкого роста, затем высокого. – Вы правы. Кое-что изменилось. Мёртвые отныне сильны. Мы всегда их опасались, но знали, что те сидят на поводу. Однако теперь... Они сильны не только числом и мощью, но и поддержкой, что им оказывает существо самого высокого порядка. Если только его нельзя назвать самим злом! Мы не сможем противостоять им в открытом бою. Наша защита уже уязвлена, и не спрашивайте меня, как и где. Я сам пока не знаю достоверно. Мы должны рассчитывать на наши чары и колдовство в противостоянии злу, но очевидно, что без восстановления нарушенного баланса сил в самой природе, дни нашего мира сочтены. И то, сколько мы сможем продержаться, становится крайне важным в выигрыше времени для подбора и подготовки единственно верного ключа к решению проблемы. Я говорю, единственно верного, потому что убеждён – шансов спастись у нас совсем немного, и права на ошибку не будет. Также, следует принять ту мысль, что нынче людям не справиться в одиночку. Нравится это или нет, но царю Порога придется протянуть руку за помощью к нашим соседям. Мы стоим на границе. Нам принимать первый бой... Такое случалось и до него, теперь настала пора кланяться и ему. Следует заключить союз между людьми. Он послужит мобилизации войск тогда, когда на то придёт время.

– Гордыня Властула будет уязвлена. Он не пойдёт кланяться другим, тем более, когда доказательства угрозы так слабы. Мёртвый скот и люди нашей деревни не тронут его сердца.

– К лешему его гордыню! Захочет дать ей волю – пропадёт всё государство. А за ним и все земли живых! Напоминаю ещё раз – Одинта на границе Вырии, а не кто-либо другой. Не хочет жить сам – его право. Но делать своих подданных заложниками слепой гордыни – безумие! Уж, надеюсь, вы то это понимаете.

– Кто же ему об этом скажет? – хитро улыбнулся Сигур. – Ты, Гобоян, как владелец знаний и сил, перед которыми может преклонить колени сама природа, и есть самый надёжный докладчик. Тебя владыка Одинты не посмеет выставить за порог дворца. Испугай его и добьёшься результата!

– Отнюдь, дорогие старейшины, – ответил старик, – я всего простой слуга у событий, которые только пытаюсь понять. Где мне кого-то пугать! Я скромный исследователь законов нашего мира и куда больше привык слушать, чем говорить. Это право пока у вас, вам им и распорядиться. Однако, я не сказал, что мы должны спешить. Как ни прискорбно признать, но ты прав. Смерть даже нескольких людей – никогда не была поводом для беспокойства наделённых властью сего мира. Тут нужно, чтобы страшно стало ему самому. Мы найдём доказательства и станем действовать. Ещё не все побеги взошли у поля брани, не вся картина открыта нашему взору. А пока поддержите людей. Они сильно потревожены и нуждаются в заботе. Помогите

с похоронами. Докажем, что мы живы не только потому что ходим под солнцем, но и потому что имеем живые сердца, умеющие сострадать.

Гобоян и его друзья прошли по одному через калитку и направились к дому.

– Ещё один вопрос! – крикнул им в спину старейшина по имени Кретож. – Как нам хоронить погибших? Как прежде? Или лучше их сжечь как нечистых?

– Хороните по-людски, – ответил старик. – У тех тварей, что вырвались к деревне, уже не было яда обращения. Опасаться нечего. Соблюдайте обряд. Люди знают, как хоронить, так им и передай. А теперь прощай!

Гобоян открыл дверь дома и пустил внутрь всех своих спутников. Они опустились без сил на скамьи у стола. Там же скинули с себя скарб, гремя оружием о старые, но крепкие как камень доски пола.

– Мы должны отдохнуть, восстановить силы, – проговорил лишённым эмоций голосом старик. – Уже через день тебе, Миша, в сопровождении Ариса идти в Порог. Там он сведёт тебя с воином по имени Бореслав. Тот станет твоим учителем военного дела. Подготовка будет скорой и очень тяжёлой. Но без этого нельзя. Ты должен уметь противостоять чёрной и страшной силе, что захочет стереть тебя в порошок. И очень скоро откроет на тебя охоту. Нам придётся спешить. Извини, что без всяких прелюдий вываливаю это на тебя. Я слишком устал. Просто поверь мне. Твоя судьба предрешена.

– Но почему я? – Миша изумленно воскликнул, а старик поднял вверх руку, останавливая поток возмущённой речи.

– Ты скоро сам всё узнаешь. Прощу не мучь меня вопросами раньше времени. Ты и сам пока не готов к ответам, а после будет сложно что-то исправить из неверно понятого тобой сегодня. Слова, они как зерна, что попадают в податливую землю нашего сердца и души. Они живые и не хотят умирать, поэтому стремятся пустить корни и вырасти большим плодом внутри, либо вырваться наружу стремительным побегом и отцвести, оставляя после себя потомство. Эти потомки зачастую стремятся бежать дальше. Плодя за собой всё новые и новые побеги. Видишь, как важно, чтобы первое слово было безупречным? Ведь оно может породить за собой последователей, что обратят радость в страдание. И прежде чем бросать первое слово надо хорошенько осмотреть и пригладить его, сделать не только готовым донести смысл, но и не причинить зла. Ты не всегда сможешь повлиять на сказанное и его последствия. Но всё же ты будешь знать, что твоё слово было правильным. Было безупречным. Когда-нибудь почва твоего сердца высохнет, станет твёрдой как скала и научится сопротивляться ненужным, неправильно сказанным словам. Как наши сердца с Кросом и Арисом. Но пока ты ещё такой же человек как все. Ты восприимчив и слаб. И, знаешь что, быть может, это намного лучше. Иногда и мне хочется лечь, а затем проснуться наивным и беззаботным человеком, который не познал всего груза жизни. Может радоваться ей такой, какой она показывается с виду. Но прошлого не вернуть. Своей свободой я заплатил за знания.

– Что ж, я так понимаю, что выбора у меня всё равно нет? – спросил Миша, и его собеседники отрицательно качнули головами.

– Замечательно, – Михаил обиженно откинулся на лавку и лёг. – Тогда я буду спать.

– Вот и правильно. Завтра вечером я приоткрою тебе завесу. А теперь отдыхать, – Гобоян потушил свет и улёгся сам.

Утром следующего дня над деревней зазвучали древние песни о проводках душ в новый свет. Туда, где им уже давно открыта другая, более счастливая вечная доля. Родственники и близкие погибших гнали слёзы прочь. Им они уже давали волю, теперь те могли лишь принести

усопшим вред, наполнить их болью и привязать к местам скорби. А держать умерших в краю живых не следовало.

Соседка Гобояна, за один день навсегда постаревшая, пела песню о светлом крае, где парят кречеты в поднебесье, цветут алые маки и не покидают землю лето. Она нашла свою дочь. Бескровную, словно высохшая пустыня. И теперь старалась не смотреть на неё. Чтобы не сойти с ума от признания того, что утратила свою красавицу навсегда. Такую молодую. Такую жаждущую жизни и любви. И теперь Варя лежала в сколоченном узком новом доме гроба с оконцем в изголовье. На ней было надето простое народное венчальное платье. И глаза уже никогда не откроются.

В нескольких домах от них в домике, как здесь именовали гроб, матушка поправляла светлые кудри на голове своего сына – возлюбленного Вари – Мокши. Он лежал одетым в лучшую свою рубаху, совсем новые штаны, а на ногах были закрытые туфли из мягкой бараньей кожи. Как водится, в домик к покойному сложили дорогие ему вещи и всякое, что может пригодиться в путешествии на другой свет. Под рукой Мокши лежали длинный нож, и нагайка, березовая дудочка, на которой он любил играть для Вари. Там же лежал и венок, что ему приготовила невеста, с неаккуратно вплетённой ею туда травую забвения – чернобылем, и пара новой обуви на толстенной подошве. Мать этого красивого паренька глотала боль, не пуская ту на своё лицо. Зажимала рот и мысленно пела сыну любимую им с детства песню о красивой реке, что укутывает тёплой водой спрятавшиеся под утёсом деревья...

В каждом из домов, где были умершие, двери и окна оставили открытыми настежь. С еды и воды в бочках сняли крышки. А полные воды кружки поместили в изголовье домиков. Некоторые внутрь гробов положили длинные палки. Теперь душам усопших были готовы и чарка в дорогу, и крепкий посох, и открытый путь к новой жизни. Девять человек оказались убитыми. Девять жертв Купалы. Для деревни это был мор, катастрофа. А сколько жертв могло быть, не встань у мёртвых на пути старик со своими друзьями? Жители даже не догадывались и в этом было их счастье.

Гобоян, Крос, Арис и Миша проснулись чуть позже рассвета. Никто из них не вышел на улицу деревни. Их помощь там не требовалась. Только после того, как покойных стали выносить из домов и грузить домики на телеги до кладбища, Крос разжёл огонь во дворе, а старик запел древние обрядовые заклинания, напоминавшие людям, что обратной дороги домой им больше нет. Пора прощаться и закрывать двери на засовы. Ближе время зла. Пусть скорбь по умершим будет недолгой. Заплачена высокая цена, чтобы не сомневаться – мир теперь в большой опасности. И для борьбы с ней потребуются все силы.

Вечером Гобоян собрал своих товарищей за стенами дома, рядом с сараем у навеса. Над головой раскатилось чёрное полотно неба с угольками далёких и безмолвных звёзд. Казалось Мише, видящих сверху всё, но хранящих надменное молчание, будто презирая людей. А те и не ждали от них подачек. Тот же Гобоян сам брал нужное у природы, платя за это своей душой. И эта цена его не смущала, лишь бы не брать в долг за счёт других. Вот и сегодня он приготовил отнятый у природы реквизит и считал, что совершил это по праву.

На импровизированном столе, сооружённом на широкой колоде для колки дров, были разложены листы папоротника, который нашёл в лесу Миша. Там же оказались каменные ступка с пестиком, короткий нож, чаша воды и покоящийся в ней цветок папоротника.

– Папоротник в Купалу обладает значительной силой, – сказал старик Мише. – Ты забрал его у леса, соблюдая все требуемые законы, поэтому имеешь полное право воспользоваться его дарами. Я мог бы приготовить всё сам и скормить тебе этот цветок, не дожидаясь твоего согласия. Тем более, зная о том, каким ты становишься строптивым, если тебе не разжевали досконально почему, то или иное следует делать. Но, поверь, в большинстве случаев я и сам не понимаю, как это работает и почему надо поступать именно так, а не иначе. Порой знания приходят к нам без всяких объяснений причин своего появления и разъяснения собственной

родословной. Я просто верю, что это правильно и мне становится достаточно уже и этого. Что-то, да, перешло из уст моего наставника, что-то я услышал на стороне, но зачастую я получал знания от земли, где живу, и которая имела настроение поделиться ими со мной. Извини, что опять говорю много слов, но сегодня как раз тот случай, когда следует пояснить, что именно тебя ожидает и с чем придётся столкнуться. И, главное, узнать, что назад пути уже не будет. Забыть полученное знание не получится. Итак, ты готов?

– За этой массой слов ты так и не рассказал, какое именно знание меня ждёт. Так каким образом я могу иметь на сей счёт собственное мнение? А потом, почему ты меня всегда спрашиваешь, готов ли я, если всё равно от моего желания ничего не зависит? Это, что такая форма мучения? Или случилось чудо, и ты намерен предоставить мне выбор на сей раз?

– Очень скоро, Миша, ты будешь совершенно свободен от моих нравоучений и назиданий и правом выбора станешь распоряжаться почти постоянно, поэтому, пожалуйста, можешь выбирать и сейчас. Только знай, что от твоего выбора могут зависеть десятки тысяч жизней этого мира.

– О, ну конечно! Прекрасная альтернатива выбора! Один вариант краше другого!

Друзья рассмеялись, глядя на Мишу. Тот тоже улыбнулся украдкой, но тут же принял рассерженный вид: – Ладно. Сделаю что нужно. Говори, что там меня ждёт. И побыстрее, пока я не передумал.

– Я не знаю, что конкретно получишь ты. Иногда папоротник, собранный в ночь Купалы даёт много, иногда мало. Это зависит и от того, кто его принимает и с какими намерениями. Но, я верю, что тебя он наградит сполна. И твоё представление о нашем мире сильно изменится с той поры.

– Не томи, старик. У меня и так уже поджилки трясутся. Я тут совсем недавно. Если ты забыл, напоминаю тебе об этом. И, если хочешь знать правду, в этом мире каждый день для меня открытие. Каждый день и без всякого колдовства меняет моё восприятие жизни. И я пока не решил, к лучшему или нет. А после минувшей ночи с мертвецами я вообще, по моему, утратил способность удивляться чему бы то ни было. А это, чёрт побери, я считаю для себя действительно потерей! Как мне после такого жить и радоваться простым вещам? Будь моя воля, я с радостью променял бы весь ваш удивляющий мир на банальный поход в кино в моём трижды скучном мире. Но это, увы, пока невозможно. Поэтому долой лишнюю патетику и говори как есть.

– Bravo, Миша! Ты искренен и это делает тебя только сильнее день ото дня, – воскликнул неожиданно довольный Гобоян. – Что ж, как бы ты ни был скептически настроен, удивиться тебе всё же придётся. Ведь после приёма цветка ты станешь понимать языки любых разумных созданий нашего мира, а они станут понимать тебя! Они окажутся предрасположенными к тебе заранее. Неужели это не поразительно?! Постой немного, и ты увидишь, как изменится решительно всё! Всё прежнее твоё представление о мире! Однако, мы рассчитываем и на то, что папоротник откроет тебе некоторые из тайн, сокрытых в нашем мироздании. Не нам, а именно тебе. И тогда мы овладеем так необходимыми нам сейчас знаниями. Знания могут не открыться сразу, но окажутся внутри тебя, как в шкатулке и мы, рано или поздно, получим к ним ключ.

– Лучше рано, – добавил Арис.

– Разумеется! – согласился Гобоян. – Для нас теперь знания – это ключевое оружие, что поможет удержаться в мире живыми. Ты станешь сильнее, мудрее, но... с другой стороны станешь открытым и тем, кто уже ищет тебя. Молва разлетится куда быстрее, чем мы того хотели бы. Мёртвые узнают о том, что именно ты – главная угроза им, после чего будут жаждать убить тебя! Вот какое необычное снадобье я тебе приготовил! Уверен, тебе не терпится попробовать.

Миша закрыл ладонями глаза и зажмурился, что есть силы. И, о чудо – на мгновение ему показалось, что вся эта фантазмагория, что только что окружала его, исчезла раз и навсегда.

Сейчас он откроет глаза, и перед ним предстанет столь желанный город. Побегут по асфальту автомобили, а за мостовыми вырастут бетонные стены многоэтажек. Исчезнет эта реконструкция древности с её деревянным зодчеством и дикостью населения, верующего в духов и привидений. Но яркая вспышка надежды сменилась разочарованием, лишь только он разомкнул веки и увидел, что перед ним, как и были, сидели скрюченная фигура Гобояна, статная каланча из мускул – Кроса и воплощение самой энергии мира – Арис.

Миша удрученно вздохнул и выговорил: – Давай своё пошло. В конце концов, я не могу остаться в стороне. Тем более, если вы так неистово верите во всю ту чушь, что говорите. Быть может, если ничего не случится, мне всё же удастся поколебать вашу веру в камушки и травки и призвать смотреть на мир шире. Заняться не шарлатанской практикой, а точной наукой, которая действительно изменит ваш мир. И тогда мы станем говорить на одном языке, вовсе не прибегая к таким извращениям, как поедание пыльных растений. Вы все тут из-за этих растений находитесь во власти галлюцинаций. И я всю ночь с вами как в агонии бреда! ... Вообще-то вам не мешало бы узнать, что такое электричество, атомная энергия, двигатель внутреннего сгорания. А то живете тут, ... – Миша принял из рук старика чашу и отпил из неё.

– Болтай, болтай, сынок, – ласково проговорил Гобоян и стал отрывать по маленькому кусочку от листа папоротника и скармливать их Мише.

Тот жевал горечь растения и запивал специальным отваром из чаши. Через некоторое время отвращение к вкусу листьев сменилось безразличием, поскольку ощущения стали при-тупляться, а затем и вовсе исчезли. Гобоян сделал надрезы ножиком на тыльной стороне каждой из ладоней Миши и вложил туда внутрь по лепестку цветка папоротника. Но Михаил уже не чувствовал боли. Он механически дожевал остатки листьев и взял в руки протянутый ему стариком белоснежный цветок. Его предстояло съесть целиком, после чего процедура посвящения считалась завершённой.

Миша равнодушно осмотрел перья красивого, словно дышащего лёгкими цветка. Неожиданно он ощутил тепло, идущее от растения прямо ему в руки. Цветок вздрогнул и легонько затрепетал как живой. Мужчина склонил голову к нему поближе и услышал еле различимые слова: – Не сомневайся. Прими меня в себя. Не противься зря.

Миша отпрянул, посмотрел на своих товарищей и те согласно закивали ему. Мол, всё верно. Делай, что говорят!

Неужели они тоже это слышали? – подумал Михаил. Затем закрыл глаза и положил цветок в рот.

Во дворце рахий царь Руперт забылся тревожным сном прямо в своём троне. Он вздрагивал и вскидывал длинные руки. Царю снились орды выходцев из Вырии, наводняющих мир живых. Толпы мертвецов врывались в города и поселения, где жестоко убивали всех без разбора. И, застыв у скалы своих предков, Руперт не мог этому помешать. Он только смотрел вниз и отсчитывал минуты, когда твари придут за ним и его семьёй в Раскопию. Царь сжимал в руке свой кривой меч и готовился к смерти.

Неожиданно сон прервался, ворвавшимся в него голосом: – Ваше величество, очнитесь!

Руперт открыл глаза и сел ровно на троне. Перед ним стоял его подданный, опираясь на высокий посох.

– Говори, Сирух. Ты всё видел? Ты видел его? – спросил царь.

– Я видел достаточно, мой повелитель. Это летун.

– Ты уверен?

– Сомнений нет. Это он.

– Скажи, наделён ли он нужной нам силой своих дарований?

- Пока об этом определенно судить невозможно. Но если вы хотите знать моё мнение, то – да. Этот человек может обрести достаточно могущества для выполнения любой миссии.
- Хвала небу! С бедой всегда приходит и надежда. Так пусть же нам будет сопутствовать удача не ошибиться с выбором.

Он пролетал над землей как птица. Контролируя все свои движения, по одному лишь желанию взмывая выше, либо опускаясь над кронами деревьев, едва не касаясь их руками. За густым частоколом смешанного леса началась пустошь. Земля сменила свой цвет с жизнерадостной зелени на бездушную серость почвы, вздымавшейся буграми, усыпанными камнями, что выползли из недр. По безжизненному серому ковру пустоши танцевали дервиши из песка, закручиваемые игривым ветром.

Совсем скоро безжизненная твердь оказалась обрезана изгибающимся змеиным телом реки. Её широкое полотно не отражало неба и сгрудившихся там облаков. Словно любое присутствие извне тонуло в ней без следа. Река была чёрной как смоль и бездвижной как дыхание смерти. Мужчина заметил одинокий дом, скособочившийся на её берегу. У дома виднелись две пришвартованные к земле лодки. Миша попробовал снизиться, но ветер отбросил его назад ввысь.

Затем с противоположного берега реки в него полетели красные точки, которые по мере приближения превращались в раскалённые до алого цвета камни. Мужчина увернулся раз, другой и насилиу повернул вспять.

Вдогонку ему доносилось яростное рычание: – Мы прикончим тебя! Не суйся, летун!

Он дотянул до леса, где неожиданно утратил способность парить. Миша замахал руками, пытаясь ухватиться за воздух словно за выступ на горе, но пальцы не нашли опоры.

Он начал падать. Все быстрее и быстрее, пока... не открыл глаза.

Михаил лежал на траве во дворе старика Гобояна. Рядом на поленьях расположились Крос, Арис и сам старик, которые с любопытством вглядывались ему в лицо.

– Я знаю, – вымолвил Миша. – Я видел Вырию.

– Теперь твой путь должен соединиться с нашим намерением. Ты поймёшь, что очень нужен людям, – ответил Гобоян и ушёл в дом.

Глава 4. Свой.

На улицах Порога царил непривычная для этого времени дня суэта. Через городские ворота всё прибывали и прибывали люди, которые растекались по мощённым камнем и деревом артериям столицы. Кто-то исчезал с дорог, ныряя в двери многочисленных закусовых и питейных, кто-то застревал среди товарных лавок. Но большинство в едином порыве следовало к детинцу в сердце города. На лицах людей читалось любопытство. Да и как иначе, если по Одинте прокатились сведения о помолвке младшей из дочерей царя Властула и её отъезде по этому случаю из Порога.

Царь с семьёй жил в большом каменном замке, что вздымался островерхим строением в центре холма города. Сколько не силились подданные, увидеть членов царской семьи им это случалось считанное число раз. Древний обычай запрещал правителям показываться на люди и ступать на их землю, чтобы не утратить мнимого небесного величия. Лишь касте приближённых посредников из ближайшего круга было предписано передавать сведения во дворец и доносить оттуда наружу волю правителя. Желających нарушить установленный порядок и выведать, чем живёт государь, ждало суровое наказание – ослепление, к которому могли быть добавлены залитые горячей смолой уши или вырванный у корня язык. Любое из вышеозна-

ченных наказаний умирало любопытство. Другое дело, если возможность сунуть нос за таинственный покров власти возникала на законном основании. Или почти законном.

Сегодня дочь Властула отправлялась в Экурод, где её ждал жених, прибывший из северных земель другой страны людей – Палты. Согласно обычаем, молодые люди должны встретиться на нейтральной от своих замков земле, провести вместе день и ночь и после этого объявить о помолвке, либо, если по каким-то причинам союз оказывался невозможен – отказаться от него. В таком случае они оба изгонялись из людских земель в качестве пилигримов. Небесная царская кровь с той минуты считалась у них выпущенной, а новая не зашедшей. Отчего несостоявшиеся молодожены приравнивались к мёртвым, а значит, доступным для убийства. Более того, долг убить такие создания будто выродков, возлагался на каждого, кто их встретит. Располагала к этому и награда за доставленные головы жениха или невесты.

Очевидно, что выжить после этого удавалось немногим. Да и следовало признать, что за всю историю самодержавия случаи отказа от назначенного брака были единичными. Цена своеволия была явно завышенной. К тому же по древней традиции люди никогда не смешивали браков с представителями других народов земли. А человек мог полюбиться любой, это было лишь делом привычки. Время всех равняет, – говорили в народе.

Ходят слухи, что некогда некоторые из отверженных убежали так далеко, что люди не могли их найти. Сочиняли, что изгнанные молодые люди уходили в Вырию и там обретали настоящее жилище. Однако достоверных о том сведений не имелось, поскольку для короны дело было довольно деликатным и болтовня о том не приветствовалась. Впрочем, в сохранившейся памяти стариков теплились воспоминания о последних изгнанных, неких Дине и Сатоше, что были детьми правителей государств Палты и третьей страны людей – Лилты. Те отреклись от брака холодным утром зачинавшегося дня после проведённой вместе ночи. Якобы в ту ночь из окон башни, куда они были помещены, доносились песни на незнакомом людям древнем языке ворожбы и страшные звуки звериного рыка. После чего молодые появились наружу с отрешёнными лицами серого, как камень, цвета, произнесли слова отказа от союза и убежали в сторону гор. Поговаривают, что их нагнали охотники, но убитыми никто не видел. А сами охотники на третий день после несостоявшейся погони истекли у себя дома кровью без видимых на то причин. Старая история, в которой правды уже не сыскать.

Миша брёл за Арисом по знакомой ему торговой улице первого пояса Одинты. Он тащил под уздцы лошадь, которая то и дело искала случая позлить его, строптивясь и вращая мордой по сторонам. Михаил с трудом пресекал в себе порывы стукнуть упрямое животное чем-нибудь увесистым по голове, а ведь ему надо было его приручить. Лошадь подарили ему в деревне. Самую резвую и перспективную из молодых. Для военного дела, которому он шёл обучаться, такая и нужна, – сказал Гобоян. Но пока Миша не находил повода радоваться подарочку. Скорее он с радостью дал бы лошади пинка под зад и отправился обучаться пешим.

Сопровождать несговорчивую парочку выпало Арису, у которого, казалось, терпения хватало на всех, кроме Михаила. Он кивал знакомым, мог даже улыбнуться, но для своего спутника держал про запас только крепкое слово и суровый взгляд. Помогать ему он не собирался.

Влившись в людской поток, они миновали западную часть города и с облегчением вырвались на свободное пространство окраины, где по узкому переулку меж домов бедняков добрались до места назначения. Спутники подошли к сутулой хибаре, привалившейся боком к городской стене. Вокруг не было ни души и, похоже, что этот уголок столицы уважающие себя люди обходили стороной. Миша накинул поводья лошади на трухлявый столбик ограды и с печалью оглядел будущее жилище.

Арис хлопнул его по спине, затем приблизился к хибаре и постучал в дверь: – Лишь бы он оказался дома. Смотреть на чужих дочерей точно не побегит.

Вскоре дверь со скрипом отвалилась от проёма и в нём появилась растрёпанная голова мужчины. Следом на косяк опустилась ладонь величиной с лопату. А после показалось и всё тело в развевающейся рубахе размером с парус корабля: – Привет! – богатырь обнял Ариса, – заходите.

Гости зашли в дом, где сели за столом из дуба. Миша осмотрелся в тусклом свете, падающем из слюдяных мутных окон. Дом был прост своим убранством, не велик, но удобен для жизни. На низкой печи лежал соломенный хозяйский матрас и тюфяк простецкой подушки. В углу у окна серела многослойная паутина, начало которой было положено, казалось, ещё в день постройки избы. В углу у пола он заметил щель, древесную крошку и зерна мышиного помёта.

Арис кивнул Мише: – Ну вот, здесь ты и будешь жить у нашего друга Соломы.

За поглотившей его внимание задумчивостью тот не всё расслышал и переспросил: – Что?

– Знакомься – хозяина зовут Солома, он бывший воевода Одины! И не просто воевода, а тот, кто десятилетия исправно готовил лучших рекрутов, по силе которым не было равных во всём нашем мире!

– Это так, – вовсе не скромничая, подтвердил воин.

– Солома не настоящее его имя. Если добьёшься от него уважения, может он тебе его и откроет.

– А может и не открою, – снова энергично кивнул богатырь.

– Ну что ж, – Арис поднялся, – мне пора. Тебя ждёт нелёгкая доля, Миша, но достойная мужчины. Бери, что дают. Не отказывайся от трудностей, и тогда ты обретёшь то, что заслуживаешь! А вместе с тобой найдём и мы. Прощай!

– Тяжело в учении, легко в бою, – невесело добавил Миша, когда дверь уже закрылась за спиной бородача.

– Здорово! Хорошо придумал, надо запомнить! – крикнул от удовольствия Солома.

– Это не я придумал, но пользуйтесь.

После того как Арис ушёл, воевода поднял Мишу на ноги, пощупал его мышцы, покрутил словно кукле спину и руки, сокрушённо кряхтя под нос, и подытожил: – Времени мне дали немного, но будешь стараться – успеем. Не будешь стараться, всё равно успеем, но придется тебя наказывать! Решай сам. Возиться с твоими жалобами не стану. Давать поблажки тоже не буду. Захочешь сбежать – найду и накажу. Ясно?

После того, как Миша обречённо согласился со столь безрадостным планом, начался новый этап его жизни в этом мире, требующем столько самоотречения и физического труда, сколько он не испытывал за все прожитые годы.

Воевода оказался довольно паршивым педагогом, зато человеком, в совершенстве владеющим навыками выживания в мире дикой природы и войн. Под его грубоватым, но действенным руководством Михаил день за днём знакомился с различными представителями растительного и животного мира, познавал методы маскировки, бесшумного и быстрого перемещения на суше и в воде, задержке дыхания и медитации. Искусство Соломы по ведению поединка, как с одним, так и несколькими противниками, в корне отличалось от представлений, ранее имевшихся у Миши. Традиционные приёмы бокса и восточных боевых искусств, которые Михаил неоднократно видел и даже когда-то пытался учить, использовались в весьма усечённом виде. Словно любое из движений рук и ног следовало максимально упростить и подчинить самой короткой траектории движения. Защищаться всем, чем возможно; бить всем, что доступно. Воевода учил Мишу наносить удары и не отскакивать назад от встречных, а ломать их ещё на излёте из тела противника. Не пропускать вражеский кулак, а бить по нему навстречу лобной частью головы, чтобы сокрушить тонкие кости кистей рук соперника и после уничтожить и его самого одним, максимум двумя мощными ударами. Ломать суставы против их сгиба. Бить в пах, по шее, в солнечное сплетение и по вискам. Наносить страшные по своей

природе удары, не заботясь о нравственной стороне дела. Оборона воеводы была жестокой и смертоносной опережающей атакой.

Обучение продолжалось с раннего утра и до поздней ночи, перемежаясь с невероятными по нагрузке и трудности исполнения силовыми упражнениями. Миша бегал кроссы с зажатым между бёдрами тяжёлым поленом, тренируя мышцы ног, чтобы можно было одними ими удерживать и управлять лошадью. Он приседал и прыгал с коромыслом на плечах, держащим пару ведер по 15-20 литров воды, а после этого шёл выдёргивать голыми пальцами из земли колышки, что вогнал туда воевода. Он боролся с воинами, которые по зову Соломы приходили помочь в тренировках. Учился стрелять из лука, бить ножом, топором, мечом, дубиной. После того, как Михаил усвоил повадки животных, воевода отправлял его состязаться с волами и кабанами, которых надо было не только оседлать, но и убить точным ударом кулака между глаз.

По ночам Мише снились голоса птиц и зверей, что они изучали с воеводой, разновидности съедобных и несъедобных растений. Среди сна над его ухом мог прозвучать свирепый бас Соломы, зовущий измождённого мужчину к свершению очередного дела или отражению вымышленной угрозы. Миша кричал от досады, но шёл выполнять задание, поскольку отказ от этого мог выйти куда дороже. За провинность воевода мог засадить со связанными руками на день в бочку с водой где-нибудь на скотном дворе и тогда сиди там и глотай воду, прячься от многочисленных слепней и мух, атакующих тучами со всех сторон.

Михаил достаточно окреп физически и усвоил начальный этап подготовки уже к началу осени, а к её исходу стал ощущать непривычное его прошлой жизни чувство уверенности в собственных силах и готовность противостоять опасности. Глаза Миши стали ещё более остры, кожа надулась броней твёрдых мышц, ноги обрели быстроту и выносливость. Он отпустил небольшую бородку и отрастил длинные волосы, что не только прибавило возраста, но и словно завершило создание нового Миши. Не того субтильного близорукого мужчины с лишним весом, кем он был прежде, а настоящего мужа, владеющего любыми орудиями труда и войны, являющегося частью природы, знающего её ловушки и секреты и способного выжить в любых стеснённых обстоятельствах.

За то время, что Михаил провёл у воеводы, его изредка навещали Арис или Крос, которые, похоже, приходили только затем, чтобы убедиться в том, что их товарищ ещё не отдал концы. Сам же Миша почти не имел свободного времени на прогулки по городу и его окрестностям. Однако и за скупое отпущенное ему время он успел познакомиться со столицей, отчасти узнать её обитателей и уклад их жизни. Новых друзей мужчина не искал, быть может только обрёл приятелей среди воинов, которые время от времени приходили по зову воеводы побыть его спаринг-партнерами. Но зато заметил перемену в отношении к себе со стороны самого Соломы. По прошествии месяцев изнурительных тренировок, которые мужчина тащил на зубах, но не ныл и не сдавался, тот стал более покладист к Михаилу. Заводил с ним беседы, звал с собой на охоту.

Во время одной из таких бесед Миша узнал, почему воевода не служил Одинте, а жил отшельником на окраине города. То случилось ещё несколько месяцев тому назад, когда воеводу не кликали нынешней кличкой, а звали уважительно по имени – Бореслав. Когда он имел семью и достаток, а под его началом служили несколько сотен отборных воинов, способных защитить царя и отечество от любого неприятеля. Но стряслась беда. В ту ночь воевода заступил в караул после попойки. Накануне он с воинами праздновал рождение у одного из них долгожданного сына. У воеводы притупилась чуткость, а, как назло, в ту пору ехал в Порог посол от лирогов, что жили в земле, расположенной за горами. Бореслав уснул на посту, но сквозь сон услышал стук копыт и, сам не отдавая отчёт в своих действиях, метнул копьё в направлении шума. Он пронзил им посла, пригвоздив того мёртвым к земле. Посол же вёз царю Одинты очень важные слова от Тита, который в то время ещё правил лирогами. Тит был правителем очень крутого нрава и впоследствии, как не принял извинений в смерти посла, так и

не раскрыл того, что тот вёз в Одинту. За смерть подданного он забрал жизнь жены Бореслава, подослав к нему в дом тайных убийц. Обезумевший от горя потери, воевода собрал отряд и сам направился к дворцу Тита мстить. Когда отряд переходил горы, в которых живут рахии, Бореслав обманул их, сказав, что идёт с миссией царя Одинты, чем вынудил рахий открыть границу. Они добрались к Озеру Луча, рядом с которым жили лироги, и спрятались у берега дожидаться подходящего момента для нападения на Тита. Чтобы скрыться с чужих глаз, дружинники по команде Бореслава укрылись соломой. Однако царь лирогов каким-то образом разглядел угрозу, и в эту же ночь водяные твари из Озера передушили половину отряда Бореслава, а вторую добила стражники Тита. Воеводе была оставлена жизнь, после чего его с позором переправили в Одинту, словно вызов её царю. Царь Властул не стал развязывать войну с соседями из-за заступничества за Бореслава. Тем более он действительно не знал о намерениях того идти войной на Тита. Воевода был отстранён от службы и покрыт позором, что втянул в личную месть лучших воинов государства, которые сложили головы ни за что. Мальчишки принялись дразнить бывшего воеводу Соломой, а тот безропотно принял это и отстранился от жизни города и всей Одинты. Его сердце скорбело по павшим товарищам и разрушенной семье, а совесть не могла смириться с виной в их гибели.

Однако, месть и жажда крови Тита не остывали в воеводе, а напротив разгорались день за днём. И кто знает, чем бы это кончилось, если бы правитель лирогов скоропостижно не оставил сей мир. Бореслав клялся, что не имел к его смерти никакого отношения, но не скрывал, что сожалеет о том, что не прикончил Тита сам.

Как бы то ни было воевода не вернулся к обществу даже тогда, когда память о его былой промашке поросла мхом. Да и Властул не звал бывшего помощника назад на службу. Хотя после смерти Тита для межгосударственных отношений это уже не несло никакого риска. Да и, надо признать, позвал бы – Бореслав не пошёл. За время своего отшельничества он многое переосмыслил в жизни, свёл дружбу со знахарями и мудрецами, усмирил свой вспыльчивый нрав и направил энергию на службу делу мира, а не войны. Он посвятил себя служению Лучу, охраняющему наш мир от мира мёртвых. Стал адептом идей древних хранителей мира живых, хоть и не был приглашён в их число. Именно поэтому он без промедления откликнулся на просьбу Гобояна принять Мишу на обучение военному мастерству. Воспитать в том, кого нарекли избранным, дух воина и предать крепость его телу. И, надо отдать должное, воевода делал свою работу на совесть.

Утром одного из дней начавшейся в Одинте зимы, когда Михаил сидел у крыльца дома воеводы и чинил, пришедшие в упадок, сапоги, к нему подошёл молодой рахия и почтённо склонил голову: – Приветствую тебя чужеземец! Позволь отвлечь от дел и уделить мне пару минут. – Рахия говорил на своём языке, который, как и многие другие, Миша ясно понимал после того, как вкусил папоротник.

– Говори, – ответил мужчина и поднялся поприветствовать гостя.

– Наш правитель, Руперт, просит тебя навестить его. У рахий к тебе важное дело, которое окажется значительным и для тебя. Не откажи нам во встрече.

– Как тебя зовут?

– Лурд. Это древнее имя моего народа, означающее «тишина».

– Спасибо за приглашение, Лурд, но я не свободен. Моим временем распоряжается хозяин этого дома, Бореслав.

Рахия поморщился: – Не говори вслух этого имени. Если бы не необходимость найти тебя, я ни за что не приблизился бы к дому этого лгуна! Каждый из рахий помнит тот обман, что послужил дополнительной причиной распрей нашего народа с лирогами, не стихнувших и

по сей день! Этот цакр, что на нашем языке означает негодяй, воспользовался доверчивостью правителя и сделал всех нас сопричастными своему преступлению! Вечный ему позор!

– Постой, Лурд! Возможно ты не знаешь того чувства, когда твой разум ослеплён горем и жаждой справедливой мести. И в этом твоё счастье. Но не берись судить сгоряча тех, кто попался в сети отчаянья. У них есть оправдание, надо только в это поверить и принять как есть. К тому же прошло столько времени, что нелепо винить одного человека в раздорах целых народов. Значит для того есть иные причины, куда более приземлённые, чем потревоженные чувства. Всегда ищи корень бед в любви или золоте. Вот мой тебе совет. А плюс к тому прошу тебя учесть и мои чувства, поскольку я искренне благодарен Бореславу за его терпение и труд, что он отдаёт ради меня день за днем. И если ты станешь оскорблять его, я адекватно отвечу тебе, после чего уже точно не пойду ни с тобой, ни с кем-либо другим к твоему правителю.

Рахию скрутило от досады. Он что-то пробубнил под нос, затем морщины на его лице разгладились и он ответил: – Прости меня за невежество, чужестранец. Я был неправ и больше не оскорблю твоих чувств к этому человеку, – он кивнул на пустой дом воеводы. – Пойдёшь ли ты теперь со мной?

– Если на то будет согласие Бореслава – да.

К обеду воевода вернулся, выслушал Мишу и немедленно согласился на его встречу с Рупертом. Он помог ему снарядиться в дорогу и к вечеру Лурд и Михаил были уже у подножия гор Раскопии, страны великих рахий, владельцев каменных стен этого мира.

К рахиям со стороны Одинты вела всего одна тропа шириной с поступь лошади. Тропа взбиралась по уступам, покрытым снегом, всё выше и выше, уходя зигзагом к вершине скалы. Миша не отставал от Лурда, который шустро перескакивал с одного опасного участка на другой, порой непринуждённо балансируя над пропастью в сотни метров глубиной. Над их головами в морозном воздухе кружил орёл, чьи широкие крылья отливали фиолетовым в свете набирающей силу луны и звёзд.

На самом верху перевала спутников встретил пограничный отряд рахий, вооружённых каменными и металлическими топорами и копьями. Миша отметил, что оружие граждан Раскопии никуда не годилось случись им битва с серьёзным противником. Впрочем, первое впечатление могло быть и обманчивым. За перевалом их ждала повозка, запряжённая парой карликовых лошадок, которые лихо рванули вперёд и вскоре привезли седоков ко входу во дворец. В пути Миша внимательно изучал уклад местной жизни рахий, что селились в пещерах и не шибко заботились о красоте собственных жилищ.

Дворец оказался высечен в отвесной стене скалы, обращенной лицом на юго-запад. Перед входом в него зияла пропасть, через которую был перекинут крепкий мост. Спутники проследовали внутрь стен дворца пешком и после путешествий по мудрёным витиеватым переходам оказались в тронном зале.

На высоком постаменте, в глубоком седалище трона их дожидался правитель Руперт: – Приветствую тебя, чужеземец! Располагайся! Утоли жажду и голод в нашем доме, – царь указал на богато уставленный угощением стол.

Миша почтительно поклонился и сел. Он не спеша попробовал почти из каждого блюда по кусочку, после чего выпил предложенный ему кубок вина. На этом церемония вежливости была завершена, и мужчина обратился к царю: – Я рад знакомству с народом великой Раскопии, но твой подданный дал мне знать, что царь Руперт имеет ко мне неотложное дело. Так ли это, повелитель?

– Всё верно и предлагаю сразу приступить к нему. Итак, ты прекрасно знаешь, что в мире происходят изменения, которые заставили нас всех волноваться о будущем земли. За

минувший год мир живых ощутил на себе множество лишений. Смерть, пришедшая из Вырии, словно ядовитое облако отравила и унесла десятки, если не сотни жизней людей, посеяла хаос и смятение, что заставило каждого из нас засыпать и просыпаться с чувством страха за будущее. Жители Одины, как пограничного государства, приняли удар на себя. И мы все знаем, какие страшные потери были понесены. Никто не умаляет достоинств мира людей и вашего права сетовать на несправедливость судьбы. Однако, пока длится зима, и твари не идут через Забыть-реку, в первую очередь, у самих людей пришло ложное успокоение: а может всё кончилось? Всё разрешилось само по себе? Минувший кошмар стал стечением обстоятельств, которое уже не повторится?

– Может это действительно так?

– Увы! Мы знаем, что нет... Гобоян и твои друзья знают, что нет. Это была лишь прелюдия, а настоящая беда впереди. Придёт тепло весны, и скопившаяся сила мёртвых опрокинется на мир, сметая на своём пути и людей, и рахий, и лирогов, и белозеров, уничтожая всё живое! Вот, что неминуемо произойдёт и очень скоро. Вот, что беспокоит царя рахий, и должно бы волновать каждого, кому не безразлична собственная жизнь!

Руперт наклонился от спинки трона вперёд и резко махнул широкой ладонью поперёк, словно перерубая невидимую шею врага. Свет многочисленных канделябров на стенах сверкнул огнём на гранях большого рубина в перстне царя.

– Но, повелитель, если даже битва и неминуема, то чем именно я заслужил твоё внимание? Почему ты думаешь, что мой голос в этом тронном зале поможет вселить в тебя надежду?

– Наполни свой кубок, воин, и приготовься слушать. Я открою тебе тайну сохранения равновесия в мироздании. Это знание королей, но ты будешь посвящён в него. Оно могло прийти к тебе от ворожея Гобояна, но тот дождался, пока это сделаю я. Полагаю, на то были веские причины. А теперь, присядь и слушай.

Миша сел, налил в кубок густого бардового вина из горной брусники, и отпил добрую треть залпом. В голове немедля зашумело, и молодой хмель отдался в членах тела приятной негой.

– Я расскажу тебе о событиях, в результате которых установился миропорядок, который ты можешь наблюдать сегодня. Это история нашего мира, которая тебе пока неведома, поскольку ты в нём гость, пришелец. – Руперт кивнул Мише, давая понять, что знает о нём куда больше, чем тот мог догадываться. – Итак, наверное, тебе известно, что за нашими землями лежат земли народа лирогов. Они очень похожи на людей, но ты увидишь, что между пальцами их рук и ног есть перепонки, а за ушами чёрные дырки с человеческий палец толщиной. Их кожа тверда как кора дерева и ходят они, словно плывут. Это потому, что лироги могут жить как на земле, так и в воде. Они не совсем земные создания. Скорее, что-то среднее, между человеком и рыбой. Они не могут жить в воде постоянно, но всё же способны пробыть в ней довольно долго. Теперь ты можешь меня спросить, что же они здесь делают, вдалеке от моря? Как их природа соответствует среде их обитания? И я тебе с удовольствием отвечу – это не их земля! В землях, где они царят нынче, некогда жил народ раввов, которые были нашими предками. Предками рахий! Как тебе это нравится?

– Любопытно. И что же случилось с раввами?

– Отличный вопрос! Но сперва, прежде чем ты получишь ответ, тебе следует узнать, что собой представляет Стелла Луча. А это, дорогой Миша, очень важное для мира явление. Это статуя создателя мироздания, который после окончательного сотворения мира, и ссоры со своим антагонистом – демоном, принёс себя в жертву, застыв в камне. Его именуют Богом. Говорят, таково его имя во всех мирах, и наш не стал исключением. Бог в виде статуи остался на земле, чтобы охранять покой живых и покой мёртвых, что до того почти сосуществовали рядом. Но мёртвые решили нарушить законы мироздания. Их подвиг на то их повелитель, главный бунтовщик. Но о нём в двух словах не расскажешь. В результате, после появления

статуи Бога живые и мёртвые оказались разделены окончательно, как стеной. А их возникшее равновесие и невмешательство в жизнь друг друга – превратилось ещё в один из законов существования мира. Те, кто после смерти сохранили свою плоть – переходят на мёртвую сторону, где продолжают существовать по её законам, среди её устоев, её народов. Остальные остаются здесь только нематериально. Призраки, что живут меж мирами. Мы знаем об этом, но, увы, не так много, как хотелось бы. Те, кто успокоился с миром – это часть его общего знания и развития. Они наши друзья. Но тем, кто оказался за стеной – покой требуется заслужить. Впрочем, раньше мы не стремились узнать о мёртвых, запертых от нас стеной, столько, сколько хотели бы знать теперь. Ведь прежде не было причин для войны между нашими частями мира. Застывший статуей – Стеллой – Бог исторг свечение, вышедшее из него Лучом, распавшимся на атомы и породившим стену на границе Забыть-реки, отделяющей землю мёртвых от земли живых. С той поры мёртвые остались на своей половине и зажили собственным укладом, а мы своим. Иногда некоторым, как с нашей стороны, так и с другой, удавалось проникнуть за стену ночью. Но редко причиной являлось желание причинить зло друг другу. Скорее мы обменивались знаниями, что позволяло, например, живым лечить разные болезни. Знания мёртвых для этих целей зачастую оказывались бесценными. Однако, в один из дней, тысячелетия назад, устои мира пошатнулись. Ты внимательно слушаешь меня?

– Конечно, правитель. Продолжай, пожалуйста!

– Стелла Луча стояла на высоком холме у подножия наших гор у границы нынешней земли лирогов. Она была ростом в семь человек. Обращённой к северу и раскинувшей огромные руки с повернутыми к небу ладонями. Бог застыл в этой позе, простирая власть своего миролюбия на все создания Земли: живые, мёртвые, вымышленные. Не важно какие! И Луч струился из священных камней, что расположились на его лбу и плечах и имели свои имена: Бора, Тиса и Кротт. Народ наших предков раввов был избран хранить Стеллу Бога, что он и делал исправно, посвятив всю жизнь этому делу. И вот, в один из дней, никто не знает почему, земля неожиданно содрогнулась. Ледяные воды океана с севера поднялись и обрушились на сушу, сметая всё на своём пути. Они докатились стеной до Стеллы Луча и разбились о неё. Океан будто споткнулся о Бога, сдался и отступил назад. Однако, совершил непоправимое. Он обрушил Стеллу Бога. Быть может это и было целью потопа?... Стелла упала с холма у подножия горы и образовала в земле глубокую впадину, которую заполнили уходящие воды океана. Так родилось озеро, которое впоследствии нарекли Озером Луча. Во время потопа раввы погибли. Уцелели только те, кто успел забраться высоко в горы. А после того как океан отступил, на землях раввов, окружив Озеро Луча, остался, вышедший из северного океана, народ лирогов. Лироги нарекли себя новыми хранителями статуи Бога и не позволили слабому, почти уничтоженному стихией народу раввов, вернуться на свою землю. Раввы с тех пор нарекли себя рахиями, что на древнем языке раввов означало – избранные. Мои несчастные предки верили, что они вернутся на свои земли и продолжат своё служение Богу и Лучу. Мы и сейчас в это верим.

– Неужели с тех пор рахии ни разу не пытались отвоевать свои земли силой?

– Нет. Рахии не воины. Мы хранители. Мы умеем сражаться, но не станем лить кровь тех, кого мы, в конце концов, собираемся защищать. Тем более, с той поры как Стелла опустилась на дно Озера, лироги стали её лучшей защитой. Ведь рахии совсем не умеют плавать. Мы полюбили эти горы и стали править здесь, чтя своим долгом защищать рубежи Стеллы в горах. Но, если случится повод взяться за оружие – весь мир узнает, что рахии умеют сражаться так, как никто другой! – Руперт стукнул по граниту трона с такой силой, что даже на столе у Миши звякнула посуда.

– Так что же случилось с Лучом?

– Увы, когда океан опрокинул Бога с холма, первый камень – Бора скатился с его левого плеча и был утерян. Луч с тех пор ослабел. Это стало началом, когда обмен между мирами

живых и мёртвых участился. Но не только. С того времени стало ясно, что наш мир не единственный в своём роде. Подобных ему десятки, сотни, тысячи! Искаженных временем отисков одного и того же, но в разных временных поясах, в разных климатических условиях. Мы узнали об этом благодаря таким как ты – летунам! Поскольку после падения Стеллы в воду между этими мирами тоже стали случаться разломы, куда исчезали и живые и мёртвые. Они перелетали из мира в мир. Но, об этом я расскажу после... Итак, с падением Боры стена у Забыть-реки утончилась. В ней появились слабые места. Жжение Луча ослабло. Оно по-прежнему разило умерших днём, но уже не всех. Среди них стали появляться и те, кто мог втиснуться в мир живых. И мёртвые воспользовались этим. Те, кто мог, стали нарушать границу и всё чаще приходили в наш мир, даже среди белого дня! И пускай пока их намерения оставались преимущественно не враждебными, в мир уже проник предвестник хаоса. Из Вырии явились так называемые чёрные пчелы. Мир живых стал подвергаться страшным болезням, но всё же то оставались всё ещё одиночные и не частые случаи. Живые приспособились к этому. Страшное случилось позже. Когда пропал второй камень – Тиса. Мы все догадываемся, что лироги знают, почему это случилось, но... добиться от них ответа не удалось, даже минуя столетия с того трагического дня. После того как с плеча Бога исчез Тиса, разделение миров оказалось нарушенным уже основательно. Мёртвые будто того и ждали!

Как я уже упомянул, и у мёртвых есть свой повелитель – демон, который с возникновением Луча оказался почти заточён Богом в Вырии. Он и так то оттуда не планировал выходить, но с помощью оказавшихся в его распоряжении мёртвых давно желал изменить границы мира. Покровительство и власть над смертью вскружили ему голову, и он уверовал в то, что именно мёртвым должна принадлежать большая часть мира. Именно они заслуживают главной роли в нём! Век мёртвых по сравнению с жизнью безграничен. Он не имеет срока. Демон много раз пытался убедить Бога в том, что именно смерть является высшей точкой развития живого организма, ибо после неё он обретает возможность духовного роста без отвлечения на такие надоедливые проблемы как: голод, жажду размножения, необходимость борьбы за выживание. Демон предложил рассматривать жизнь как среду питания для мёртвых и их инкубатор. Он стал возмутителем спокойствия. И сила его была велика. Именно он заставил Бога принести самого себя в жертву и породить Луч! Разгоревшийся с солнцем, рождённый Богом, Луч стал для мёртвых невыносим. Его свет запер их за границей Забыть-реки, куда не попадал сам и где не сжигал смерть дотла. Демон выл и бесновался от злости! Луч заставил и его влезть ещё дальше вглубь земли, где он впал в сон. Лишь ночью Луч стихал, отчего, как я уже и говорил, смерть изредка навевалась в наш мир. Но после того, как второй камень пал, Луч стал светить ещё слабее. Демон очнулся и узрел для себя новые надежды. С подачи воспрявшего духом правителя мёртвые принялись расшатывать наш мир. На земле стали случаться потопа, страшные пожары, которые были делом их мерзких рук. На наш мир обрушились новые болезни, эпидемии и пандемии, что уносили жизни целых поселений и городов! Стена ослабела, но существующий тысячелетия на земле Орден хранителей, всё же сумел обуздать тварей и добиться приемлемого мира. Мы откупились от Вырии, отдав им право поселить некоторые народы в Средени – лесу, что раскинулся на границе Забыть-реки. Правда, исключительно только те народы, что некогда в этом лесу и обитали. Без малейшего их права нападать на людей.

– Кто это такие, Орден хранителей?

– Он был создан после падения Стеллы Бога на дно Озера. Его создали рахии, лироги, люди и белозеры.

– Белозеры? Я снова слышу о них, кто это?

– Это народ страны хрусталия. Они живут у океана. Я расскажу тебе о них, когда придёт время. Сейчас ты можешь просто взглянуть на карту, что выложена мозаикой на столе. Там ты увидишь наш мир и государства, что образовались в его части, хорошо известной ранее равнам. Этот стол принадлежал ещё нашим предкам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.